

история / география / этнография

Петр Черкасов

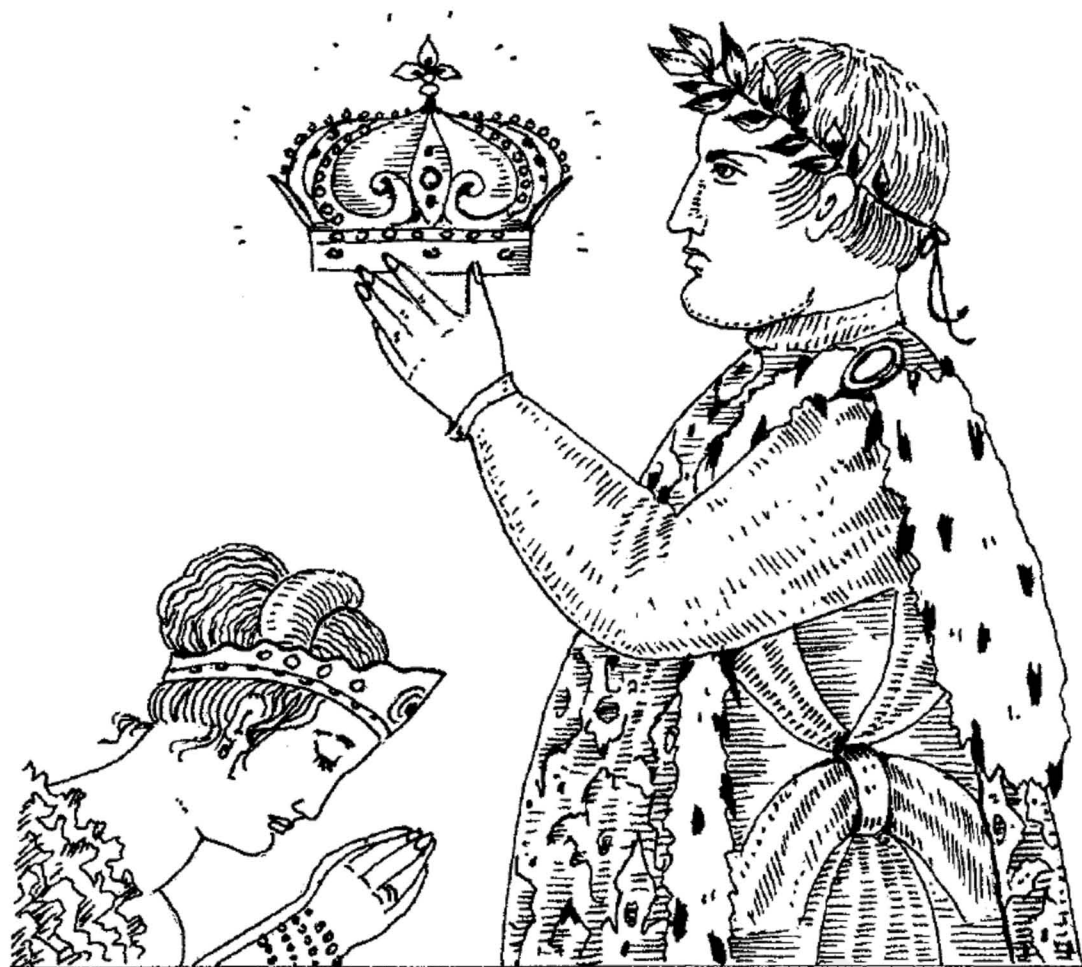
П

равители
Франции

XIX век

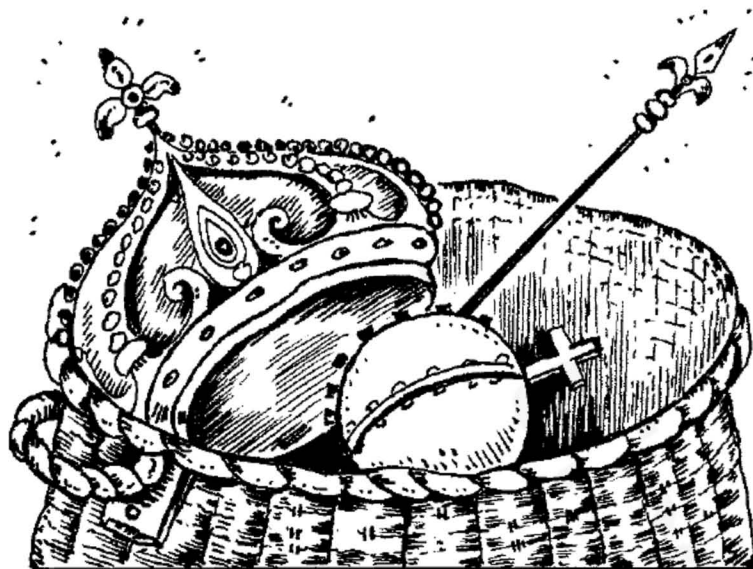
Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Петр Черкасов

Правители Франции

XIX век

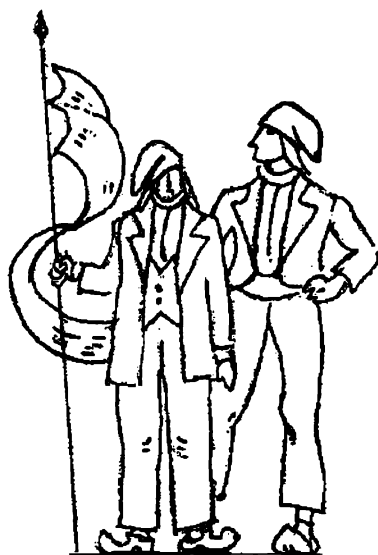

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 94(44)04-08
ББК 63(0)52-53
Ч-48

Составитель серии Владислав Петров

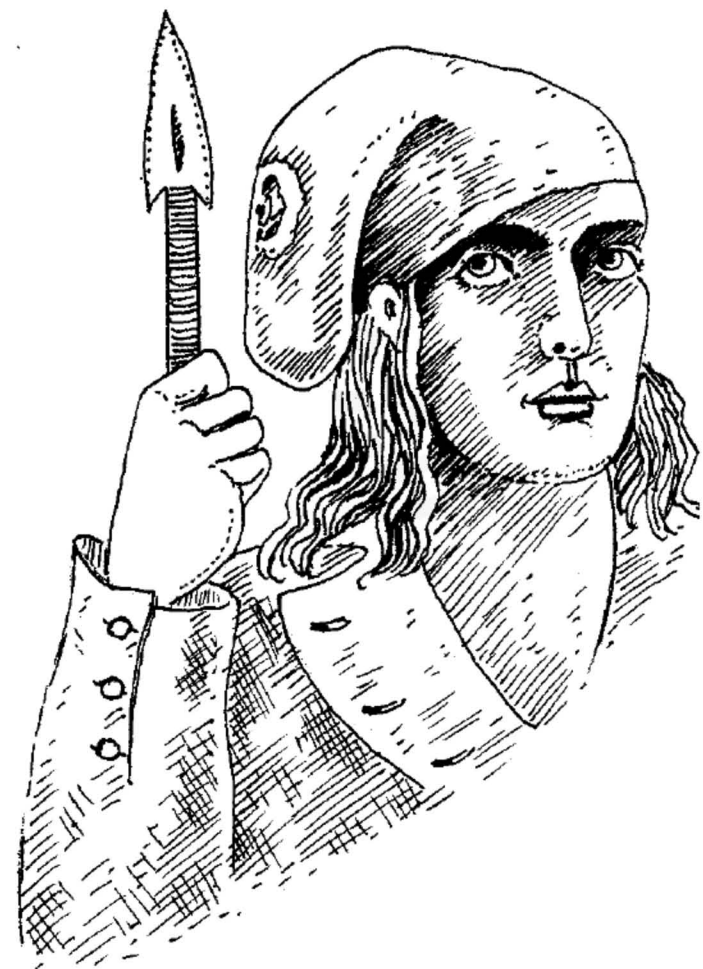
Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-504-3

© Петр Черкасов, 2019

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2019

От автора

Эта книга — продолжение предыдущей работы автора, посвященной правителям Франции XVII — XVIII веков*. На этот раз речь пойдет о тех, кто управлял Францией в XIX веке — самом насыщенном политическими потрясениями и драматическими событиями периоде французской истории. И в самом деле, за сто лет во Франции в результате трех революций — 1830, 1848, 1870 годов и нескольких государственных переворотов шесть раз менялся политический режим. За это время французы пережили разорительные наполеоновские войны, две иностранные интервенции, народные восстания и череду острых внутривнутриполитических кризисов.

* П. Черкасов. Правители Франции. XVII — XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2018.

Первая республика, установленная в 1792 году, была ликвидирована в 1804 году Наполеоном Бонапартом. Учрежденная им Первая империя спустя десять лет (1814) пала под ударами армий антифранцузской коалиции. В обозе победителей-интервентов к власти в Париже вернулись Бурбоны, установившие в стране режим Реставрации, просуществовавший полтора десятилетия. Революция 1830 года окончательно изгнала Бурбонов из Франции, где был установлен умеренно либеральный режим Июльской монархии во главе с «королем-гражданином» Луи-Филиппом Орлеанским. Как оказалось — ненадолго. Июльская монархия была свергнута в феврале 1848 года демократической революцией, провозгласившей во Франции республиканский строй.

Однако судьба Второй республики оказалась и вовсе незавидной. Поспешно провозглашенная Республика обнаружила свою нежизнеспособность. Она не продержалась и пяти лет, став легкой добычей Луи-Наполеона Бонапарта. Племянник Наполеона I, сделавшись президентом Республики, совершил государственный переворот и провозгласил во Франции Вторую империю, а себя — императором Наполеоном III.

Вторую империю, как и Первую, погубили непомерные амбиции ее правителей, толкавшие Францию на путь экспансии. Крымская, затем Франко-итало-австрийская война 1859 года, Мексиканская авантюра 1861—1867 годов, наконец, злополучная война с Пруссией, к которой Франция оказалась совершенно не готова. Унизительное поражение французской армии во главе с Наполеоном III вызвало в Париже очередную революцию (4 сентября 1870 года), свергнувшую бонапартистский режим.

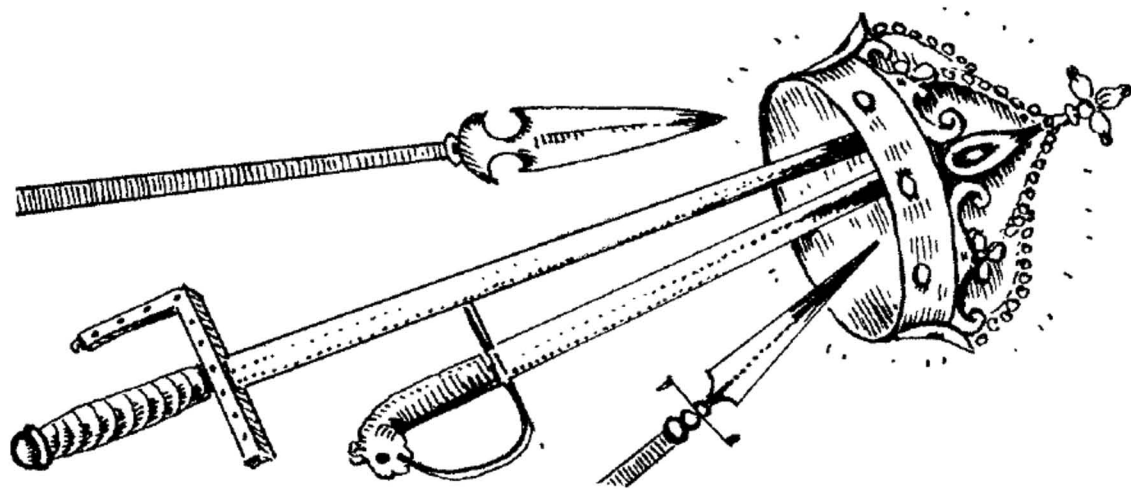
С падением Второй империи Франция в третий раз за свою историю стала Республикой. Становление Третьей республики проходило в обстановке ожесточенной борьбы между республиканцами и монархистами разных течений — легитимистами, орлеанистами и бонапартистами. Временами казалось, что Третья республика, как и ее предшественница, обречена и что Францию ожидает очередная монархическая Реставрация. «Борьба за Республику» — так в исторической литературе называют этот период в истории Франции — с неослабевающей напряженностью велась на протяжении десяти лет, вплоть до начала 1880-х годов, когда республиканский строй обрел наконец устойчи-

вость и доказал свою жизнеспособность. Третья республика оказалась самой долговечной в истории Франции. Она просуществовала без малого семьдесят лет — с 1870 до 1940 года.

Многочисленная смена политических режимов во Франции на протяжении XIX века сопровождалась изменением роли и полномочий главы государства — императора, короля, главы исполнительной власти, президента Республики. Во времена конституционной монархии, проникнутой духом авторитаризма — при двух Наполеонах и двух последних Бурбонах, а также при Луи-Филиппе, — эта роль во многом была определяющей, хотя и в разной степени.

С установлением Третьей республики и утверждением парламентской демократии полномочия главы государства были существенно урезаны, а его роль постепенно свелась к выполнению почетных представительских функций. Правда, в периоды возникавших время от времени острых политических кризисов президент Республики становился арбитром в их разрешении. Тем не менее даже при парламентском режиме личные качества главы государства, его убеждения и политический опыт играли немаловажную роль.

Представить историю Франции XIX столетия через личности и деятельность ее правителей — такова задача автора этой книги.

Наполеон I

Во время войны с Наполеоном семидесятилетний действительный тайный советник Иван Александрович Заборовский рассказывал одну, казавшуюся многим фантастической, историю, которая, как утверждал рассказчик, повернись дело иначе, могла бы предотвратить французское вторжение в Россию, да и вообще изменить весь ход европейской истории.

В конце 1787 года, рассказывал Заборовский, он — в то время генерал-поручик — получил повеление императрицы Екатерины II срочно отправиться «сухим путем» во Флоренцию, а от туда в Грецию и на Сицилию, к берегам которой должен был подойти отряд русских кораблей с 6-тысячным десантом. Ко времени прибытия морского отряда генералу Заборовскому было приказано набрать на месте определенное количество иностранных офицеров для использования их знаний и опыта в начинавшейся войне против Турции.

Одним из кандидатов на зачисление в русскую службу был внешне ничем не примечательный французский лейтенант-артиллерист Бонапарт, находившийся в продолжительном отпуске на острове Корсика, откуда он был родом.

Как утверждал Заборовский, незадолго до встречи с лейтенантом Бонапартом он получил из Петербурга строгое указание — не принимать иностранных офицеров в русскую службу тем же чином, который они имели в своей армии. Поэтому Заборовский был готов принять лейтенанта Бонапарта в русскую службу, но лишь с первым офицерским чином, то есть прапорщиком (младшим лейтенантом). Бонапарт счел это для себя невозможным, и контракт не был подписан.

Впоследствии Заборовский, ставший сенатором и действительным тайным советником, часто вспоминал этот случай, сетуя на инструкцию, не позволившую ему удовлетворить более чем скромное желание лейтенанта Бонапарта и тем самым направить его честолюбие в другое, менее опасное для Европы, русло.

Имела ли в действительности место эта история или ее следует отнести к числу исторических анекдотов? Кто знает... Но даже ничем не подтвержденный рассказ почтенного Ивана Александровича не может не навести на мысли о роли его величества случая в историческом процессе. Необыкновенная жизнь Наполеона Бонапарта дает тому множество примеров.

Будущий император французов родился 15 августа 1769 года в Аяччо, столице Корсики, которую годом ранее Франции уступила Генуэзская республика*. Многие корсиканцы не желали быть ни под властью генуэзцев, ни сменивших их французов. Они встали под знамена генерала Паскуале (Паскаля) Паоли, вождя корсиканского сопротивления французским интервентам.

* Корсика попала под управление Генуи еще в середине XIV века (1347). На протяжении столетий корсиканцы вели упорную борьбу за национальное освобождение и к середине 1750-х годов сумели установить контроль фактически над всей территорией острова за исключением нескольких городов-крепостей на морском побережье. Неспособность справиться с корсиканским национальным движением и побудила Геную в мае 1768 года уступить остров королю Франции Людовику XV в обмен на французские субсидии.

Горячим приверженцем Паоли был и Карло (Шарль) Мария Буонапарте (Бонапарт), корсиканский дворянин, получивший юридическое образование в Риме и Пизе*. В 1763 году 17-летний Буонапарте вернулся в родной Аяччо. Год спустя, по настоятельной рекомендации Паоли, своего кумира, он женился на 14-летней красавице Марии Летиции Рамолино, дочери генерального инспектора мостов и дорог Корсики. В молодой семье адвоката Буонапарте один за другим рождались дети, часть которых умирала в младенчестве. До зрелых лет дожили восемь отпрысков этого семейства — Жозеф, Наполеон**, Люсьен, Элиза, Луи, Полина, Каролина и Жером.

21 июня 1771 года Наполеон, второй из сыновей Шарля Бонапарта, был крещен в Аяччо, в старинном кафедральном соборе Успения Святой Девы Марии (Cathédrale Santa Maria Assunta d'Ajaccio).

К тому времени месье Бонапарт уже покинул ряды сторонников корсиканской независимости. Это произошло летом 1769 года, почти одновременно с рождением второго сына, после того, как повстанческие отряды Паоли 9 мая 1769 года потерпели сокрушительное поражение от французской армии генерала де Во на равнине Понто-Ново, у реки Голо. Самому Паоли удалось избежать плена. 13 июня 1769 года вместе с братом и пятьюстами соратниками он успел подняться на борт поджидавшего его в Порто-Веккио английского корабля и покинул Корсику.

После поражения и бегства Паоли супруги Бонапарт, озабоченные будущим своего потомства, отказались последовать примеру многих корсиканских семей, поспешивших перебраться в Италию. Они предпочли остаться на Корсике, приняв французское подданство. Именно в это время Карло Буонапарте превратился в Шарля де Бонапарта. Французский губернатор Корсики граф Луи Шарль Рене де Марбёф в полной мере оценил лояльность адвоката, а в еще большей степени — до-

* Род Буонапарте (Бонапартов), имевший тосканское происхождение, обосновался на Корсике в XVI веке. Бонапарты принадлежали к так называемому дворянству мантии — судейским чиновникам, получившим или приобретшим дворянский патент на службе.

** Свое имя Наполеон (Набулионе, согласно корсиканскому написанию) получил в память о дяде, умершем в 1767 году.

стоинства его юной супруги, с которой 57-летнего графа, как утверждали некоторые историки, связывали весьма тесные отношения*.

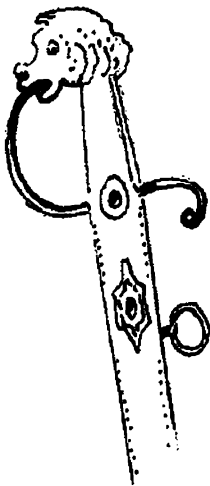
Так или иначе, но губернатор поддерживал самые дружеские отношения с семейством Бонапарт, выделяя его из всех корсиканских дворянских фамилий. По протекции графа де Марбёфа, Шарль Бонапарт получил престижную должность адвоката Высшего совета Корсики и был избран в состав Генеральной ассамблеи острова. В 1777 году, как делегат от корсиканского дворянства, Шарль Бонапарт был направлен в Версаль, где получил аудиенцию у Людовика XVI.

Расположение графа де Марбёфа к Бонапартам этим не ограничилось. В 1779 году заботливый губернатор ископтал у военного министра графа де Монбаря место в Бриеннской военной школе для своего любимца, десятилетнего Наполеона. Оставалось только представить в комиссию документальное подтверждение, что дворянство Бонапартов насчитывает не менее четырех поколений. Заботливый отец без труда раздобыл нужные документы, после чего его второй сын получил государственную стипендию на весь срок обучения. Старшему сыну Жозефу семейным советом была уготована судьба священнослужителя.

В середине мая 1779 года юный Бонапарт стал кадетом Королевской военной школы Бриенн-ле-Шато расположенной в регионе Шампань-Арденны, на востоке Франции. Это было одно из двенадцати существовавших тогда учебных заведений, где получали военное образование мальчики из семей мелкого дворянства.

За пять лет пребывания в Бриеннской школе Наполеон не сумел снискать расположения и тем более дружбы своих товарищей-кадетов — да он, собственно, к этому и не стремился, предпочитая проводить все свободное время за чтением книг по военной истории и истории Корсики. Сближению с товарищами мешал не только замкнутый характер Наполеона, но и его нескрываемое восхищение мужественным генералом Паоли,

* Большинство серьезных историков (в частности, Жан Тюлар) отвергают версию об интимных отношениях, существовавших якобы между графом де Марбёфом и Летицией Бонапарт, как и предположения, будто Наполеон был плодом этой внебрачной связи.

национальным героем Корсики, официально считавшимся опасным мятежником, заслуживающим смертной казни. В глубине души мальчик не одобрял отступничества отца от дела национального освобождения Корсики. Долгие годы он будет идентифицировать себя именно как корсиканского патриота, а не француза.

В июне 1784 года Шарль Бонапарт навестит в Бриенне своего сына, а в сентябре того же года в школу приедет инспектор военных училищ с целью отобрать из числа кадетов четырех наиболее способных кандидатов для продолжения обучения в Парижской военной школе, где готовили артиллеристов, военных инженеров и морских офицеров. Наполеон Бонапарт оказался в числе четырех счастливчиков.

22 октября 1784 года пятнадцатилетний Наполеон прибывает в столицу Франции и быстро интегрируется в новую среду. Юный Бонапарт увлеченно отдается учебе. Как и в Бриенне, его не волновали взаимоотношения с товарищами, многие из которых принадлежали к знатным аристократическим фамилиям. Он все тот же почитатель изгнанника Паоли, что, естественно, не могло расположить к нему одноклассников.

В конце февраля 1785 года Наполеон получает известие о смерти отца вследствие рака желудка — той самой болезни, которая спустя тридцать пять лет сведет в могилу и его самого. Так, во всяком случае, считали некоторые доктора.

Старшим в семье становится семнадцатилетний Жозеф, который отказался от духовной карьеры в пользу адвокатской. Но Наполеон посчитал, что старшему брату не хватает волевых качеств, чтобы играть роль главы семейства. Поэтому эту роль он, в избытке наделенный твердым характером, взял на себя.

28 сентября 1785 года Наполеон блестяще выдерживает выпускной экзамен. Одним из его экзаменаторов был знаменитый математик и астроном Пьер-Симон де Лаплас, которого Наполеон впоследствии сделает министром и сенатором. Ему было сделано предложение стать морским офицером, но он предпочел артиллерию сухопутных войск.

3 ноября 1785 года младший лейтенант Наполеон Бонапарт прибывает в небольшой южный город Валанс (регион Овернь-Рона-Альпы), где дислоцирован 1-й артиллерийский полк (полк де Ла Фер), отличившийся в двух войнах — за Австрийское наследство (1740—1748) и в Семилетней войне (1756—1763).

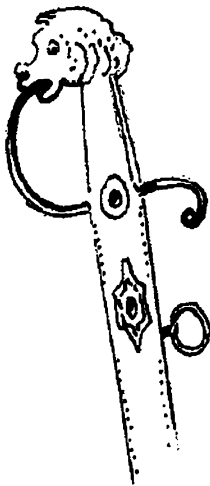
Казалось, судьба Бонапарта предрешена, и она не обещает ничего, что выходило бы за рамки служебной рутины. Скромное происхождение и отсутствие высоких связей (его покровитель граф де Марбёф умер в сентябре 1786 года) не обещали быстрого продвижения по службе. В мирное время Бонапарт мог рассчитывать дослужиться до капитана, в лучшем случае до полковника — не выше...

Он и сам это понимал, и потому унылой гарнизонной службе предпочитал уединение с книгой в руках. Век Просвещения, разумеется, не мог пройти мимо юного офицера. Он запоем читает Вольтера, Дидро, д'Аламбера и других философов, но предпочтение отдает Руссо. Это и не удивительно. Именно у Руссо, помимо поразившего его «Духа законов», Бонапарт встречает восхищение просвещенной диктатурой Паоли, существовавшей на Корсике между 1756 и 1769 годами. «Я родился в тот самый момент, — писал Бонапарт в своем дневнике, — когда моя Родина погибала. Тридцать тысяч французов вторглись на наши берега, утопив трон Свободы в потоке крови». Изгнать французских интервентов из Корсики — такова была тогдашняя мечта совсем молодого Бонапарта, офицерский патент которого был подписан королем Франции и Наварры Людовиком XVI.

Не без влияния Руссо Бонапарт задумал написать историю родного острова. Из книг он собирает нужный материал, делает подготовительные записи, но этот проект остается незавершенным. Под влиянием Жан-Жака Бонапарт составляет в дневнике проникнутый революционным духом план сочинения о природе королевской власти. Но и эта задумка не была доведена им до конца.

Материальное положение семьи, ухудшившееся после смерти отца, побудило младшего лейтенанта просить командование об отпуске, уже втором после прибытия в гарнизон. Отпуск продолжался почти полгода — с января до середины июня 1788 года. Все это время восемнадцатилетний Наполеон Бонапарт занимался устройством на Корсике семейных дел.

Именно с этим вторым приездом на родину и связана история, рассказанная действительным тайным советником И.А. Заборовским. Именно в это время — первая половина 1788 года — генерал Заборовский набирал во Флоренции иностранных офицеров для войны против Турции.

Правда, до сих пор не нашлось документальных подтверждений, что Бонапарт, недовольный своим положением (в 1788 году он был всего лишь лейтенантом), во время отпуска покидал Корсику и побывал во Флоренции, где вел переговоры с генералом Заборовским. Хотя тосканские корни семьи Бонапартов в принципе не исключали того, что кто-то из представителей этого семейства (тот же Наполеон) время от времени могли бывать на исторической родине, — благо Флоренция находилась не так далеко от корсиканских берегов. Впрочем, это одни лишь предположения.

Важнее другое. К началу революции 1789 года лейтенанта Бонапарта больше интересовало дело освобождения Корсики от французского господства, нежели судьба самой Франции. Он все еще видел себя сподвижником Паоли.

Пока Бонапарт находился в отпуске, его полк временно был передислоцирован в город Осон (регион Бургундия — Франш-Конте). 19 июля 1789 года, когда в Париже началась революция, лейтенант Бонапарт участвовал в подавлении голодного бунта в Осоне. В то время он слабо себе представлял смысл событий, разворачивавшихся в столице. Его по-прежнему влекло на Корсику, где он побывал еще трижды — с сентября 1789 до февраля 1791, с сентября 1791 до мая 1792 и с октября 1792 до мая 1793 года.

На родине Бонапарт активно включается в политическую жизнь, вступает в революционный клуб*, избирается командиром батальона Национальной гвардии. Он настойчиво пытается сблизиться с Паоли, который триумфально вернулся в 1790 году на Корсику. Однако тот настороженно относится к своему пылкому почитателю. Он не забыл об отступничестве Карло Буонапарте от дела корсиканской независимости.

Паоли с успехом воспользовался революционной смутой для реализации своих давних планов о восстановлении независимости Корсики. Поначалу новые власти в Париже видели в нем жертву королевского произвола, борца за свободу, то есть союзника. Но по мере того как выяснялись мотивы действий

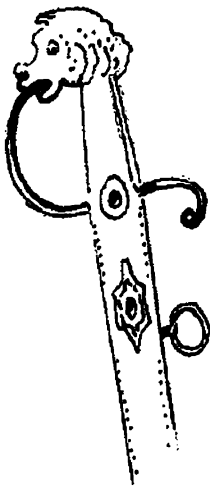
* Летом 1791 года в Валансе Наполеон принимал участие в заседаниях якобинского клуба, где высказывался в пользу Республики. По всей видимости, его позиция, как и у многих тогда, была не более чем реакцией на попытку бегства Людовика XVI и его семьи из революционного Парижа.

Паоли, прежнее благожелательное отношение к нему сменилось на сдержанное и даже подозрительное. Национальный Конвент, проводивший политику унификации и централизации государственного устройства, не мог долго мириться с откровенным сепаратизмом Паоли, начавшим искать поддержку у внешних врагов. «Момент истины» настал, когда Паоли, с давних пор пользовавшийся расположением Великобритании, обратился к Сент-Джеймскому кабинету с настоятельной просьбой о военной помощи.

Англичане не заставили себя долго ждать. К берегам Корсики подошел британский флот под командованием адмирала Худа с приказом полностью оккупировать остров. Паоли, согласившийся временно передать Корсику под суверенитет Англии, был вознагражден постом вице-короля*. 2 апреля 1793 года Конвент объявил Паоли «предателем» дела Французской республики и выдал ордер на его арест.

В это время резко меняется и отношение Бонапарта к своему кумиру. Он был глубоко травмирован действиями Паоли, призвавшего на помощь иностранных интервентов. У Наполеона возникли и личные причины для окончательного разочарования в «Отце Отечества», как стал именоваться на Корсике Паоли. Эти причины были связаны с преследованиями, которым после 1790 года мстительный Паоли постоянно подвергал семейство Бонапартов. В июне 1793 года угроза ареста вынудила Летицию Бонапарт вместе с детьми и другими близкими родственниками спешно покинуть Аяччо и перебраться в Тулон, а оттуда — в Марсель. Бегство было своевременным. Явившийся для ареста Бонапартов наряд полиции разгромил и сжег дотла их дом.

«Корсиканская» страница в биографии Наполеона Бонапарта была окончательно перевернута. В то время как Паоли связал свои надежды с британской монархией, его вчерашний почи-

* Идиллия в отношениях между Паоли и английскими оккупантами продолжалась недолго. Англичане не были склонны поддерживать идею независимой Корсики. В 1794 году семидесятилетний Паоли был смещен с поста вице-короля и заменен британским администратором и дипломатом сэром Жилбертом Эллиотом, который вынудил его окончательно покинуть Корсику в обмен на обеспеченную старость в Англии. Паоли умер в 1807 году и был похоронен на кладбище Вестминстерского аббатства.

татель сосредоточил, наконец, все свое внимание на событиях, разворачивавшихся во Франции. С 1793 года начинается новый период его жизни, связанный с участием в революции, поднявшей скромного лейтенанта к вершинам власти и могущества.

Политические взгляды Наполеона Бонапарта в первые годы революции были достаточно противоречивыми. С одной стороны, он, безусловно, был противником Старого порядка, усматривая в нем источник административного произвола. Будучи подвержен веяниям политической моды, он участвовал в работе революционных клубов — и на Корсике, где часто и подолгу бывал, и в Валансе, где дислоцировался его полк. С другой стороны, его отталкивала неконтролируемая, разрушительная стихия масс, которые были для него «чернью». Когда 20 июня 1792 года лейтенант Бонапарт стал случайным свидетелем разгрома обезумевшими парижанами королевской резиденции Тюильри, он сожалел, что у него под рукой не оказалось пушки, чтобы, как он записал в дневнике, «положить на месте всю эту сволочь». Такая же реакция была у него и на восстание 10 августа 1792 года, окончательно свергнувшее монархию. Лейтенант негодовал, видя как «люди в партикулярном платье» избивали и убивали «людей в мундирах», его товарищей по оружию.

Тем не менее именно революционная власть дала ему надежду на успешную карьеру. В сентябре 1793 года, когда руководивший осадой Тулона генерал был ранен, комиссар Конвента Огюстен Робеспьер, младший брат якобинского диктатора, поручил капитану Бонапарту встать во главе осадной артиллерии, обстреливавшей город-крепость. Бонапарт блестяще справился с ответственным поручением. 19 декабря, не выдержав смертоносного прицельного обстрела, англичане капитулировали. Тулон был освобожден, а 23-летний капитан, по представлению младшего Робеспьера, был произведен в бригадные генералы. Огюстен был в восторге от Бонапарта и часто писал о нем в Париж, старшему брату. «Неподкупный» подумывал даже о том, чтобы назначить молодого генерала командующим парижской Национальной гвардией. Если бы это назначение состоялось, можно не сомневаться, что Бонапарт разделил бы судьбу братьев Робеспьеров, Сен-Жюста, Кутона и других якобинских лидеров, казненных 28 июля 1794 года на площади Революции (ныне — площадь Согласия).

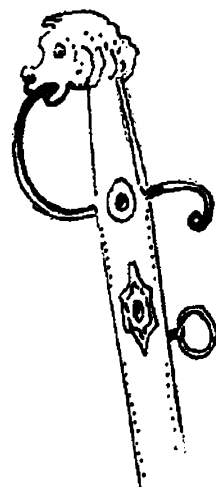
В 1793 году Бонапарт — убежденный сторонник Максимилиана Робеспьера. Его якобинские взгляды нашли отражение в брошюре «Ужин в Бокере» («*Souper de Beaucaire*»), опубликованной в конце июля 1793 года, вскоре после победы якобинцев над жирондистами. Это сочинение принесло Бонапарту определенную известность в политических кругах, но оно же аукнулось ему после падения якобинской диктатуры 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 года).

9 августа 1794 года бригадный генерал Бонапарт, находившийся в Итальянской армии, изготовившейся для вторжения в Пьемонт, был арестован как сообщник «тиранов» — братьев Робеспьеров. С большим трудом ему удалось доказать следователям-термидорианцам, что его отношения с Робеспьерами носили сугубо служебный характер. Каким-то образом ему удалось оправдаться и за «Ужин в Бокере». В отличие от многих робеспьеристов, подвергшихся репрессиям, «герой Тулона» был оправдан и даже получил возможность продолжить военную карьеру.

Поняв, что термидорианский режим обрел устойчивость, вчерашний якобинец занялся поиском полезных знакомств среди новых правителей Франции. На первую роль в термидорианской верхушке в это время выдвинулся Поль Баррас, сыгравший решающую роль в свержении Робеспьера. В феврале 1795 года он стал председателем термидорианского Конвента. Бонапарт знал его со времен осады Тулона, где Баррас был одним из комиссаров Конвента.

Кто знает, быть может, Баррас и не вспомнил о Бонапарте, если бы не восстание роялистов 13 вандемьера (5 октября 1795 года) в Париже. Баррас обратился к находившемуся в Париже в затянувшемся отпуске генералу Бонапарту с просьбой оказать содействие в подавлении мятежа. Получив его согласие, лидер термидорианцев подчинил Бонапарту войска парижского гарнизона. Их общая численность в пять раз уступала силам роялистов, но это не смутило генерала Бонапарта.

Умело рассредоточив артиллерийские орудия, он методично расстрелял многотысячную толпу мятежников, устремившихся к Тюильри, резиденции Конвента. Под смертоносной картечью вблизи собора Святого Роха (Saint Roch) погибли более трехсот человек. Остальные в панике разбежались. В этот день «герой Тулона» стал еще и «спасителем Республики». 16 октября

1795 года Бонапарт был произведен в дивизионные генералы, а десять дней спустя назначен главнокомандующим Внутренней армией.

Члены Директории — правительства, сформированного после принятия 27 октября 1795 года новой конституции, — после этого оказывали Бонапарту всевозможные знаки внимания, а Баррас озаботился даже устройством его личной жизни. Глава Директории свел Бонапарта со своей бывшей любовницей, тридцатидвухлетней Жозефиной де Богарне, вдовой генерала революционной армии, гильотинированного накануне термидорианского переворота.

«Прекрасная креолка»*, несмотря на шестилетнюю разницу в возрасте, давно волновала воображение Бонапарта, оставив-

* Собственно, Жозефиной Мари-Роз-Жозефа Таше де Ла Пажери — так ее звали в девичестве — стала именоваться лишь после брака с Наполеоном Бонапартом. Именно он выбрал это имя для своей супруги, которую прежде звали Роз. Она происходила из семьи богатого французского колониста на Мартинике, владельца сахарной плантации, где трудились более 150 чернокожих рабов. В возрасте шестнадцати лет она покинула Мартинику и отправилась во Францию, где родители устроили ее брак с виконтом Александром де Богарне (1760—1794). Брак не был счастливым по причине крайней легкомысленности мужа, продолжавшего вести «рассеянный образ жизни». Тем не менее у супругов родились двое детей — мальчик (Эжен-Роз), будущий вице-король Италии Евгений Богарне, основавший династию герцогов Лейхтенбергских, и девочка (Ортенз Эжени Сесиль), будущая королева Голландии Гортензия, мать Наполеона III. В конце 1785 года супруги «разъехались», а в 1788 году Жозефина вернулась на Мартинику, где, как утверждал впоследствии Баррас, она «имела связь с неграми» и даже родила от одного из них дочь. В начале революции Жозефина вернулась в Париж, где ее муж стал депутатом и даже председателем (1791) Национального собрания. Теперь уже сама Жозефина вела легкомысленный образ жизни, не отказывая себе в радостях свободной любви. В июле 1794 года ее арестовали как жену «врага народа», но она не успела разделить участь казненного 24 июля Александра Богарне. 6 августа, через несколько дней после свержения Робеспьера, Жозефина вышла из тюрьмы. Ее ближайшая подруга Тереза Кабарюс (маркиза де Фонтене), жена видного термидорианца Ж.-Л. Тальена и одновременно любовница Барраса, ввела ее в круг термидорианской элиты. У Жозефины начинается новая жизнь, центральным событием которой стала встреча с генералом Бонапартом.

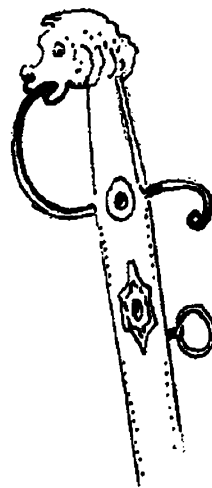
шего ради нее Дезире Клари, свою прежнюю возлюбленную, с которой он был помолвлен*. Жозефина долго не отвечала ему взаимностью. Потребовалось вмешательство Барраса, который сумел убедить поднадоевшую ему любовницу обратить внимание на подававшего большие надежды Бонапарта.

5 марта 1796 года состоялось бракосочетание Наполеона и Жозефины, а тремя днями ранее дивизионный генерал Бонапарт был назначен главнокомандующим Итальянской армией, что вызвало ропот среди старых генералов, сразу же невзлюбивших «выскочку».

Отправляясь в армию, Бонапарт заручился обещанием Жозефины приехать к нему. Однако время шло, а мадам Бонапарт не спешила к мужу, ежедневно писавшему ей письма, наполненные любовью и ревностью. Анонимные «доброжелатели» с удовольствием доводили до сведения Бонапарта, как весело и беззаботно проводит в Париже время его жена. Он не находил себе покоя, но личные обстоятельства никогда не затуманивали его сознания и не отвлекали от поставленной задачи.

Сорокатысячной армии Бонапарта была определена цель — взять под контроль Северную Италию, после чего повернуть на Австрию для соединения с главными силами, сосредоточенными на берегах Рейна. Конечная цель операции — овладение Венной. Франция в это время находилась перед лицом европейской коалиции, ударную силу которой составляли австрийская и сардинская армии общей численностью свыше 55 тысяч человек. Однако, вопреки первоначальным расчетам, решающие события развернулись не в Германии, а в Италии.

Предугадав намерения противника, генерал Бонапарт 12 апреля 1796 года развернул наступление, сумев вклиниться

* Дезире Клари (1777—1860) — дочь текстильного фабриканта из Марсея. После того как Бонапарт предпочел ей Жозефину Богарне, красавица Дезире отклонила несколько сделанных ей предложений, пока в июле 1798 года не встретила генерала Жана-Батиста Бернадота, за которого и вышла замуж. Когда в 1810 году Бернадот, к тому времени уже маршал Франции, был избран Государственным советом Швеции наследником бездетного короля Карла XIII, Дезире последовала за мужем в Стокгольм. В феврале 1818 года Бернадот вступил на шведский престол под именем Карла XIV Юхана, а бывшая невеста Наполеона стала королевой Швеции и Норвегии. Супруги положили начало правящей до сих пор в Швеции династии Бернадотов.

между австрийцами и сардинцами. Всего две недели потребовалось ему, чтобы поставить на колени Сардинское королевство. В сражениях при Чеве и Мондови он разгромил сардинскую армию и вынудил Виктора-Амадея III заключить сепаратный мир с Францией.

Не теряя наступательного порыва, Бонапарт двинул армию против австрийцев, и уже 10 мая одержал убедительную победу при Лоди, а 15 мая вступил в Милан. Затем Бонапарт блокировал Мантую. Часть армии он двинул на Тоскану и занял Ливорно, где находилась база британского флота.

Австрийское командование предприняло четыре попытки разблокировать Мантую, но все они оказались безуспешными. Нанеся австрийцам пять последовательных поражений (при Кастильоне, у Роверетто, Бассано, Арколе и Риволи), Бонапарт принудил 2 февраля 1797 года капитулировать Мантую. В результате почти вся Северная Италия оказалась под французским контролем.

В самом начале весны 1797 года французы вторглись в Австрию и начали наступление на Вену, вынудив императора 18 апреля пойти на перемирие.

Развязав себе руки, Бонапарт спровоцировал военный конфликт с Венецианской республикой и без труда оккупировал Венецию. 17 октября 1797 года в Кампо-Формио (Венецианская область) он подписал с Австрией мирный договор, открывший перед Францией возможность для утверждения ее господства в Италии (создание так называемой Цизальпинской республики). Кроме того, Австрия потеряла Ломбардию и свои нидерландские провинции (Австрийские Нидерланды).

Победоносный Итальянский поход принес Бонапарту славу выдающегося полководца. По возвращении на родину он был встречен как национальный герой. Улица Шантерен в Париже, где жил генерал Бонапарт с супругой, была переименована в улицу Победы (*rue de la Victoire*), а сам победитель 25 декабря 1797 года был избран членом созданного в 1795 году Института Франции (*Institut de France*)* по секции механики, физики и математики.

* Высшее академическое учреждение Франции, объединяющее пять академий: Французскую академию, Академию надписей и изящной словесности, Академию наук, Академию искусств и Академию моральных и политических наук.

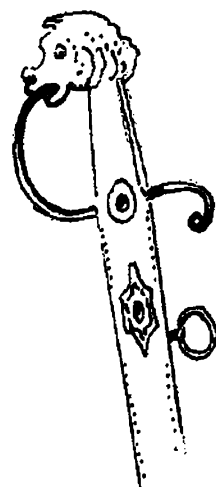
Зиму 1797–1798 годов Бонапарт провел в Париже, наслаждаясь славой и комфортном столичной жизни. В это время в Директории появляются планы удара по Великобритании, «историческому противнику» Франции. Пошли разговоры о подготовке вторжения на Британские острова. Командование этой военной операцией предполагалось доверить генералу Бонапарту, которого в феврале 1798 года Директория командирует в Кале и Дюнкерк для изучения обстановки на месте.

Ничто, казалось, не свидетельствовало о тайных замыслах честолюбивого Бонапарта против Директории. Тем не менее Баррас и другие директора начинают с опаской относиться к ставшему невероятно популярным генералу. Что у него на уме? Не вынашивает ли он собственных политических планов?.. Отсюда и возникла идея удалить Бонапарта из Парижа.

Когда план высадки на берега Гуманного Альбиона был признан неосуществимым, возникла другая идея — нанести удар по Англии с ее колониального «тыла». Начать предполагалось с овладения Египтом, после чего двинуться в направлении Индии, самой крупной жемчужины в британской короне. Смысл новой операции, доверенной генералу Бонапарту, состоял в том, чтобы перерезать самый короткий путь сообщения между Англией и Индией.

К концу апреля 1798 года формирование так называемой Восточной армии было завершено. Для ее переброски в Египет собрали весь наличный флот — 335 кораблей самого разного назначения — от фрегатов и корветов до шлюпочных маломерных судов. По большей части эта разношерстная «армада», отправившаяся 19 мая из Тулона к египетским берегам, не имела артиллерийского вооружения. Численность французского десанта составляла 33 тысячи человек. В пути к экспедиции присоединялись подразделения гарнизонов, дислоцированных на Корсике, Корфу и других островах, контролируемых французами.

Бонапарту благополучно удалось избежать столкновения с британским флотом, господствовавшим в Средиземном море. По пути в Египет он сумел даже выбить англичан с Мальты, чем обеспечил линию сообщения с метрополией. Оставив на острове трехтысячный гарнизон, Бонапарт продолжил движение. Подойдя к Александрии, 2 июля он с ходу овладел городом. Здесь генерал также оставил трехтысячный гарнизон

и направил войска в сторону Каира, выбрав самый короткий, но и самый трудный маршрут — через безжизненную пустыню. Этот переход, полный лишений, занял двадцать дней. 21 июля взорам французов открылся сказочный вид на пирамиды, вблизи которых их поджидали мамлюки* — шесть тысяч всадников с небольшим пехотным прикрытием и несколькими пушками.

Устремившиеся в атаку мамлюки попали под смертоносный огонь построенных в боевые каре французских войск. Победа Бонапарта была быстрой и сокрушительной. Уже 24 июля его армия триумфально вошла в Каир.

Успехи Бонапарта были омрачены известием о разгроме адмиралом Нельсоном французского флота при Абукире (на рейде Александрии) 1–2 августа 1798 года. В результате армия Бонапарта была изолирована в Египте, потеряв прямое сообщение с Францией.

Следствием поражения при Абукире стало вступление Турции в войну на стороне антифранцузской коалиции. Султан двинул армию в направлении Суэца. В самом Египте 21 октября вспыхнуло организованное мамлюками восстание против французских оккупантов.

Бонапарт решил разделить свою армию. Одну ее часть он отправил в Верхний Египет, где укрывался с остатками мамлюкской армии ее предводитель Мурад-бей. С остальными силами, оставив гарнизоны в Каире и Александрии, Бонапарт двинулся в Сирию, взял Яффу и дошел до старинной крепости Сен-Жан д'Акр (античная Галилея), бывшей столицы Иерусалимского королевства. Однако взять крепость Бонапарту не удалось, а вспыхнувшая в войсках чума вынудила его в середине мая 1799 года снять осаду и двинуться в обратный путь, в Египет, где он сумел разбить турок и англичан.

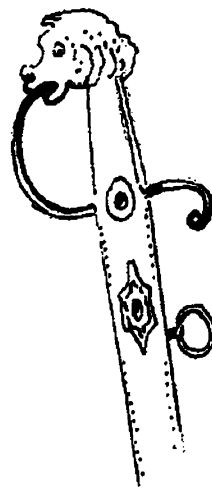
Летом 1799 года до Бонапарта доходят тревожные известия. Русский император Павел I присоединился к антифранцузской

* Мамлюки — потомки воинов-рабов, составлявших в раннее Средневековье гвардию династии Айюбидов. В 1250 году они свергли Айюбидов и основали династию мамлюкских султанов, правивших до начала XVI века, когда Египет подпал под власть турок-османов. В начале XVIII века мамлюкам удалось фактически восстановить свою власть, которую они удерживали до вторжения французов в 1798 году.

коалиции и направил в Италию войска под командованием прославленного Александра Суворова. Одновременно русская эскадра адмирала Федора Ушакова один за другим освобождала острова Архипелага в Средиземном море и угрожала французским завоеваниям в Италии. Да и в самой Франции было тревожно: там нарастало недовольство погрязшим в коррупции режимом Директории.

Бонапарт решил, что настает его час. Он должен быть в Париже, где решается судьба Франции. Передав командование ослабленной в боях и истощенной эпидемиями Восточной армии генералу Жану-Батисту Клеберу*, Бонапарт 23 августа 1799 года тайно покидает Египет на борту фрегата «Мюиرون». Опасное путешествие, сопровождавшееся преследованиями англичан, продолжалось долгих 47 дней. Наконец, 9 октября «Мюиرون» благополучно прибывает в небольшой порт Сен-Рафаэля, на границе Прованса и Лазурного Берега. 13 октября Бонапарт уже в Париже.

К этому времени он сильно изменился. Бонапарт уже не тот, что был в начале революции или даже в период якобинской диктатуры. Куда девались его увлечение идеями Руссо, неприятие королевского самовластия, стремление к справедливости и политическому равенству? Революция, свидетелем и участником которой ему довелось быть, убедила его в том, что за провозглашаемыми высокими идеями многие ее лидеры часто скрывают собственные честолюбивые, эгоистические устремления, главное из которых — жажда власти. На глазах Бонапарта происходило вырождение элиты, сформировавшейся в годы революции. Общая деградация достигла своего пика в период Директории, верхушку которой он глубоко пре-

*Талантливый военачальник генерал Клебер 20 марта 1800 года силами ослабленной армии сумеет одержать победу над турками под Гелиополисом, но 14 июня будет убит в Каире сирийским студентом. Сменивший его генерал Жак-Франсуа Мену, потеряв от продолжавшихся эпидемий более 13 тысяч солдат и офицеров, вынужден будет 31 августа 1801 года капитулировать перед англо-турецкими войсками. Сам Мену, по непонятным причинам, примет ислам под именем Абдалла-Жак и женится на египтянке. Остатки его армии после капитуляции будут переправлены во Францию. Наполеон простит Мену, даже сделает его графом Империи и назначит губернатором Венеции, где Абдалла-Жак и умрет в 1810 году.

зирал. В нем давно назревал протест против этого режима. При этом Бонапарт вовсе не помышлял о возвращении к идеалам 1789 года, считая этот этап истории Франции безвозвратно пройденным.

К 1799 году у него постепенно созрел собственный «Великий замысел» (*Grand dessein*), порожденный невероятным честолюбием, особенно развившимся после одержанных им громких побед. «Я всегда был одержим огромными амбициями», — признавался он впоследствии, уже в изгнании. Эти амбиции неудержимо толкали его к захвату власти и установлению нового политического режима, при котором порядок и стабильность сочетались бы с принятыми французским обществом основополагающими завоеваниями революции.

Директория, встревоженная неожиданным возвращением Бонапарта, не решилась потребовать от него объяснений — почему он бросил армию в Египте. Все искали расположения Бонапарта, предлагали ему свои услуги. Он же оставался непроницаем, держа многозначительную паузу и внимательно изучая обстановку.

Единственный, с кем генерал охотно общался, — 51-летний Эмманюэль-Жозеф Сийес, или «аббат Сийес», как его называли прежде за принадлежность к духовному сословию. Еще в 1788 году Сийес прославился своей брошюрой «Что такое третье сословие?», ставшей одним из программных документов Французской революции. Депутат Генеральных штатов, затем депутат и председатель Национального собрания, член Конвента и Комитета общественного спасения, один из пяти директоров, председатель Совета пятисот, нижней палаты парламента, посол в Берлине — таковы основные вехи политической биографии этого ветерана революции.

С недавних пор Сийес и поддерживавший его Роже Дюко, тоже член Директории, вынашивали планы конституционного обновления Французской республики, сознавая обреченность одряхлевшего всего за четыре года существования режима. К тому же Сийес опасался чрезмерного усиления Барраса, которого ненавидел. Но сам Сийес был сугубым теоретиком, способным лишь генерировать идеи. Поэтому бывший аббат подыскивал решительного человека из среды авторитетных генералов, способного помочь ему в реализации задуманного. Такого кандидата он увидел в вернувшемся из Египта Бонапар-

те. Но Сийес не учел главного — амбиций самого Бонапарта, который менее всего предполагал быть орудием в чьих-то руках. Тем не менее в тот момент их интересы совпадали. Сийес брал на себя политическую подготовку задуманного ими переворота, а Бонапарт должен был обеспечить его успех с военной точки зрения.

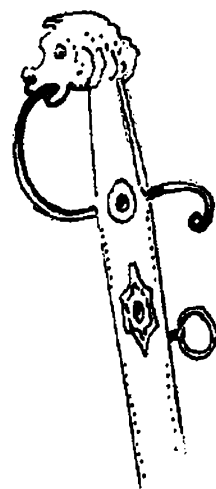
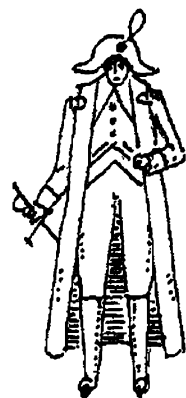
Первым шагом в реализации их планов стало назначение генерала Бонапарта, по представлению Сийеса, командующим войсками Парижского гарнизона. Это произошло 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года). Затем тот же Сийес убедил обе палаты (Совет пятисот и Совет старейшин) перенести заседания из Парижа, где якобы созрел новый якобинский заговор, в Сен-Клу, под защиту надежных войск. Когда на следующий день Сийес предложил депутатам ради «спасения Республики» реформировать конституцию, парламентарии возмутились, почувствовав неладное. Тогда в зале появился их «защитник» генерал Бонапарт и объявил о закрытии сессии Законодательного корпуса. Сопровождавшие его гренадеры «помогли» депутатам покинуть здание.

11 ноября переворот вступил в завершающую стадию. Люсьен Бонапарт, младший брат Наполеона, занимавший в тот момент пост председателя Совета пятисот, сумел убедить нижнюю палату в необходимости приостановки действующей конституции и разработки нового основного закона. Эта задача была доверена трем тут же назначенным временным консулам — Сийесу, Бонапарту и Дюко.

Почти сразу же Бонапарту удалось склонить на свою сторону Дюко, смекнувшего, за кем стоит реальная сила. Сийес оказался отодвинутым на второй план.

К 13 декабря 1799 года проект новой конституции был готов. Составленный Сийесом, он подвергся серьезной редакции со стороны Бонапарта, расширившего прерогативы исполнительной власти в ущерб законодательной.

Новая конституция вступила в действие 25 декабря 1799 года. Республиканская по форме конституция VIII года, по существу, была антидемократической, авторитарной. Более того — она содержала в себе элементы монархической системы. Вся реальная власть сосредоточилась в руках триумvirата — Наполеон Бонапарт (Первый консул), Жан-Жак Камбасерес (Второй консул), Шарль-Франсуа Лебрен (Третий консул).

Первый консул, по конституции, был наделен особыми полномочиями; к тому же он, как и второй, избирался на десять лет, а третий — лишь на пять. Забегая вперед, можно отметить, что в 1802 году Наполеон Бонапарт добился провозглашения себя пожизненным консулом с правами назначения преемника, ратификации международных договоров и помилования преступников.

При новом режиме — Консульстве — консулы представляли исполнительную власть. Законодательная власть была распределена по трем палатам. Первая палата — Трибунат* — предварительно рассматривала законопроекты, но не голосовала по ним. Вторая палата — Законодательный корпус — наделялась правом одобрения или отклонения законопроектов. Наконец, третья — Сенат — определяла соответствие принимаемых законов действующей конституции. Именно сюда, в Сенат, в качестве его председателя, Бонапарт сослал ставшего ненужным Сийеса. Характерно, что сенаторы не избирались, а назначались по воле Первого консула.

Бонапарт окружил себя особо доверенными людьми. Пост министра внутренних дел он предоставил своему брату Люсьену. Во главе министерства полиции Первый консул поставил Жозефа Фуше, бывшего жирондиста, переметнувшегося к якобинцам, а от них — к термидорианцам. Министерство внешних сношений возглавил Шарль-Морис Талейран, бывший епископ, депутат и дипломат, искушенный и предельно циничный политик. Установление нового режима сопровождалось ущемлением общественных свобод (из 73 газет осталось только 13) и преследованием политических противников, прежде всего роялистов и якобинцев.

Бонапарт предпринял усилия для восстановления значительно ослабевших при Директории международных позиций Франции. Решительными действиями ему удалось восстановить боеспособность армии, которая перешла в наступление сразу на двух фронтах — в Италии и Германии, разгромив австрийцев

* В скором времени Бонапарт обнаружил, что он не видит места Трибуната в созданной им системе власти, тем более что депутаты первой палаты проявляли недовольство узостью предоставленных им полномочий. В 1802 году он осуществил реорганизацию Трибуната, а в 1807 году вообще ликвидировал эту палату.

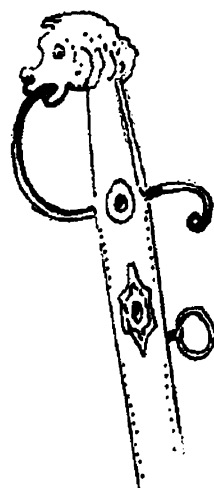
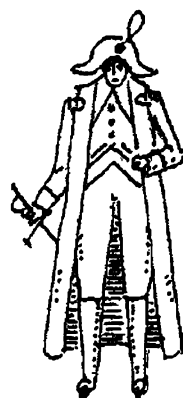
при Маренго (14 июня 1800 года) и Хогенлиндене (3 декабря 1800 года). Оказавшись перед лицом унижительного поражения, Австрия поспешила пойти на заключение мира с Францией (Люневильский мирный договор от 9 февраля 1801 года). Год спустя этому примеру последовала Англия (Амьенский мир от 25 марта 1802 года). Положение Франции существенно облегчилось в результате выхода из антифранцузской коалиции России (Парижский мир от 8 октября 1801 года).

Желая нормализовать разорванные в период революции отношения с церковью, опереться на нее, заручившись поддержкой Святого престола, Бонапарт в 1801 году заключил с папой римским Конкордат, объявивший католическую церковь религией «большинства французов».

Полученную передышку Первый консул успешно использовал для осуществления задуманных внутренних преобразований. В этом деле он показал себя и выдающимся администратором. Франция получила новое административное и судебное устройство. Созданный по его инициативе Французский банк (Banque de France) сумел стабилизировать национальную финансовую систему. Вершиной законотворческой деятельности Бонапарта стал знаменитый «Французский Гражданский кодекс», известный больше как «Кодекс Наполеона». Этот важнейший документ, принятый 21 марта 1804 года, создал основы французского гражданского права, в значительной части сохраняющего свое значение и в современной Франции.

Бонапарт закрыл печально известный эмигрантский список и разрешил всем эмигрантам, включая высланных священнослужителей, вернуться на родину. Непримири́м он был только в отношении своих бывших друзей-якобинцев, а также ультра-роялистов, организовавших (как утверждал министр полиции Фуше) 24 декабря 1800 года неудачное покушение на его жизнь*.

* В результате взрыва «адской машины» у проезжавшей по улице Сен-Никез кареты Первого консула погибли два и были ранены шесть человек. По другим сведениям, число погибших прохожих составило 24 человека, а раненых — около 100. Сам Бонапарт склонен был подозревать в организации покушения якобинцев. После этого террористического акта генерал Ж.-Б. Бернадот был послан с карательной экспедицией в Вандею (западная часть Франции) для окончательного подавления очага сопротивления роялистов-шуанов.

Ко всем остальным Первый консул был благосклонен, что породило среди умеренных роялистов надежды, оказавшиеся несостоятельными. Кое-кто из них стал сравнивать Бонапарта с генералом Монком, восстановившим в 1660 году Стюартов на британском троне. Этой иллюзии поддался даже «король эмигрантов» Людовик XVIII, безуспешно пытавшийся вступить с Бонапартом в личную переписку.

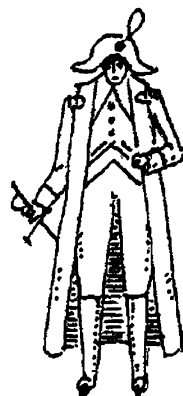
Очень скоро, однако, всем станет ясно, что режим Консульства, установленный Бонапартом, был не более чем переходной стадией от Республики к бонапартистской Империи, но вовсе не к реставрации Бурбонов.

Когда в начале 1804 года был раскрыт очередной заговор непримиримых роялистов (заговор Кадудая), в котором, как сообщили Бонапарту, участвовали некоторые члены династии Бурбонов, Первый консул решил преподать урок своим противникам. Он приказал выкрасть из Бадена одного из принцев крови, герцога Энгиенского (Луи-Антуан-Анри де Бурбон-Конде), и доставить его в Париж, где несчастный был расстрелян по приговору военного трибунала. Эта показательная казнь развеяла последние иллюзии относительно возможности примирения Бонапарта с Бурбонами.

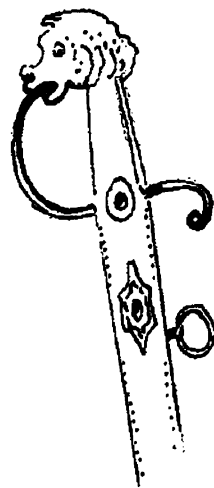
Первый консул уже примерял на себя императорскую корону. Услужливые законодатели получили соответствующий сигнал и инициировали обсуждение вопроса об учреждении во Франции Империи и поднесении императорского титула «первому из французов» — Наполеону Бонапарту. Развернувшаяся дискуссия удивительным образом сопровождалась ссылками на завоевания революции с ее лозунгом «Свобода, Равенство, Братство». Только «наследственная высшая магистратура», утверждали депутаты, способна гарантировать эти революционные завоевания. В рекордно короткие сроки была составлена и одобрена Сенатом новая конституция («органический Сенатус-консульт XII года»).

В июле 1804 года был организован национальный плебисцит. По его результатам, 3 572 329 французов одобрили учреждение Империи. Против высказались 2 569 000 избирателей. Это был очевидный триумф Бонапарта, если учесть, что избиратели в подавляющем большинстве представляли поколение, так или иначе участвовавшее в революции.

2 декабря 1804 года Бонапарт был коронован в соборе Парижской Богоматери как «император французов» Наполеон I. Полученный им титул должен был свидетельствовать о национальном, общенародном происхождении его императорской власти*, которая получила благословение и папы римского Пия VII, лично прибывшего на торжественную церемонию. Одновременно короновалась Жозефина, причем императорскую корону на ее голову, как и на свою, возложил сам Наполеон, а не папа или архиепископ Парижский. Эта сцена запечатлена на известном полотне Жака-Луи Давида.

В тот день, 2 декабря 1804 года, Франция окончательно превратилась в Империю, внутреннее устройство которой во многом напоминало полуабсолютистский режим с доминированием исполнительной власти в лице императора. Примирить французов после кровавого десятилетия, поставить точку в истории Французской революции**, но одновременно сохранить ее важнейшие социально-экономические завоевания и прежде всего право на землю новых собственников (крестьян) — таков был замысел основателя Империи, претендовавшего на выражение общенациональных интересов и преодоление острых социальных противоречий. В этом смысле Первая империя представляла собой некий синтез революционных завоеваний и элементов дореволюционного порядка. Это нашло символическое отражение и в государственной символике, сочетавшей триколор, заимствованный у Республики, с имперскими символами — наполеоновскими орлами, пчелами и т. д., в чем чувствовалось влияние античного Рима, империи Карла Великого и Старого порядка.

Пытаясь привлечь на свою сторону вчерашних роялистов, Наполеон одновременно создавал новое дворянство («дворянство Империи»), в которое он возводил тех, кто отличился на

* В ходе коронации Наполеон поклялся защищать территориальную целостность Франции, уважать гражданские права и свободы, включая религиозные, а также право собственности в том виде, как оно оформилось в результате революции.

** 1 января 1806 года Наполеон, по предложению П.-С. Лапласа, отменил революционный календарь и вернул страну к общепринятому в Европе григорианскому летоисчислению.

поле брани, на государственной службе, в науке и искусстве. Еще в 1802 году, в подражание средневековым рыцарским орденам, им был учрежден орден Почетного легиона, кавалеры и офицеры которого составляли особую корпорацию. Возникла и новая аристократия в лице баронов, графов, герцогов и князей Империи. Мишель Ней, сын ремесленника-бочара, стал не только маршалом Франции, но и герцогом Эльхингенским и князем Москворецким (*prince de Moscowa*). Сын трактирщика Иоахим Мюрат сделался маршалом Франции, принцем Империи и даже королем Неаполя. Николя Шарль Удино родился в семье пивовара, а стал маршалом и герцогом Реджио. Еще один маршал — Адольф Эдуард Казимир Жозеф Мортье, сын торговца сукном, — волей императора Наполеона превратился в герцога Тревизского. Громкие дворянские титулы получили от императора все маршалы и большинство генералов наполеоновской армии, а многие офицеры и унтер-офицеры были возведены в дворянство Империи. Наполеона интересовали только способности, деловые качества и преданность его сподвижников, а не их происхождение.

Императорский двор, поражавший иностранцев своей пышностью, представлял собой странное смешение дореволюционных аристократов и «мещан во дворянстве», всеми силами старавшихся походить на представителей знати Старого режима. Император был окружен генерал-адъютантами, камергерами, шталмейстерами и гофмаршалами, а императрица Евгения — придворными дамами и фрейлинами.

По мере расширения территории Империи Наполеон, мечтавший о собственной династии, усаживал на троны завоеванных им стран своих братьев и ближайших родственников. Жозеф Бонапарт в 1806 году стал королем Неаполя (в 1808 году Наполеон назначит Жозефа королем Испании, а в Неаполь отправит Мюрата, своего шурина, мужа Каролины Бонапарт). Луи Бонапарт в том же 1806 году станет королем Голландии, а Жером Бонапарт в 1807-м — королем Вестфалии. Себя Наполеон в 1805 году коронует еще и королем Италии. После рождения в 1811 году долгожданного наследника Наполеон подарит ему Италию вместе с титулом короля Римского.

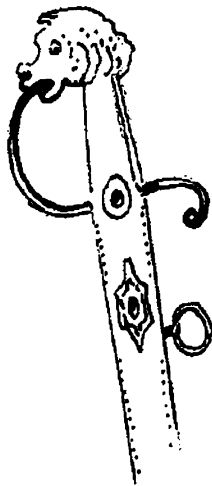
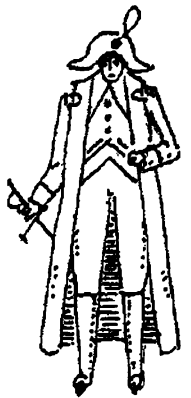
В своей внутренней политике император Наполеон сочетал линию на административную централизацию и усиление полицейского контроля с мерами по модернизации

системы государственного управления. Отвергнув увлекавшие его некогда идеалы Просвещения, он пришел к убеждению, что эффективно управлять лучше «в ботфортах со шпорами». В департаментах он предоставил всю полноту власти назначаемым им префектам, которые следили за неукоснительным выполнением на местах предписаний из Парижа. Самые широкие полномочия при нем получила полиция, искоренявшая любые проявления недовольства режимом. Под бдительным контролем оказались пресса, система образования и сфера культуры.

Создав трехпалатный парламент, Наполеон не склонен был всерьез считаться ни с ним, ни с положениями составленной по его же заказу. Вопреки положениям Основного закона, император позволял себе произвольно отсрочивать созыв палат, самостоятельно назначать рекрутский набор и даже составлять бюджет в обход депутатов. Все важнейшие решения он принимал единолично, лишь время от времени прибегая к советам узкого круга своих помощников и консультантов. В 1807 году, как уже отмечалось, единоличным решением он упразднил одну из палат Законодательного корпуса — Трибунал. В его правлении все отчетливее проявлялись черты ничем не ограниченного деспотизма. Он перестал терпеть любые мнения, если они не совпадали с его собственной точкой зрения.

Наполеон, отличавшийся редкой трудоспособностью, инициировал разработку и принятие в 1806–1810 годах, вслед за Гражданским кодексом 1804 года, Уголовного, Торгового и других кодексов, существенно улучшивших и упростивших всю сложную систему судопроизводства во Франции. Он создал сохранившуюся до наших дней Счетную палату, призванную осуществлять контроль за расходованием государственных средств и следить за правильным исполнением бюджета. В 1806 году новое, более современное устройство получила система университетского образования («Французский Университет»), просуществовавшая в основных своих чертах вплоть до конца 1960-х годов.

В сфере экономики и торговли Наполеон сочетал приверженность либеральным принципам с административным вмешательством, если считал его необходимым. Самым ярким

примером государственного вмешательства в экономику стала Континентальная блокада Великобритании*.

С принятием в 1807 году Торгового кодекса существенно возросло национальное и международное значение Парижской биржи, организованной Наполеоном на новых началах. Париж при нем превратился в важнейший европейский центр деловой активности. Бурное развитие в период Первой империи получила текстильная промышленность, в значительной части обслуживавшая потребности огромной армии.

Отношения Наполеона с римско-католической церковью строились на основе Конкордата 1801 года, определившего католицизм как религию «большинства французов». При этом стремление Наполеона полностью подчинить французскую церковь натолкнулось на сопротивление Святого престола.

Возникший конфликт Наполеон разрешил в свойственном ему духе. В феврале 1808 года он отправил войска в Рим, без труда взял город и оккупировал Папскую область, а год спустя присоединил ее к Франции, объявив о ликвидации светской власти папы. Пий VII, еще недавно благословлявший императорскую корону Наполеона, ответил отлучением его от церкви. Наполеон приказал арестовать понтифика, который был отправлен в ссылку в Савону, небольшой приморский город в северо-западной части Италии. В ссылке Пий VII пробыл до 1812 года; все это время он ожидал депортации во Францию, куда по приказу императора перебрались почти все кардиналы.

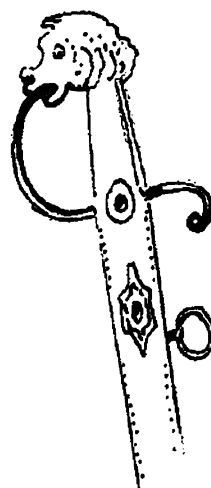
* Континентальная блокада — система экономических и политических санкций против Великобритании, вдохновителя всех антифранцузских коалиций, с целью сокрушения ее торгово-экономического и морского могущества. Была введена декретом Наполеона 21 ноября 1806 года. Предусматривала запрет на любые контакты, прежде всего экономические, всех государств Европейского континента, оказавшихся в сфере французского влияния, с Великобританией. Товары, принадлежавшие британским подданным, подлежали конфискации, а англичане, обнаруженные на территориях, контролируемых французской армией, становились военнопленными. Декрет запрещал также принимать в портах европейских стран суда под любым флагом, если они прибыли из Англии и ее колоний или хотя бы побывали там транзитом. Политика Континентальной блокады противоречила правилам свободной торговли и наносила серьезный ущерб экономическим интересам вовлеченных в нее стран, в том числе и самой Франции.

У Наполеона был даже план перенести папскую резиденцию из Рима в Париж, но впоследствии он отказался от этой идеи. В условиях почти полной изоляции Пий VII нашел единственное средство досадить Наполеону. Он отказывался утверждать новых французских епископов.

Наполеона это не смутило. Вспомнив о давних галликанских традициях французской церкви*, он распорядился положить галликанские принципы в основу богословского преподавания. В 1811 году император созвал национальный церковный собор с участием ста епископов из Франции и Северной Италии. Когда часть епископов высказались за восстановление папы в его «священных правах», Наполеон без малейших колебаний приказал заключить их в Венсенский замок. Остальные иерархи — а их было большинство — безропотно согласились на назначение французских епископов и архиепископов без папского утверждения.

Французские протестанты тоже не были забыты императором Наполеоном. Они получили новую церковную организацию, и тоже в «национальном духе», как и католики.

Идея национальной консолидации определяла и отношение Наполеона к французским евреям. Он продолжил политику их полной интеграции во французское общество, начатую в годы революции. Евреи — такие же полноценные граждане (подданные императора) Франции, как и «природные французы», — таково было убеждение Наполеона. В феврале 1807 года он созвал в Париже Синедрион и подтвердил перед ним гражданские права и свободы евреев, в том числе и право свободного отправления ими своего религиозного культа. В ответ Синедрион от имени всех евреев, проживавших в империи, принес клятву

* Галликанская традиция во французском католицизме уходит корнями в IV век, когда возникла самостоятельная галльская церковь во главе с архиепископом Арльским. На протяжении столетий галликанская церковь стремилась к самостоятельности от Рима. Признавая авторитет папы, она выше ставила церковные соборы. В этом стремлении к независимости ее поддерживала королевская власть, занятая строительством централизованного национального государства. В 1682 году Людовик XIV добился принятия на церковном соборе «Заявления галликанского духовенства», в котором официально была провозглашена независимость французской церкви от римской курии. Таким образом, Наполеон продолжил курс, начатый «королем-солнцем».

верности Наполеону и дал обещание поддерживать все его начинания, в том числе и завоевательную политику. Надо сказать, французские евреи в подавляющем большинстве до конца остались верны Наполеону.

В созданной Наполеоном империи не хватало одного, но важнейшего элемента — династии. Его брак с Жозефиной на протяжении десяти лет оставался бездетным. Между тем по мере возрастания роли и влияния бонапартистской Франции в Европе Наполеон все более остро чувствовал потребность иметь прямого наследника. Империю должен был унаследовать не кто-то из братьев или племянников, а его сын, которого Жозефина — и Наполеон это знал — не могла ему родить. Вступая с ней в брак, он усыновил ее сына Евгения Богарне и удочерил ее дочь Гортензию, выдав впоследствии ее замуж за своего брата Луи. С учреждением Империи Евгений и Гортензия были включены в состав Императорского дома Франции. Но Наполеону был необходим прямой наследник.

Еще не разведясь с Жозефиной (Пий VII мстительно отвергал все просьбы Наполеона о разводе), император занялся поисками новой супруги, способной родить ребенка*. Его взор обратился в сторону Петербурга, где французские дипломаты начали зондировать почву относительно женитьбы Наполеона на великой княжне Екатерине Павловне, младшей, самой любимой, сестре Александра I. Однако царь решительно отверг эту идею, сочтя такой брак для династии Романовых мезальянсом. В 1809 году Александр выдал сестру замуж за принца Ольденбургского**.

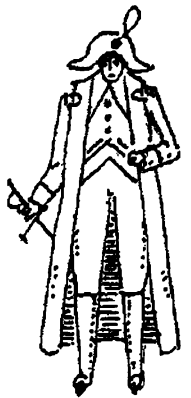
Не добившись от плененного им папы желанного развода, Наполеон обратился с соответствующей просьбой в Парижский церковный суд, который без лишних вопросов услужливо развел императора с Жозефиной. За оставленной Наполеоном

* В себе Наполеон никогда не сомневался. От многочисленных любовниц у него было несколько побочных детей, включая мальчиков. Фактическое признание получили только два из них — Шарль (1806), сын Элеоноры Денюэль де Ла Плень, и Александр (1810), сын графини Марии Валевской.

** Овдовев в 1812 году, Екатерина Павловна в 1816-м вторично вышла замуж за наследного принца Вюртембергского и в том же году стала королевой Вюртемберга.

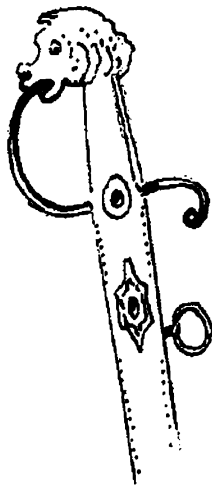
супругой были сохранены императорский титул, соответствующие привилегии и загородная резиденция в Мальмезоне, где Жозефина ухаживала за своими любимыми фиалками.

Потерпев неудачу в Петербурге, Наполеон получил удовлетворение в Вене, где император Франц I согласился отдать ему в жены свою старшую дочь, эрцгерцогиню Марию-Луизу, доводившуюся внучатой племянницей казненной Марии-Антуанетте. Согласие Франца на этот брак было, разумеется, вынужденным. 6 июля 1809 года император потерпел сокрушительное поражение от Наполеона под Ваграмом, на ближних подступах к австрийской столице. В этом отношении Марию-Луизу можно было бы считать одним из военных трофеев императора французов.

1 апреля 1810 года в Большой галерее замка Сен-Клу состоялось гражданское бракосочетание 40-летнего Наполеона и 18-летней Марии-Луизы. Это место было выбрано императором не случайно. Оно имело для него символическое значение. Именно здесь, в Сен-Клу, в 1799 году Бонапарт совершил государственный переворот и был провозглашен Первым консулом. Именно здесь, пять лет спустя, он был объявлен императором французов. Венчание императорской четы состоялось на следующий день в часовне Лувра.

Новая супруга императора сразу же не понравилась семейству Бонапартов, внутри которого и без того существовали непростые отношения. Особенно невзлюбила ее Летиция Бонапарт — «Мадам Мать», как ее принято было называть при дворе. Сестры и зюльки императора между собой называли Марию-Луизу не иначе как «австриячка» (*Autrichienne*), памятуя о презрительном прозвище Марии-Антуанетты, ее двоюродной бабушки.

Более чем прохладно к своей новой императрице отнеслись ветераны-бонапартисты и простые парижане, любившие Жозефину. В сдержанно-холодной, замкнутой, казавшейся высокомерной Марии-Луизе не было раскованности, шарма и изящества Жозефины. Юная императрица всеми способами избегала встреч со своей предшественницей, которая отвечала ей взрослой снисходительностью.

20 марта 1811 года Мария-Луиза подарила Наполеону желанного наследника. «Императорский принц» (*Prince impérial*) получил имя Наполеон Франсуа Шарль Жозеф. Теперь Наполеон был спокоен за будущее Империи. По всей видимости, он не по-

нимал, что угроза ее стабильности исходит не от роялистов или неоякобинцев и даже не от Великобритании или России. Она исходит от него самого — от проводимой им экспансионистской политики, направленной на установление полного господства Франции в Старом Свете и даже за его пределами.

Именно этой амбициозной цели была подчинена внешняя политика императора французов с сопутствующими ей наполеоновскими войнами, логически продолжавшими войны периода Революции и Консульства. Но было и качественное отличие войн наполеоновских от войн революционных. Если войны Французской республики поначалу носили оборонительный характер, а позднее способствовали распространению в Европе идей свободы, национального и социального равенства, то наполеоновские войны имели целью поглощение самостоятельных европейских стран, включение их в состав Империи или превращение в государства-сателлиты*.

Своим главным противником в Европе Наполеон всегда считал Великобританию, закулисного вдохновителя и организатора всех антифранцузских коалиций. Он не мог чувствовать себя полным хозяином Старого Света, пока не сокрушит британскую мощь.

Амьенский мирный договор 1802 года с Англией, завершивший распад 2-й антифранцузской коалиции, разумеется, не устранил глубоких франко-английских противоречий. Вскоре после его подписания Наполеон начал готовить высадку на Британские острова. Он буквально бредил этой мечтой — унижить англичан в их собственном доме, как он это успешно делал с другими европейскими народами. Однако мечта останется неосуществленной. Поражение объединенного фран-

* Но и в этом случае французские завоеватели несли на своих штыках новые идеи, способствовавшие национальному пробуждению народов Старого Света, освобождавшегося от последних оков абсолютизма. Гражданский кодекс (кодекс Наполеона), провозглашавший либеральные ценности, нашел многочисленных приверженцев по всей Европе, послужив фундаментом для создания в XIX веке новых государств и модернизации старых — таких, например, как Пруссия или Австрия. Кодекс Наполеона, выйдя за национальные рамки, намного пережил своего создателя. И в этом его международно-историческое значение.

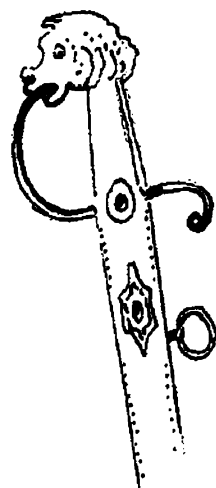
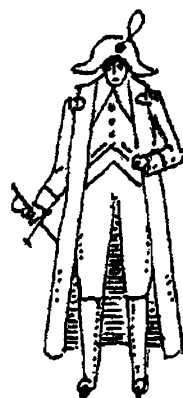
ко-испанского флота в морском сражении при Трафальгаре (21 октября 1805 года) сняло угрозу готовившейся десантной операции. Пытаясь закрепить успех, британская дипломатия энергично работала над созданием новой антифранцузской коалиции.

Начало 3-й коалиции было положено еще в апреле 1805 года, когда Англия заключила в Петербурге союзный договор с Россией. Вскоре к этому договору присоединились Австрия, Неаполитанское королевство и Швеция. Союзники договорились выставить против Франции 500-тысячную армию.

«Гений войны», как называл Наполеона Карл фон Клаузевиц, поспешил предупредить своих противников. Не дожидаясь объединения их сил, быстрым маршем он перебросил 220-тысячную армию от Рейна в тыл австрийской Дунайской армии фельдмаршала К. Макка и разбил ее в Ульмском сражении 20 октября 1805 года. Подошедшие в это время под Ульм русские войска генерала М.И. Кутузова (до 50 тысяч) вынуждены были отступить под Ольмюц, куда откатились и остатки разгромленной австрийской армии. Союзники (84 тысячи) ожидали подхода подкреплений. Наполеон, имея в распоряжении 73 тысячи войска, навязал русским и австрийцам новое сражение, к которому они не были в должной мере готовы. Под Аустерлицем (Чехия) 2 декабря 1805 года он одержал блестящую победу, вынудившую Австрию выйти из войны и спешно заключить с Францией так называемый Пресбургский мирный договор (26 октября 1805 года).

Наполеон попытался склонить Александра I последовать примеру австрийского императора Франца, но царь, поколебавшись, отклонил его мирные инициативы. Так или иначе, но после Аустерлица 3-я антифранцузская коалиция «приказала долго жить».

Однако противники Наполеона не оставляли надежд остановить императора французов. Несколько месяцев спустя началось формирование 4-й коалиции. На этот раз инициатором ее создания выступила Пруссия, обеспокоенная учреждением по инициативе Наполеона Рейнской конфедерации (июль 1806 года) в составе мелких германских княжеств, включенных в орбиту французской политики. В сентябре — октябре 1806 года Пруссии удалось привлечь к участию в коалиции Англию, Россию, Швецию и Саксонию.

1 октября 1806 года Пруссия предъявила Франции ультиматум, потребовав немедленного вывода французских войск за Рейн. Наполеон ответил отказом и двинул армию в Тюрингию, а затем в Пруссию, что явилось началом русско-пруско-французской войны 1806–1807 годов. Уже через две недели после открытия военных действий, 14 октября, прусская армия была разгромлена маршалом Л. Н. Даву в Йена-Ауэрштедтском сражении в Саксонии, после чего французы вошли в Берлин.

Поражение Пруссии побудило Россию 28 ноября 1806 года объявить Франции войну. Военные действия, развернувшиеся на территории Польши и Восточной Пруссии, развивались с переменным успехом. Под городом Пултуском (Польша) 26 декабря 1806 года русская армия сорвала намерение Наполеона отрезать ее от переправы через реку Нарев. В Восточной Пруссии, под Прейсиш-Эйлау 7–8 января 1807 года русским удалось отразить все атаки французских войск. Однако в третьем, решающем сражении под Фридландом (Восточная Пруссия) Наполеон 14 июня 1807 года наголову разбил армию русского генерала Л. Л. Беннигсена. В результате французы впервые вышли к границам России.

Наполеон не решился форсировать Неман, справедливо полагая, что силы русских далеко не исчерпаны. Он предложил перемирие, которое было подписано 22 июня 1807 года. Спустя две недели, 7 июля 1807 года, Александр I санкционировал подписание в Тильзите (Восточная Пруссия) предложенного ему Наполеоном мирного договора*. Примеру России 21 июля последовала побежденная Пруссия. Таким образом, 4-я коалиция распалась, как и все предыдущие.

Получив желанную передышку, Наполеон устремил свой взор на беспокойный Иберийский полуостров, упорно сопротивлявшийся французским интервентам. Осенью 1807 года армия генерала Ж.-А. Жюно через Испанию вошла в Португалию.

* Одним из важнейших условий навязанного Александру I Тильзитского мира было присоединение России, по требованию Наполеона, к Континентальной блокаде, что больно ударило по российской экономике, тесно связанной с Англией. Наполеон бдительно следил за выполнением Александром этого требования и не упускал случая (в частности, при их личной встрече в Эрфурте осенью 1808 года) напоминать царю о взятых им на себя обязательствах.

Бесчинства французов на оккупированной территории вызвали восстание в Мадриде (май 1808 года), переросшее в общенациональную вооруженную борьбу против оккупантов. В ноябре 1808 года Наполеон лично прибыл в Испанию и пытался сам руководить военными действиями против повстанцев, однако уже в январе 1809 года вынужден был вернуться во Францию. В Испании он оставил маршалов М. Нея и Н. Сульта.

В это время в центре Европы назревала новая война, старательно разжигаемая Англией, которой удалось вовлечь Австрию в 5-ю антифранцузскую коалицию. Поводом к войне, оказавшейся скоротечной, стало вторжение 9 апреля 1809 года австрийской армии в Баварию.

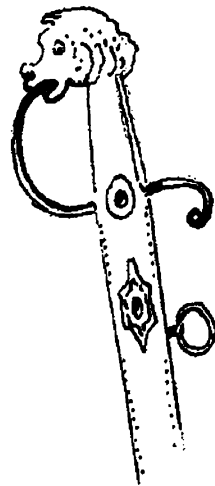
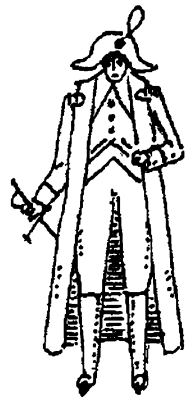
Три месяца спустя, 6 июля 1809 года, в сражении под Ваграмом, неподалеку от Вены, Наполеон разгромил армию эрцгерцога Карла, вынудив императора Франца I пойти на подписание 14 октября 1809 года Шёнбруннского мира, признававшего все завоевания Наполеона и те изменения, которые император французов произвел на европейской политической карте.

В преддверии войны с Россией, не выполнявшей, по его мнению, предписанных ей Тильзитским миром условий Континентальной блокады, Наполеон весной 1812 года навязал Австрии и Пруссии союзные договоры. По условиям этих договоров, в его распоряжение должны были быть переданы 30 тысяч австрийских и 20 тысяч прусских солдат.

Со своей стороны, Россия, предвидя столкновение с Францией, в апреле 1812 года заключила союзный договор со Швецией, а в июле 1812 года — с Англией. Так возникла трехсторонняя 6-я антифранцузская коалиция, к которой позднее присоединились Пруссия, Австрия и Бавария.

Одержанные военным гением Наполеона победы имели следствием возникновение огромной континентальной империи, раскинувшейся по территории всей Западной и Центральной Европы*. К началу 1812 года в Европе остались лишь два круп-

* Эта империя состояла из собственно французской территории — значительно расширившейся за счет поглощения соседних государств, а также стран, признавших власть императора Наполеона. В декабре 1810 года Сенатус-консулт установил новое территориально-административное устройство Франции в составе 130 департаментов (вместо прежних 83, учрежденных в 1790 году).

ных государства, не признававших над собой власти Наполеона — Великобритания и Россия.

Решившись на войну с Россией, Наполеон не ставил своей целью ни свержение Александра I, ни включение России в состав Французской империи. Он хотел лишь одного — наказать царя за невыполнение условий Континентальной блокады. Надеясь разгромить русскую армию в приграничных сражениях, Наполеон намеревался преподать Александру урок и побудить его совместно выступить против Англии.

22 июня 1812 года Великая армия общей численностью 647 тысяч человек*, форсировав Неман, четырьмя колоннами вторглась на территорию России. С самого начала стратегический план Наполеона потерпел неудачу. «Богу войны» не удалось, как он задумывал, поочередно разбить три рассредоточенные вдоль границы (от Вильно до Луцка) русские армии и не допустить их объединения. Наполеону не удалось также навязать русскому командованию генеральное сражение в приграничной зоне.

Давая отпор противнику, русские организованно отступали, а в начале августа 1-я и 2-я армии смогли соединиться в районе Смоленска, где произошло первое крупное сражение кампании 1812 года. Желая сохранить армию, русское военное командование отвело основные силы от Смоленска. Отступление продолжалось до конца августа, пока новый главнокомандующий генерал М. И. Кутузов не принял решение дать французам генеральное сражение. Оно произошло 6 сентября 1812 года в районе деревни Бородино, в 110 верстах от Москвы. К тому времени Великая армия изрядно «похудела». Наполеон вынужден был оставлять часть войск на оккупированных территориях для поддержания там порядка и обеспечения безопасности коммуникаций. С французской стороны в битве участвовали 133 тысячи человек; с русской — 155 тысяч.

«Вот оно, солнце Аустерлица!» — воскликнул Наполеон, выйдя из палатки на рассвете 6 сентября. Император ошибся. Это было солнце Бородина. В кровопролитном сражении французы

* Численность группировки первого эшелона французской армии в конце июня 1812 года составляла 448 тысяч человек. Французам и их союзникам противостояли три русские армии общей численностью 214 тыс. человек.

потеряли 28 тысяч человек, но лишь потеснили противника. Русские оставили на поле боя 45 тысяч человек и по приказу Кутузова организованно отступили до Москвы. Наполеон воспринял это отступление как свою победу.

Решив, что сохранение армии важнее, чем новое сражение за Москву, Кутузов приказал оставить древнюю столицу, чем вызвал взрыв негодования в армии и обществе.

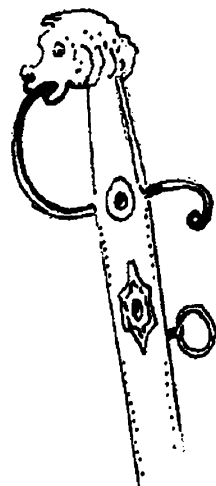
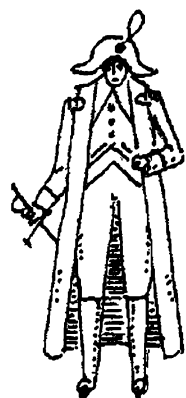
14 сентября 1812 года Наполеон вступил в Москву, оставленную подавляющим большинством городского населения*. Император чувствовал себя победителем и ждал поднесения ему символических ключей от города, а главное — просьбы Александра I о перемирии и начале мирных переговоров. Но не дождался — ни того, ни другого. Вместо этого взятый им город, состоявший преимущественно из деревянных домов, неожиданно запылал. Приказ о поджоге дал московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин, не пожалевший и своего подмосковного имени Воронова.

Наполеон негодовал, осыпая проклятиями «скифов», которые не желали признавать принятых в Европе правил ведения войн. Он приказал остановить пожары и расстреливать на месте поджигателей и всех, кого таковыми посчитают военные власти. Все было бесполезно. Из 9158 московских домов 6532 сгорели дотла. Вместо уютных московских квартир победоносная Великая армия в преддверии зимы, которую с ужасом ожидали французы, оказалась в буквальном смысле на пепелище.

Наполеон чувствовал, что все пошло не так, что его армии грозит опасность вымерзнуть надвигавшейся зимой. В результате развернувшегося партизанского движения резко ухудшилось снабжение армии продовольствием, фуражом и боеприпасами. Наполеон настойчиво пытается установить контакт с Александром I, но «царь скифов» упорно молчал, давая понять, что не намерен признавать свое поражение. Неизвестно, знал ли Наполеон о том, что в русской армии, излечивавшей раны и готовившейся к реваншу, передавали слова императора Александра: «Если потребуется, я отступлю хоть до Камчатки, но не заключу мира, пока хоть один вражеский солдат останется на русской земле».

Между тем начавшееся разложение бездействовавшей и дезориентированной Великой армии побудило Наполеона принять

* Из 275 тысяч жителей в Москве осталось не более 6 тысяч.

решение об уходе из Москвы до наступления холодов. 19 октября 1812 года французы стали организованно покидать первопрестольную столицу России. Намерение Наполеона повести ее обратно по богатой припасами Старой Калужской дороге не было реализовано. Кутузов вскоре принудил его свернуть на разоренную французами при летнем наступлении Смоленскую дорогу. В ноябре отступление французов приняло характер беспорядочного бегства. Десятки тысяч обмороженных, истощенных голодом французских солдат и офицеров навсегда остались на бескрайних русских просторах. Из 600-тысячной армии вторжения лишь 30–40 тысяч счастливых смогли вернуться во Францию*. Великая армия фактически перестала существовать. Наполеону удалось вывести из России лишь часть гвардии.

5 декабря 1812 года Наполеон бросил остатки армии и, счастливо избежав захвата в плен, тайно уехал в Париж, где осмелевшие противники его режима в отсутствие императора попытались совершить государственный переворот (заговор генерала Мале)**.

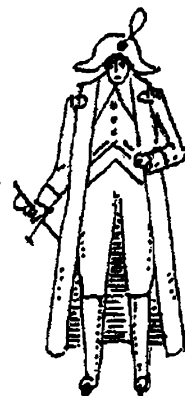
Непрерывные войны, которые на протяжении полутора десятилетий вел Наполеон, серьезно истощили человеческие ресурсы Франции***, а затянувшаяся Континентальная блокада

* 200 тысяч военнослужащих Великой армии погибли в боях, стали жертвами болезней и русской зимы; от 150 до 190 тысяч попали в плен; около 60 тысяч дезертировали и бесследно пропали: часть дезертиров нашли убежище у приютивших их русских, работая в крестьянских хозяйствах и помещичьих усадьбах, в дворянских семьях и у городских обывателей. Спустя четверть века, в 1837 году, в одной только Москве проживали 3200 французов, многие из которых прежде служили в Великой армии.

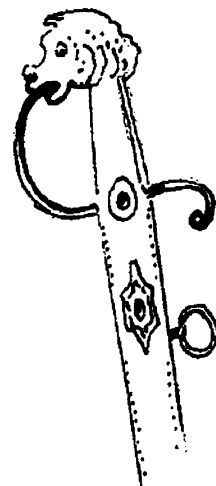
** Отставной бригадный генерал Клод-Франсуа де Мале со времен Консульства был убежденным противником Наполеона, за что в 1805 году был изгнан из армии. Получив известие о поражении Наполеона в России, Мале во главе группы единомышленников-республиканцев в ночь с 22 на 23 октября 1812 года попытался захватить власть в Париже, но заговорщики потерпели неудачу. 29 октября по приговору военного трибунала генерал Мале и четырнадцать его сообщников были расстреляны.

*** В наполеоновских войнах Франция потеряла более 800 тысяч убитыми, что стало причиной национального демографического кризиса, ошущавшегося вплоть до начала XX века.

весьма неблагоприятно сказалась на состоянии французской экономики, с трудом преодолевшей кризис, поразивший ее в 1810–1811 годах. Долгое время Наполеон восполнял экономические ресурсы за счет побежденных и оккупированных им стран, обложенных контрибуцией. Но затем этих «внешних» заимствований стало не хватать, и Наполеон вынужден был пустить в ход внутренний налоговый пресс, что вызвало ропот среди его подданных. Император ответил ужесточением полицейского и цензурного контроля. Усилились преследования противников режима, среди которых были писатели Жермен де Сталь и Бенжамен Констан, один из «отцов-основателей» французского либерализма. Наполеон перестал считаться даже с послушным его воле Законодательным корпусом. Его режим все более приобретал черты деспотического правления.

Поражение в России стало, по определению Талейрана, «началом конца» наполеоновской империи. В декабре 1812 года русская армия вышла к своим западным границам и изготавилась к походу в Европу. Прямым следствием неудачи Наполеона в России стал подъем национально-освободительного движения в Германии, где вспыхнуло антифранцузское восстание. Пруссия и Австрия — недавние союзники Франции — стали всерьез подумывать о переходе на сторону России, Англии и Швеции.

Вернувшись во Францию, Наполеон срочно занялся формированием новой армии для продолжения борьбы против 6-й коалиции. К началу кампании 1813 года он сумел добиться поставленной цели и даже одержать победы под Люценом (2 мая), Бауценом (20 мая) и Дрезденом (26–27 августа), несмотря на то что его наспех собранная армия в основном была укомплектована совсем молодыми, неопытными рекрутами. Однако благоволившая к великому полководцу судьба вскоре отвернулась от него. В «Битве народов» под Лейпцигом (16–19 октября) он потерпел сокрушительное поражение и вынужден был вывести потрепанную в боях армию из Германии.

Кампания 1814 года началась с вторжения войск 6-й коалиции, усилившейся за счет Пруссии и Австрии, на территорию Франции, где после нескольких успешных для французов, но незначительных сражений они потерпели поражение при Арсиюр-Об. В результате армии коалиции вплотную подошли к Парижу и 31 марта вступили во французскую столицу.

Немедленно оживились все явные и тайные противники Наполеона. Неоднократно униженный императором Сенат объявил его низложенным и сформировал Временное правительство во главе с бывшим сподвижником императора Шарлем Морисом Талейраном, еще в 1808–1809 годах разуверившимся в счастливой звезде Наполеона. Отречения потребовали и большинство маршалов.

Находившийся в Фонтенбло Наполеон попытался спасти не успевшую укорениться династию, а вместе с ней и Империю. 4 апреля он отрекся от престола в пользу малолетнего сына, короля Римского, и Сенат дал согласие признать того императором под именем Наполеона II.

Однако вмешательство союзников, давно решивших восстановить у власти Бурбонов, перечеркнуло эти планы. Победители отказались признать Наполеона II. 11 апреля поверженный император вынужден был вторично отречься от французского престола. В ночь с 12 на 13 апреля он предпринял попытку самоубийства, но принятой им дозы опиума оказалось недостаточно. Лейб-медик Иллеман (Хиллеман) вернул его к жизни.

20 апреля, попрощавшись со Старой гвардией, низложенный император отправился в изгнание. Победители сохранили за ним императорский титул, определили достаточно большую пенсию и отдали во владение небольшой остров Эльба в Средиземном море.

Оправившись от депрессии, Наполеон вскоре энергично взялся за обустройство своего крошечного владения. Он пытался добиться приезда к нему на Эльбу жены и сына, перебравшихся в Вену, но получил отказ.

Новое французское правительство не могло отказать себе в мстительном удовольствии хоть как-то унижить недавнего властелина. Под разными предлогами оно отказывало ему в выплате обещанной союзниками пенсии и требовало от победителей отправить Наполеона куда-нибудь подальше от Франции и Европы — например, на один из островов Южной Атлантики, что впоследствии и будет сделано.

Со своей стороны, Наполеон внимательно следил за развитием событий во Франции, где зрело недовольство режимом Реставрации Бурбонов, взявшим курс на свертывание тех завоеваний революции, которые сохранялись при наполеоновской империи. Этим недовольством умело пользовались бонапар-

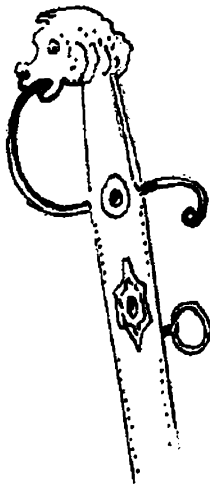
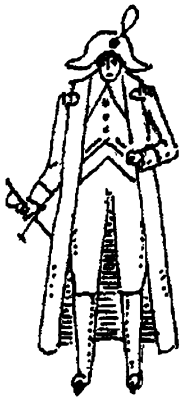
тисты, сторонники низвергнутого императора, распространявшие слухи о его скором возвращении. Убедившись в том, что Бурбоны не имеют внутри страны устойчивой поддержки и, зная о возникших на Венском мирном конгрессе между державами-победительницами разногласиях, Наполеон решил вновь испытать судьбу.

Он тайно покидает Эльбу и 1 марта 1815 года высаживается с небольшим отрядом на средиземноморском побережье Франции. В Париже воцарилась паника, особенно после того как направленные против Наполеона правительственные войска с энтузиазмом стали переходить на его сторону, включая их командующего, прославленного маршала Мишеля Нея. Впоследствии 20-дневный триумфальный поход Наполеона на столицу назовут Полетом Орла. 20 марта Наполеон под восторженные приветствия горожан вошел в Париж, откуда спешно бежали все представители режима Реставрации — Людовик XVIII, его двор и министры.

Период второго правления Наполеона (20 марта — 22 июня 1815 года) вошел в историю Франции под названием «Ста дней». Наполеон явно извлек уроки из своих ошибок во внутренней политике. Всеми способами он демонстрировал верность заветам 1789 года, выставляя себя защитником Свободы и Равенства. Он распорядился создать новый законодательный орган в составе Палаты представителей и Палаты пэров. Наполеон ввел в Государственный совет опального Бенжамена Констана и поручил ему составить проект новой либеральной конституции с расширенными полномочиями представительной власти. Этот проект — «Дополнительный акт» (Acte additionnel) — 22 апреля 1815 года был утвержден Наполеоном и 1 июня одобрен на плебисците полутора миллионами голосов. Состоявшиеся в мае выборы в Палату представителей принесли ожидаемую победу либералам.

В составленном на имя Наполеона адресе парламентарии настаивали на продолжении и углублении реформ, однако император так и не решился (или не успел) осуществить эти пожелания. От проведения дальнейших внутренних преобразований он был отвлечен возникшей угрозой новой иностранной интервенции.

Вернувшись к власти, Наполеон пытался заверить державы-победительницы в своих мирных устремлениях, но в Европе ему

уже никто не верил. Никто не верил, что вчерашний властелин Европы согласится с урезанными границами Франции 1792 года, определенными победителями.

10 марта 1815 года, узнав о движении Наполеона на Париж, союзники, заседавшие на мирном конгрессе в Вене, поспешили сформировать новую, 7-ю по счету, антифранцузскую коалицию. Одновременно они объявили сбежавшего с Эльбы Наполеона вне закона (*hors-la-loi*).

Наполеон вынужден был предпринять срочные меры по подготовке к назревавшей войне. К июню 1815 года ему удалось сформировать 250-тысячную регулярную армию и Национальную гвардию численностью около 200 тысяч человек. Этим силам, рассредоточенным по всей территории Франции, противостояла 700-тысячная армия союзников.

12 июня Наполеона выехал в расположение армии, находившейся в Бельгии, где в районе Ватерлоо 18 июня 1815 года произошло сражение французов с англо-голландско-прусскими войсками. Битва завершилась поражением Наполеона, после чего 20 июня он вернулся в Париж.

22 июня Палата представителей потребовала от императора отречения в пользу малолетнего сына. Трезво оценив обстановку, Наполеон отказался от продолжения борьбы и подчинился этому требованию. Подписав акт окончательного отречения, он попытался бежать в Северную Америку, но в районе Рошфора попал в руки англичан. По решению союзников он был отправлен на остров Святой Елены в Южной Атлантике. В Лонгвуде, административном центре этого британского владения, Наполеон провел последние шесть лет жизни под надзором генерала Хадсона Лоу*.

В изгнание за ним последовали самые верные сподвижники — генералы Бертран, Гурго, Монтолон, граф де Лас Каз и некоторые другие. Пребывание на Святой Елене Наполеону скрашивала и его последняя возлюбленная**, 36-летняя Альбина

* Впоследствии Лоу будут обвинять в том, что он приказал добавлять небольшими дозами мышьяк в пищу, подаваемую Наполеону, что ускорило смерть последнего в 1821 году. Однако эта версия не получила убедительных доказательств.

** По утверждению некоторых биографов Наполеона, составивших его «донжуанский список», в нем значилась 51 любовница. Достоверно можно говорить о тринадцати, чьи имена известны историкам.

де Монтолон, которая, как утверждают отдельные французские историки, в 1816 году родила от него девочку, названную Элен. В Лонгвуде Наполеон диктовал Лас Казу свои воспоминания и пытался освоить английский язык.

С начала 1819 года состояние его здоровья стало ухудшаться, но врачи не могли диагностировать болезнь. Наполеон постепенно слабел, но все-таки нашел силы буквально за несколько дней до смерти самостоятельно написать сорок страниц распоряжений и пожеланий, составивших его своеобразное завещание.

Он скончался в 17 часов 49 минут в субботний день 5 мая 1821 года. Его последними словами были: «Франция, армия, Жозефина...» По другим свидетельствам, он будто бы произнес в бреду: «Голова армии...»

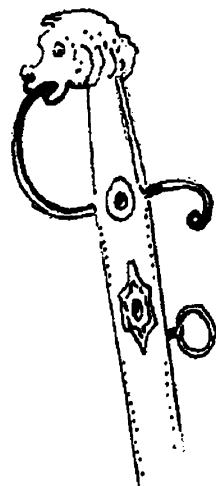
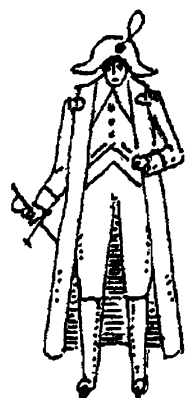
Теперь принято считать, что причиной смерти 51-летнего Наполеона стало прободение язвы на фоне хронического гепатита. По другим данным, Наполеона свела в могилу та же болезнь, что убила и его отца, — рак желудка.

Генерал Лоу, срочно прибывший к смертному ложу своего поднадзорного, произнес у бездыханного тела Наполеона: «Господа, это был самый главный враг Англии. Он был и моим личным врагом. Но сегодня я все ему прощаю. Смерть столь великого человека не может вызвать иных чувств, кроме печали и глубокой скорби».

Девятнадцать лет спустя, 18 октября 1840 года, эксгумированные останки Наполеона покинули остров Святой Елены*. Их торжественно перенесли на борт французского фрегата «Ла Белль Пуль», который 30 ноября доставил ценный груз в порт Шербурга, откуда водным путем он отправился в Париж.

14 декабря 1840 года десятки тысяч парижан высыпали на улицу, чтобы стать свидетелями исторического события — по-смертного возвращения императора в столицу Франции. На следующий день состоялось торжественное перезахоронение останков Наполеона в крипте собора Св. Людовика в Доме Инвалидов. Сбылось его желание, высказанное в завещании, — «быть похороненным на берегу Сены».

* Это стало возможным в результате договоренности короля Луи-Филиппа с правительством Великобритании.

Людовик XVIII

Доставшейся ему короной Людовик XVIII обязан Французской революции. О троне он мечтал с детских лет. Но эта мечта скорее всего никогда бы не воплотилась, не случись 14 июля 1789 года и последовавших за взятием Бастилии событий — гибели на эшафоте Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Правда, после их казни оставался еще сын и прямой наследник короля, объявленный роялистами после гибели отца Людовиком XVII. Но 8 июня 1795 года десятилетний мальчик, истощенный болезнью и грубым обхождением, умер в замке-тюрьме Тампль. А уже 23 июня того же года было распространено обращение нового короля Людовика XVIII к своим неверным подданным с призывом «восстановить прежнюю форму правления, которая на протяжении четырнадцати веков составляла славу Франции». Великодушный «отец народа» обещал прощение «заблудшим детям», если они «припадут к подножию трона».

Надо сказать, мало кто из французов узнал тогда о сделанном им заманчивом предложении, так как сам новоявленный король находился далеко за пределами Франции и мог считаться разве что «королем эмигрантов», каковым он был даже в глазах легитимных монархов.

Без малого двадцать лет Людовик XVIII вел жизнь скитальца. Лишь в мае 1814 года он вернулся во Францию в обозе армий держав-победительниц Наполеона. Когда один из приближенных скажет ему по возвращении: «Сир, ну вот вы и король Франции», тот резко возразит: «А разве я не был им до сих пор?» В тексте его первого эдикта, изданного в Париже, будет указано — «19-й год царствования».

Кто же он такой — король-странник Людовик XVIII, чья судьба не знала аналогий в истории тысячелетней французской монархии?

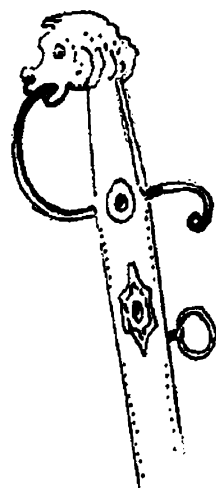
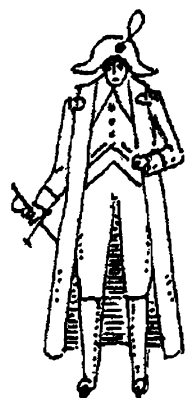
17 ноября 1755 года пушки Бастилии и Дома Инвалидов несколькими залпами известили парижан о прибавлении в королевском семействе. У Людовика XV появился третий внук, который получил имя — Луи-Станислас-Ксавье и титул графа Прованского. С его рождением будущее династии Бурбонов обрело солидный запас прочности. Впрочем, чадолюбивые ро-

дители на этом не остановятся. Два года спустя у дофина Луи-Фердинанда, единственного сына Людовика XV, и дофины Марии-Жозефы Саксонской родится еще один мальчик, которому дадут титул графа д'Артуа. Чадолюбие Луи-Фердинанда и Марии-Жозефы, которым суждена будет преждевременная смерть от туберкулеза (дофин умрет в 1765-м, а его супруга — в 1767 году), сослужит добрую службу династии. Созданный ими запас прочности позволит Бурбонам пусть и с потерями, но все же пережить потрясения революции. Младшие сыновья Луи-Фердинанда и Марии-Жозефы сумеют даже восстановить низвергнутый трон Бурбонов.

Зато двум старшим не повезло. Их первенец, герцог Бургундский, в котором видели будущего короля, умер еще при жизни родителей — в 1761 году. Ему было всего десять лет, и умер он от той самой болезни, которая в скором времени убьет его отца и мать. После смерти герцога Бургундского вторым (после отца) наследником престола был объявлен его семилетний брат, герцог Беррийский. Хрупкое здоровье этого отпрыска королевской семьи также не обещало ему долгой жизни. У него подозревали все тот же туберкулез, и с некоторых пор стали присматриваться к его младшему брату — графу Прованскому, жизнерадостному, полнокровному мальчугану.

Однако, вопреки всем ожиданиям, герцог Беррийский избавился от недугов и к пятнадцати годам превратился в крупного, склонного к полноте флегматичного и застенчивого юношу, наделенного недюжинной физической силой. Именно он в 1774 году унаследует французский престол под именем Людовика XVI, а спустя без малого двадцать лет, в январе 1793 года, сложит голову на гильотине. Но все это еще впереди.

После смерти старшего из братьев, место которого у подножия трона унаследовал герцог Беррийский, Луи-Станислав Ксавье стал третьим по очередности кандидатом на наследование престола. С уходом из жизни отца-дофина он переместится на второе место. Правда, надежда стать королем, очень рано овладевшая честолюбивым юношей, была весьма призрачной, особенно после того как в 1770 году состоялось бракосочетание дофина (герцога Беррийского) и австрийской эрцгерцогини Марии-Антуанетты, дочери императрицы Марии-Терезии. При дворе доживавшего свой век Людовика XV с нетерпением ожидали появления наследника, но его почему-то все не было...

В тщетных ожиданиях прошло семь лет... За это время умирает старый король. Герцог Беррийский наследует ему, став Божьей милостью королем Людовиком XVI, а граф Прованский становится дофином с титулом Месье. Но королевская чета по-прежнему бездетна, и это порождает пересуды при дворе, постепенно распространившиеся и в обществе. Недоброжелатели распускают слухи о неполноценности короля.

Среди тех, кто был причастен к распространению этих слухов, мы находим и двух братьев короля — графа Прованского и графа д'Артуа. В затянувшейся бездетности королевской четы каждый из них усмотрел перспективы для осуществления своих амбициозных планов, и у каждого были свои резоны. Особое злорадство проявлял младший из братьев, считавший, что у него есть для этого все законные основания. Он был единственным из этой братской троицы, кто уже обзавелся потомством, и что самое главное — двумя сыновьями.

Граф Прованский, которого еще в мае 1771 года женили на принцессе Марии-Жозефине Савойской, как и его старший брат-король, не имел детей, но при этом каким-то образом сумел избежать неблагоприятных для себя и своей супруги пересудов.

Вплоть до 1781 года Луи-Станислас-Ксавье официально носил звание дофина и уже приучил себя к мысли о будущем царствовании. Он получил то же воспитание, что и его старший брат, но не был столь же примерным христианином, как Людовик XVI.

Все поменялось с неожиданным для всех появлением в королевском семействе первенца. В результате несложной, но деликатной хирургической операции, которой в августе 1777 года подвергся Людовик XVI, он был реабилитирован в своем мужском достоинстве. Уже в декабре 1778 года в королевской семье родился первый ребенок — Мария-Терезия Шарлотта. А 22 октября 1781 года, к нескрываемому огорчению младших братьев, на свет появляется долгожданный наследник — Луи Жозеф Ксавье Франсуа, герцог Бургундский. В этот день граф Прованский перестал быть дофином и вернулся на третье место в очередности наследования трона.

27 марта 1785 года последовал еще один удар: королева родила второго сына — Луи Шарля, герцога Нормандского, и граф

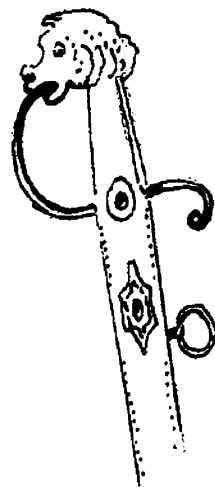
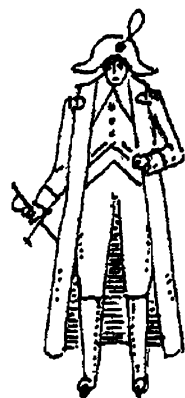
Прованский был вытеснен на четвертое место в королевском семействе.

Появление у короля прямых наследников стало подлинной катастрофой для графа Прованского. Он воспылил неприязнью к «виновнице» своих бед — Марии-Антуанетте и начал распространять о ней самые грязные слухи. При дворе, а затем и в обществе пошли разговоры о сомнительном происхождении детей короля-импотента и об аморальности королевы, которой молва, не без участия двух ее деверей, приписывала многочисленных любовников и наперсниц-лесбиянок. В какой-то степени именно графу Прованскому (и его младшему брату) Мария-Антуанетта была обязана той непопулярностью в обществе, которую она приобрела к началу революции. Дискредитируя королеву, а через нее и короля, граф Прованский невольно вносил свой вклад в расшатывание устоев Старого порядка, о чем, разумеется, даже не догадывался. В этом смысле экономический и политический кризис, разразившийся весной 1789 года, застал его врасплох. Советы, которые он пытался давать старшему брату, созвавшему Генеральные штаты для поисков выхода из кризиса, были несостоятельными. Король оставлял их без внимания.

В разгар этого кризиса, 4 июня 1789 года, умирает от туберкулеза семилетний дофин, герцог Бургундский. Наследником престола объявляется четырехлетний герцог Нормандский, а тридцатитрехлетний граф Прованский вновь на одну ступеньку приближается к трону.

Тем временем одна из палат Генеральных штатов, где заседали представители третьего сословия, 17 июня объявила себя Национальным собранием, то есть верховным органом власти в стране. После этого развитие событий приняло лавинообразный характер. 14 июля 1789 года восставшим народом была взята Бастилия, символ «королевского деспотизма», а 17 июля Людовик XVI вынужден был прикрепить к камзолу трехцветную революционную кокарду. Будучи бессилен что-либо изменить, король, по всей видимости, искренне пытался понять смысл происходящего и найти свое место в охваченной революцией Франции. Для него речь шла, прежде всего, о спасении престола и династии.

Граф д'Артуа, младший из королевских братьев, осуждавший вынужденные заигрывания Людовика XVI с революцией, еще летом 1789 года вместе со всем своим семейством предусмо-

трительно покинул Францию. Граф Прованский повел себя иначе. Чувствуя неустойчивость положения Людовика XVI, его очевидную слабость, он счел более выгодным для себя остаться в Париже, в надежде в нужный момент оказаться в нужном месте. И лишь нараставшая опасность для всех членов королевской семьи побудила его бежать из страны одновременно с королем, но разными путями, что, как оказалось, было с его стороны предусмотрительным решением.

Король, его жена и дети, тайно покинувшие столицу в ночь на 21 июня 1791 года, были задержаны в Варенне, совсем недалеко от западной границы, и под усиленной охраной возвращены в Париж.

По договоренности с королем, граф Прованский выехал из Парижа около 23 часов 21 июня, но направился не в западном, как королевская семья, а в северо-западном направлении, в сторону Австрийских Нидерландов. Его путь лежал к городку Лонгви. Через сутки он благополучно пересек границу с паспортом на имя британского подданного Майкла Фостера. Оказавшись на австрийской территории, граф Прованский с отвращением сорвал со своей широкополой шляпы прикрепленную к ней трехцветную кокарду.

Через несколько дней в Намюре он воссоединится с графиней Прованской, следовавшей из соображений безопасности по самостоятельному маршруту. Впрочем, супругов уже мало что связывает, кроме формальных уз. Болезненная, нервическая Мария-Жозефина давно не привлекала графа Прованского, упрекавшего ее — вполне возможно, безосновательно — за неспособность к деторождению. Сам он едва ли не демонстративно изменял ей. Вот и сейчас, едва встретившись с супругой, он устремляется к своей давней пассии, мадам де Бальби.

Перебравшись из Брюсселя в Кобленц, граф Прованский вместе с младшим братом занимается формированием эмигрантской армии, предназначенной для участия в войне в составе антифранцузской коалиции. Здесь он оказывает поистине «медвежью услугу» своему брату-королю, ставшему после неудачного Вареннского бегства фактическим заложником революционных властей.

Объявив себя вождем роялистской эмиграции, граф Прованский участвует в принятии 27 августа 1791 года провокационной Пильницкой декларации, ускорившей падение монархии

во Франции. В декларации, изданной от имени императора Австрии и короля Пруссии, объявлялось, что Людовик XVI не свободен в своих решениях и что священный долг подписавших ее сторон — способствовать восстановлению короля в его суверенных правах.

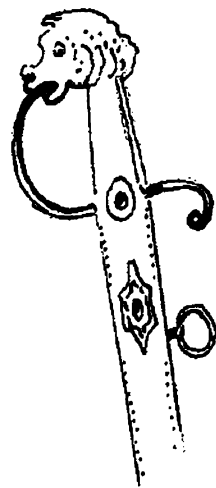
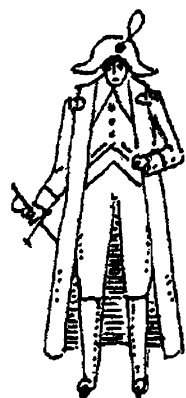
Ответом на этот вызов явилось принятие французским Учредительным собранием конституции, которую 13 сентября 1791 года Людовик XVI вынужден был подписать, хотя она оставляла за ним лишь сильно урезанные исполнительные функции. Следующим шагом в январе 1792 года стал декрет Законодательного собрания, лишивший графа Прованского всех прав французского принца. Перед угрозой иностранной интервенции 20 апреля 1792 года Собрание заставило короля объявить войну австрийскому императору Францу, брату Марии-Антуанетты.

Граф Прованский был причастен к принятию еще одного документа, непосредственно спровоцировавшего свержение монархии и арест в Париже королевской семьи. Речь идет о так называемом манифесте герцога Брауншвейгского, главнокомандующего 175-тысячной австро-прусской армии, сосредоточившейся у границ Франции. 25 июля 1792 года герцог выступил с угрозой разрушить Париж до основания и потопить революцию в крови, если хотя бы один волос упадет с головы Людовика XVI.

Манифест имел эффект прямо противоположный тому, на который рассчитывали его составители. Впрочем, некоторые историки не без оснований полагают, что последующее развитие событий в полной мере отвечало замыслам одного из авторов документа — графа Прованского.

Содержание манифеста стало известно в Париже 8 августа, а уже 10 августа в столице вспыхнуло восстание, завершившееся в тот же день арестом всей королевской семьи и заключением ее в тюрьму Тампль. 21 сентября на первом заседании только что избранного Конвента было объявлено о ликвидации монархии и провозглашении во Франции республиканского строя.

Дальнейшее хорошо известно. Процесс и казнь 21 января 1793 года Людовика XVI, затем аналогичный процесс и казнь 16 октября того же года Марии-Антуанетты и, наконец, смерть в тюремном застенке их малолетнего сына, которого граф Про-

ванский — отныне местоблюститель престола — посмертно объявил королем Людовиком XVII.

После казни короля граф Прованский возложил на себя титул дофина с именованием Месье, а после гибели в Тампле своего племянника — провозгласил себя королем Людовиком XVIII, о чем поспешил 23 июня 1795 года известить народ Франции и все европейские дворы. Поспешность его действий диктовалась древней традицией французской монархии, которая исключала всякую возможность вакансии престола Капетингов — «Король умер, да здравствует, король!».

Первым из европейских монархов, кто признал права новоявленного короля, была Екатерина II. Она сделала это 3 июля, как только до Петербурга дошли известия о смерти сына Людовика XVI. При этом императрица еще не успела даже получить извещение Месье о возложении на себя королевского титула, что свидетельствовало о бесспорности его прав на престол в глазах Екатерины.

Зато с признанием со стороны других европейских дворов возникли неожиданные осложнения. Пруссия, Голландия и Испания незадолго до этого подписали мирный договор с революционной Францией и не желали осложнять с ней отношения из-за притязаний графа Парижского. Переговоры о мире с Францией вела и Австрия. В английском парламенте развернулась дискуссия о необходимости примирения с французскими революционерами. Европейские монархи оказались перед мучительным выбором: признать Людовика XVIII и поставить тем самым под угрозу только что заключенный ими желанный мир или отказать ему в признании, отступив от принципа монархической солидарности.

Было найдено спасительное решение — не подвергая сомнению права графа Прованского на французский престол, не спешить с его официальным признанием в качестве короля Франции. Именно так и поступили многие дворы в ожидании дальнейшего развития событий. Даже Святой престол медлил с признанием Людовика XVIII, опасаясь реакции непредсказуемых и воинственно настроенных французов.

С этого времени жизнь Людовика XVI превратилась в одно бесконечное и далекое от приятных впечатлений путешествие, растянувшееся без малого на двадцать лет. Не успевал он обо-

сноваться в той или иной стране, как его вежливо, но настойчиво просили покинуть ее из опасения вызвать недовольство набравшей силу Франции. Политические унижения сопровождались острой нехваткой денег и зависимостью от подачек августейших «кузенов».

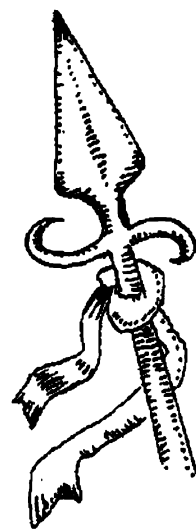
Дважды Людовику XVIII довелось обрести временное пристанище и в России. После очередного вынужденного отъезда из германских земель король в изгнании получил приглашение Павла I поселиться в Митаве (Курляндия), где он пробыл с марта 1798 до января 1801 года, когда Павел пошел на сближение с Бонапартом и вежливо попросил Людовика XVIII покинуть пределы Российской империи. Незадолго до этого Павел I отменил короля-изгнанника высшим знаком отличия Российской империи — орденом Св. Андрея Первозванного.

Второй приезд короля в Россию был связан с соответствующим приглашением Александра I, присоединившегося к очередной антифранцузской коалиции и по этой причине вспомнившего о «несчастном изгнаннике». Людовик XVIII, его супруга, а также их племянники — герцог и герцогиня Англемские — в январе 1805 года вновь обосновались в Митаве, где прожили два с лишним года, вплоть до Тильзитского примирения Александра и Наполеона, после чего в сентябре 1807 года вынуждены были опять выехать из России. Последним пристанищем Людовика XVIII в изгнании с 1808 года станет английский замок Хартвелл.

Скитания по европейским странам окончательно подорвали и без того хрупкое здоровье Марии-Жозефины, супруги короля. 13 ноября 1810 года она тихо угасла в замке Хартвелл. Там же, в начале апреля 1814 года, Людовик XVIII встретил известие об отречении Наполеона, после чего устремился во Францию.

Кстати, еще в 1800 году Людовик XVIII, видимо, в порыве отчаяния, обратился к генералу Бонапарту с письмом, в котором призывал диктатора вернуть Франции ее «законного» короля. Разумеется, его призыв не мог быть услышан. Бонапарт, уже подумывавший об учреждении империи и основании собственной династии, оставил без внимания унижительную просьбу претендента.

Сам Людовик уже давно отказался от какого бы то ни было активного участия в военных действиях против своих взбунтовавшихся «подданных». Дважды — в 1792 и 1796 годах — он

пытался возглавить вооруженные формирования роялистов, но потерпел неудачу, после чего окончательно уступил роль военное лидерство эмиграции графу д'Артуа и принцу Конде. Себе же оставил необременительные функции «короля в изгнании», время от времени издавая манифесты и напоминая тем самым Европе о своем существовании.

Двадцатилетние скитания, сопровождавшиеся материальными лишениями и политическими унижениями, самым неожиданным образом сказались на характере эпикурейца и остро слова, каковым граф Прованский был в молодости. Жизненные неурядицы не ожесточили его, как можно было бы ожидать, а, напротив, — смягчили, сделали снисходительным и даже великодушным. В этом он все больше стал походить на Людовика XVI — та же мягкость и уступчивость, та же нерешительность, свидетельствующая о слабости воли. Приближенные с удивлением замечали, что к шестидесяти годам Людовик XVIII, в отличие от своего младшего брата, уже не питал прежней ненависти к якобинцам и не жаждал их крови. Единственное, что осталось от прежнего жизнелюба, — редкостный аппетит, заставлявший его поглощать огромное количество пищи, и неутолимая жажда, побуждавшая выпивать много вина, а по ночам пить воду. Ни он сам, ни окружающие, ни даже врачи не подозревали у Людовика XVIII постепенного развития сахарного диабета, который с годами усугубится атеросклерозом.

Была у короля-изгнанника и еще одна слабость — женщины. Он был подвержен ей смолоду, не изменил своим пристрастиям в браке, а, овдовев, и вовсе перестал сдерживаться. После смерти жены центральное место в его интимной жизни заняла графиня дю Кайла, умело приставленная к брату графом д'Артуа. Графиня была неистовой ультрароялисткой и служила надежным инструментом соответствующего влияния на мягкотелого и безвольного Людовика.

Конец многолетнему изгнанию положило поражение Наполеона в войне с союзными державами, войска которых 31 марта 1814 года вступили в Париж, что повлекло за собой 6 апреля 1814 года отречение поверженного императора от престола.

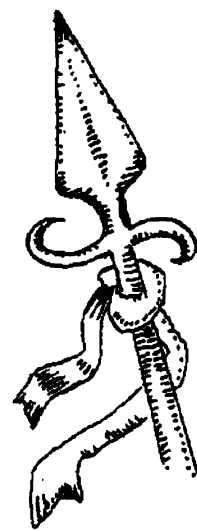
В тот же день Сенат, до того верный Наполеону, выступил с заявлением о призвании на французский трон «Луи-Станисласа-Ксавье, брата последнего короля» и предложил ему подпи-

сать срочно составленную конституцию. Людовик XVIII отказался утвердить предложенный ему документ, подготовленный, как он сказал, «слугами узурпатора». В действительности его возмутило даже не это, а совсем другое: конституционный акт не признавал его королем Божьей милостью, а лишь призывал занять престол «волей Нации». Короля энергично поддержал граф д'Артуа, признанный вождь ультрароялистов, жаждавших мести и намеревавшихся вернуть страну к временам Старого порядка.

Невозможность такого возвращения на четверть века назад понимали даже победители Наполеона, желавшие утверждения в поверженной Франции стабильного, а значит, умеренного режима. Поэтому настроения ультрароялистов внушали державам-победительницам самые серьезные опасения.

Роль модератора взял на себя Александр I, прибывший по случаю победы над Наполеоном во Францию. В Компьене, где поначалу обосновался вернувшийся из Англии Людовик XVIII, русский император встретился с ним и с графом д'Артуа, к которому перешел титул Месье. Александр призывал их осознать новые реальности и проявить разумную осмотрительность, но натолкнулся на высокомерную неуступчивость. У императора осталось тягостное впечатление от этих встреч, тон на которых задавал не столько Людовик XVIII, сколько его бескомпромиссно настроенный брат. «Они ничего не поняли и ничего не забыли», — в сердцах сказал Александр I о Бурбонах по окончании переговоров. И все же русский император при активном содействии Талейрана, возглавлявшего тогда Временное правительство, сумел преодолеть сопротивление Месье и убедить Людовика XVIII согласиться на введение во Франции определенных конституционных свобод.

2 мая 1814 года король подписал в замке Сент-Уан, близ Парижа, декларацию, в которой заявил о своем намерении утвердить конституцию. В Сент-Уанской декларации был учтен ряд его требований, и главное из них — он именовался не «Луи-Станислас-Ксавье, король волей Нации», а «Божьей милостью король Франции и Наварры Людовик XVIII». На следующий день король торжественно въехал в Париж в окружении принцев крови и огромной свиты. Вот как описывал это событие народный поэт Франции Пьер-Жан Беранже:

«Въезд Людовика XVIII, на который мне вздумалось посмотреть, являл странную пестроту. Неужели массаи мог овладеть энтузиазм, когда они не знали даже, что это за личности, которых доставили сюда? Верно то, что из пятидесяти зрителей едва ли один ясно разбирался, в какой степени родства состоят эти принцы с Людовиком XVI. Король, которого, по заблуждению или со слов насмешников, многие ожидали увидеть в каком-то забавном одеянии, смотрел на толпу, хотя и больной, но приветливо и с достоинством, что большинству понравилось. В подобных церемониях старики вообще выигрывают.

Люди, подобно мне замешавшиеся в толпе, лишь кое-как могли рассмотреть второстепенные лица. Но из всего этого кортежа, который тем, кто привык видеть великолепие наполеоновских праздников, казался таким старомодным и жалким, всеобщее уважение было проявлено только к нескольким отрядам императорской гвардии, — их удалось заставить следовать за каретами нового, или, лучше сказать, старого двора. При виде этих мужественных лиц, покрытых шрамами, загоревших под солнцем многих стран, а теперь таких угрюмых, печальных и, кажется, смущенных белыми кокардами, которые им навязали, раздался со всех сторон крик: “Да здравствует императорская гвардия!” И даже те, кто кричал “Да здравствует король!”, присоединили свои голоса к этому крику сторонников Империи, что составило самый странный контраст и, кажется, неприятно поразило слух принцев. Услышав этот полный гордости привет, старые храбрецы смелее подняли голову и отвечали возгласом: “Да здравствует Национальная гвардия!” Оба приветствия смешивались друг с другом и возобновлялись снова и снова во все время шествия, вопреки дисциплине, запрещающей говорить под оружием. С этой минуты можно было предсказывать возвращение с Эльбы».

Месяц спустя, 4 июня 1814 года, Людовик XVIII подписал Конституционную хартию, определявшую основы государственного устройства Франции, в которой восстанавливалась монархия Бурбонов. Наследником бездетного Людовика XVIII официально объявлялся его брат граф д'Артуа с нисходящим потомством. При этом в Хартии закреплялись многие завоевания революции — отмена сословных привилегий аристократии, всеобщее налогообложение, свобода личности, неприкосновенность распроданных в годы революции церковных и эми-

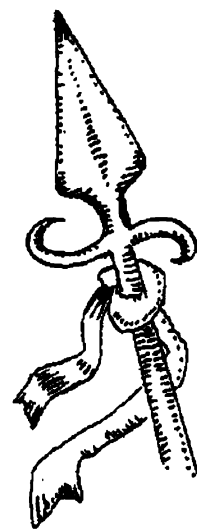
грантских земель, перешедших в руки буржуазии и зажиточного крестьянства, и т. д.

Итак, в стране утвердился (как вскоре выяснится — непрочно) режим Реставрации. Сочтя, что они сделали все возможное для умиротворения Франции, союзники вывели оттуда свои войска.

Бегство Наполеона с острова Эльба и его высадка 1 марта 1815 года на территории Франции вызвали настоящий переполох при дворе Людовика XVIII, который выступил с заявлением о верности подписанной им Хартии. Одновременно он направил против отряда бывшего императора войска под командованием маршала Нея. После того как Ней присоединился к Наполеону и вместе с ним двинулся на Париж, король в ночь с 19 на 20 марта спешно бежал из столицы и укрылся в давно знакомой ему Бельгии, где и провел все «Сто дней», которые Наполеон процарствовал в Париже.

Из своего второго изгнания Людовик XVIII вернулся после Ватерлоо (18 июня 1815 года) и окончательного отречения Наполеона, отправленного вскоре на остров Св. Елены. 6 июля столица Франции была оккупирована войсками 7-й антифранцузской коалиции. Вслед за этим в Париж в сопровождении герцога Веллингтона прибыл и Людовик XVIII, поспешивший заверить французов в намерении соблюдать Хартию. Он объявил об амнистии, под которую, правда, не попали «изменники и виновники вторичного воцарения Наполеона». Начался период так называемой второй Реставрации, оказавшейся куда более жесткой, чем первая.

Перед Людовиком XVIII встала трудноразрешимая задача: как примирить исповедуемые им идеалы Старого порядка с революционным и наполеоновским наследием, создававшимся на глазах последнего поколения французов? «Сто дней» показали, что французы не забыли своего недавнего прошлого и не соглашались с реставрацией Старого порядка в его дореволюционной форме. С другой стороны, роялисты жаждали реванша и не желали допустить повторения тех послаблений и уступок, на которые король вынужденно пошел в июне 1814 года. Мягкий и нерешительный Людовик XVIII испытывал мучительные колебания, но в конечном счете сделал выбор в пользу подавления очагов сопротивления режиму Реставрации.

24 июля 1815 года с молчаливого согласия союзников, встревоженных феноменом «Ста дней», и под жестким давлением ультрароялистов Людовик XVIII подписывает ордонанс о передаче суду сторонников Наполеона, что стало отправной точкой развязывания Белого террора.

Под Белым террором принято понимать насильственные действия контрреволюционного характера, аналогичные по своим целям революционному (красному) террору: устрашение, подавление политических противников. Появление понятия «Белый террор» связано с событиями 1795–1797 годов во Франции, когда после падения якобинской диктатуры 9 термидора II года Республики (27 июля 1794) началась расправа с якобинцами и с теми, кто их поддерживал. Активное участие в этом принимали роялисты, оставшиеся верными белому знамени Бурбонов (отсюда и название террора — Белый).

Вторая страница Белого террора во Франции связана с эпохой Реставрации. 20 декабря 1815 года Палата депутатов приняла закон о превопальных (чрезвычайных) судах по политическим преступлениям, а 12 января 1816 года был принят закон об изгнании из Франции бывших членов Конвента, голосовавших за казнь Людовика XVI. Радикальной чистке подверглись государственный аппарат, армия и полиция. За короткий срок в стране было вынесено 10 тысяч обвинительных приговоров по политическим делам. К смертной казни был приговорен ряд военачальников во главе с маршалом Неем, перешедших на сторону Наполеона. Судебному преследованию подверглись 56 генералов и старших офицеров. Из армии были уволены прославленные маршалы — Даву, Массена и Султ. Расправа зачастую чинилась без суда и следствия. Ее жертвами стали многие сотни человек, среди которых маршал Брюн и генерал Рамель. Покончил жизнь самоубийством маршал Бертье.

Ультрароялисты, игравшие определяющую роль в проведении Белого террора, вознамерились воспользоваться им для полной реставрации дореволюционных порядков, что противоречило провозглашенной Людовиком XVIII политике национального примирения. Бесконтрольные действия карателей, вызывавшие растущее возмущение в обществе, в конечном счете побудили короля публично осудить «эксцессы» и положить им конец. Прекращению террора, общее число жертв которого составило около 70 тысяч человек, способствовал роспуск

5 октября 1816 года так называемой Бесподобной палаты, где ультрароялисты располагали 350 местами (из 400).

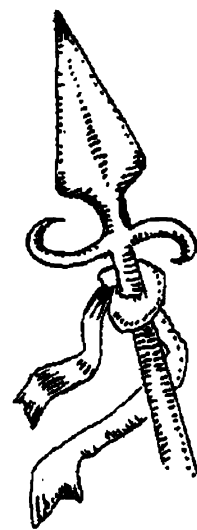
5 февраля 1817 года был издан одобренный королем новый избирательный закон, содержащий уступки буржуазии. Более либеральный курс связывали с кабинетом Армана Эмманюэля дю Плесси герцога де Ришелье, в недавнем прошлом одесского генерал-губернатора и друга Александра I. Заручившись содействием русского императора, Ришелье в сентябре 1818 года добился досрочного прекращения иностранной оккупации территории Франции (после поражения Наполеона при Ватерлоо 61 департамент из 86 был оккупирован союзниками).

Роялисты сочли выведение иностранных войск «преждевременным», опасаясь ослабления режима Реставрации. Они усилили нападки на Ришелье, вынудив Людовика XVIII, не без содействия его фаворитки, мадам дю Кайла, в декабре 1818 года отправить главу кабинета в отставку. Правда, королю, вопреки ожесточенному сопротивлению графа д'Артуа, все же удалось поставить во главе правительства умеренного роялиста Эли Деказа, бывшего когда-то одним из секретарей короля Голландии Луи Бонапарта, а впоследствии приглянувшегося Людовику XVIII, который удостоит его герцогского титула и звания пэра.

На состоявшихся в октябре 1818 года выборах, проходивших по новому избирательному закону, в палату были избраны 23 представителя либеральной оппозиции во главе с генералом Лафайетом. Голос оппозиции, распространяемый газетой «Конститюсьонель», стал слышен по всей стране.

Короткий период либерализации завершился с убийством 13 февраля 1820 года парижским ремесленником Лувелем младшего сына графа д'Артуа герцога Беррийского. Это происшествие послужило сигналом для нового, ожесточенного наступления ультрароялистов. Им удалось добиться принятия закона об ограничении свободы личности, расширения и без того больших прав цензуры. Кроме того, они настояли на изменении избирательного закона в пользу крупных землевладельцев за счет интересов средней буржуазии. 20 февраля 1820 года «умеренный» кабинет Деказа был отправлен в отставку.

Торжество реакции, ограничившей до предела возможности легальной оппозиции вести политическую борьбу, породило подпольное движение карбонариев, развернувших подготовку

новой революции. Первое общество карбонариев появилось во Франции в 1821 году. В скором времени общая численность карбонариев достигла 50 тысяч готовых на все революционеров.

1 января 1822 года вспыхнуло восстание в крепости Бельфор, задуманное как сигнал к общенациональному выступлению. Его удалось подавить в самом начале, но вслед за Бельфором были раскрыты антиправительственные заговоры в Марселе, Тулоне и Ларошели, причем в них принимали участие военные, включая двух генералов, которые были казнены.

Открытый бой правительству либеральная оппозиция дала в марте 1823 года в связи с военной интервенцией Франции против революционной Испании, где были свергнуты родственные Людовику XVIII испанские Бурбоны. Оппозиция решительно осудила вмешательство Франции в испанские дела и обнародовала факты кровавого террора, чинимого в Испании. Один из депутатов оппозиции, Манюэль, выступивший с обвинениями по адресу правительства, был выведен из зала заседаний палаты за «оскорбительное» поведение и позднее лишен депутатского мандата.

Помимо прочего, оппозиция обличала правительство в пресмыкательстве перед легитимистскими державами, объединившимися в Священный союз, который превратился в подлинного «жандарма Европы».

Действительно, внешняя политика Людовика XVIII целиком и полностью ориентировалась на Священный союз, в котором в сентябре 1815 года объединились Австрия, Пруссия и Россия, поставившие своей целью обеспечить незыблемость решений Венского конгресса 1814–1815 годов, завершившего эпоху наполеоновских войн. Франция примкнула к Священному союзу в том же 1815 году, взяв на себя обязательства не только выполнять навязанные ей после поражения Наполеона условия Парижских мирных договоров, но и принимать участие в борьбе с революционным движением в Европе. Направив войска в Испанию, Людовик XVIII действовал в полном согласии с участниками Священного союза, точно так же как австрийский император с ведома союзников двумя годами ранее подавил революции в Неаполе и Пьемонте. Таким образом, охваченная революцией Испания была признана зоной «легитимной ответственности» короля Франции.

Между тем внеочередные выборы в палату депутатов Франции, состоявшиеся в феврале 1824 года, закрепили преобладающее влияние ультрароялистов. Либералы получили в новой палате всего 19 мест (из 430). Роялисты торжествовали. А их вождь, 67-летний граф д'Артуа, в это время мысленно уже примерял на себя корону.

В начале 1824 года здоровье Людовика XVIII резко ухудшилось. Все обратили внимание на то, что король — тучный, обрюзгший, страдающий одышкой старик, — открывая первую сессию вновь избранной палаты, зачитывал свою речь тихим приглушенным голосом, невнятно бормоча себе под нос и тяжело дыша; во время чтения он неоднократно ронял голову на грудь.

Прогрессирующий атеросклероз усугублялся у него стремительным развитием сахарного диабета, вступившего в завершающую стадию. У короля распухли ноги, изуродованные вздувшимися венами; он испытывал невыносимые страдания. Прописанные ему придворным доктором Порталем капли не давали никакого облегчения. Королем овладели мысли о скорой смерти, и он потребовал от доктора откровенного и прямого отчета о состоянии своего здоровья.

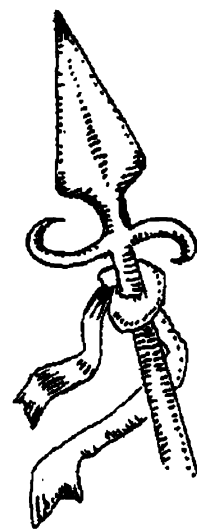
— Не держите меня за идиота, Порталь, — сказал король. — Я хорошо знаю, что не проживу долго, и понимаю, что обречен на страдания, быть может, большие, чем сейчас. Единственное, что я хотел бы знать, — пройдет ли последний кризис быстро или он грозит мне многодневной агонией?

— Сир, по всей видимости, болезнь Вашего Величества будет развиваться медленно и постепенно; это может продолжаться еще долгие годы.

— Я у вас не об этом спрашиваю, — раздраженно возразил король и, передразнивая врача, повторил с издевкой: «Медленно и постепенно!» Следовательно, я не могу надеяться на то, что однажды меня найдут мертвым в моем кресле?

— Я не вижу к тому никаких оснований...

В августе 1824 года король, как обычно в это время года, отправился в свою летнюю резиденцию Сен-Клу. Вскоре по приезде обслуживающий Людовика XVIII дворянин обнаружил его лежащим ниц на столе в состоянии полной прострации. Лицо у короля было фиолетового цвета. Срочно вызванный в кабинет граф д'Артуа, случайно оказавшийся в тот день в Сен-Клу, рас-

порядился дать королю рвотное — средство, к которому, как все знали, Людовик XVIII питал непреодолимое отвращение, отказываясь принимать его даже в случае крайней необходимости.

Но тут король неожиданно пришел в себя и отчитал младшего брата: «Вы возомнили себя королем, но явно поторопились; ну, ничего, не вышло сегодня — выйдет завтра», — с необъяснимым в его состоянии злорадством добавил он. Людовик распорядился отвезти его обратно в Тюильри, где он намеревался возглавить ежегодные торжества по случаю Дня святого Людовика.

На торжественном приеме, состоявшемся 25 августа, он привлек всеобщее внимание своей немощью и сильно изменившимся выражением лица, не оставлявшими никаких сомнений: состояние его здоровья находится в критической стадии.

Герцогиня Ангулемская, дочь Людовика XVI, деликатно и вместе с тем настоятельно посоветовала дяде принять духовника и исповедоваться. «Успокойтесь, племянница, пока еще не время», — ответил ей король.

8 сентября он нашел в себе силы, чтобы провести заседание Совета министров, а 10 сентября на пальцах ног у него появились первые очевидные признаки гангрены. На следующее утро камердинер обнаружил короля в бесчувственном состоянии. Он немедленно призвал доктора.

«Снимите с него сорочку», — распорядился подоспевший доктор Порталь.

Внезапно раздался глухой голос, казалось бы, пребывавшего в беспомощности короля: «Господин доктор Порталь, мое имя — Людовик XVIII, и вы должны были сказать: “Снимите сорочку с Его Величества”».

12 сентября король окончательно слег. Было отдано распоряжение — отслужить во всех храмах молебны о его исцелении. А королевская семья в полном составе собралась в Тюильри в ожидании приближавшейся развязки.

13 сентября Людовик XVIII исповедовался и приобщился Святых Тайн, после чего благословил собравшихся у его изголовья членов семьи — Месье, герцога и герцогиню Ангулемских, вдовствующую герцогиню Беррийскую и ее малолетнего сына. «Прощайте, дети мои. Да пребудет Господь с вами всеми», — едва слышно прошептал он и тут же потерял сознание. Начавшаяся агония затянулась на пятьдесят с лишним часов.

В четыре часа утра 16 сентября 1824 года Людовик XVIII издал свой последний вздох. Спустя минуту-другую распахнулись двустворчатые двери королевской спальни, и привратник зычным голосом произнес: «Король умер! Да здравствует король!» Все обратили взоры на того, кого еще мгновение назад именовали Месье и кто отныне был их новым государем. А новый король, склонившийся у изголовья бездыханного тела Людовика XVIII, разразился рыданиями.

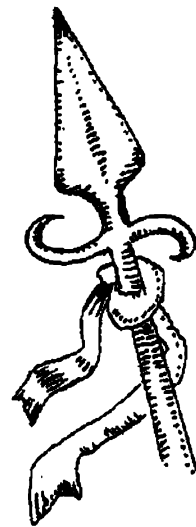
Людовик XVIII стал последним французским монархом, погребенным в королевской усыпальнице базилики Сен-Дени.

Карл X

2 мая 1830 года Карл X, Божьей милостью король Франции и Наварры, произносил тронную речь перед Палатой депутатов. Король явно был не в духе, он метал громы и молнии по адресу оппозиции, которая пыталась противодействовать политике его правительства. В какой-то момент в полемическом задоре король резко откинулся назад, шляпа упала с его головы и покатилась в сторону стоявшего на почтительном отдалении герцога Орлеанского, который подхватил ее у самых своих ног и продержал в руках до окончания тронной речи. Этот незначительный инцидент на следующий день живо обсуждался в высшем свете, кое-кто усмотрел в нем недоброе предзнаменование для Карла X.

Ровно три месяца спустя, 2 августа 1830 года, Карл X вынужден будет подписать акт отречения от престола, на котором он пробыл менее шести лет. Наместником королевства (*lieutenant général du royaume*) он назначит Луи-Филиппа, герцога Орлеанского...

9 октября 1757 года в семействе короля Людовика XV произошло радостное событие — родился четвертый внук, которого назвали Шарлем Филиппом. Новорожденный получил титул графа д'Артуа, который ему предстояло носить почти всю жизнь. До его появления на свет дофина Мария-Жозефа уже подарила своему супругу Луи-Фердинанду троих сыновей. Шарль Филипп, изначально не имевший никаких шансов унаследовать престол, стал их последним ребенком.

Родители — оба ревностные католики — всеми силами старались дать сыновьям строгое воспитание с упором на прочное усвоение христианских добродетелей. Дофин и дофина считались отшельниками, поскольку сторонились разгульной жизни двора Людовика XV. Здесь еще при живой королеве (Мария Лешинская умерла в 1768 году) тон задавали фаворитки, вертевшие королем по своему усмотрению. Наибольшим влиянием из них пользовалась маркиза Помпадур, а затем сменившая ее графиня дю Барри. Все это претило дофину, стыдившемуся распутства своего отца и ненавидевшему его фавориток. Луи-Фердинанд и его супруга хотели уберечь сыновей от влияния окружавшей их безнравственной среды. Особое внимание они уделяли двум старшим сыновьям — герцогу Бургундскому и герцогу Беррийскому, одному из которых надлежало в будущем занять престол. В 1761 году старший сын умер, и все внимание родителей сосредоточилось на Луи-Огюсте, герцоге Беррийском (будущем Людовике XVI). Младшие — граф Прованский и особенно граф д'Артуа — пользовались несколько большей свободой.

В 1765 году умирает дофин Луи-Фердинанд, а два года спустя из жизни уходит Мария-Жозефа. Их дети полностью переходят в попечительство деда, продолжавшего и в почтенном возрасте вести фривольную жизнь.

Семена нравственности, посеянные благочестивыми родителями, нашли благодатную почву лишь в душе старшего из сыновей, герцога Беррийского, который получил устойчивый иммунитет от распущенности, царившей при дворе Людовика XV. Когда в 1774 году Луи-Огюст взошел на престол, он мягко, но решительно переменял дворцовые нравы. Определенные следы родительского влияния можно было обнаружить и в юном графе Прованском. Зато десятилетний граф д'Артуа оказался менее восприимчив к родительскому воспитанию; он подпал под влияние деда, который в скором времени обрел в нем единомышленника. Повзрослев, граф д'Артуа стал образцом великосветского кавалера и бонвивана.

Очень рано у него проявился вздорный, нетерпимый характер, сочетавшийся с прямоотой и личной честностью. В отличие от старших братьев граф д'Артуа не умел прощать и никогда не забывал даже самых пустяковых обид. Юный принц пренебрегал учебой, предпочитая ей всевозможные развлечения, и не выработал в себе привычки к систематической работе. Все, чем

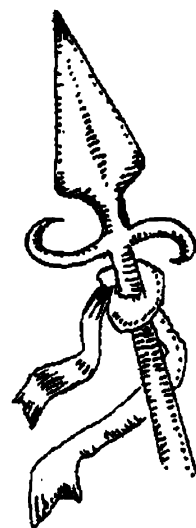
он с удовольствием занимался в Военной академии в Версале, где среди прочих своих ровесников познакомился с маркизом де Лафайетом, — это верховая езда и фехтование.

Пути его с Лафайетом очень скоро разойдутся. Серьезный, вдумчивый Лафайет увлекался чтением, размышляя над Вольтером и Руссо и восхищаясь остроумными памфлетами Бомарше. Все это несколько не занимало графа д'Артуа, чей политический кругозор был достаточно ограниченным. Будучи равнодушен к литературе философско-политического характера, он в то же время живо интересовался изобразительным и музыкальным искусством, проявлял интерес к древностям, особенно к археологическим находкам.

Едва войдя в юношеский возраст, Шарль Филипп, по примеру деда, увлекся женщинами легкого поведения. Вокруг него сформировался кружок золотой версальской молодежи, проводившей время в обществе дам полусвета за пиршествами и шумными развлечениями.

Граф д'Артуа не изменил своим привычкам и после того, как Людовик XV в ноябре 1773 года женил его на Марии-Терезии Савойской, дочери короля Пьемонта. Брак, как обычно в те времена, был заключен из государственных соображений, и потому не предполагал учета взаимных чувств жениха и невесты. Но в отличие от старшего брата, графа Прованского, с самого начала чуждавшегося выбранной ему супруги, граф д'Артуа демонстрировал полное удовлетворение подобранной ему партией. Через полтора года после женитьбы Мария-Терезия принесла мужу первенца Луи-Антуана, которому дядя Людовик XVI дал титул герцога Ангулемского. Его появление на свет, надо сказать, глубоко травмировало другого дядю — графа Прованского, который за четыре года семейной жизни с Марией-Жозефиной так и не обзавелся потомством.

При дворе шептались, что известие о рождении герцога Ангулемского вызвало поток слез у королевы Марии-Антуанетты, уже шестой год пребывавшей в странном для замужней женщины положении девственницы. В 1778 году у графа д'Артуа родился второй сын Шарль Фердинанд, герцог Беррийский. Так или иначе, но вплоть до появления у Людовика XVI в октябре 1781 года долгожданного наследника два сына графа д'Артуа оставались единственными продолжателями династии. Внешняя семейная идиллия, увенчанная двойным отцовством, не

мешала графу д'Артуа вести «рассеянный» образ жизни. Постепенно он отдалился от супруги.

До 1776 года у графа д'Артуа не замечали интереса к политике. Все изменилось с приездом в Париж в начале зимы 1776 года представителей Континентального конгресса Северо-Американских Штатов — Бенджамина Франклина, Сайласа Дина и Артура Ли — с миссией склонить Францию к поддержке тринадцати британских колоний, начавших войну за независимость от Англии. Американские эмиссары привезли с собой и распространили в Париже знаменитую Декларацию независимости, принятую Конгрессом 4 июля 1776 года. Провозглашенные в ней республиканские принципы нашли множество горячих приверженцев среди версальской молодежи.

Граф д'Артуа посчитал нужным ознакомиться с этим документом, о котором столько говорили в высшем свете, а затем прочитать, наконец, и «Общественный договор» Жан-Жака Руссо, успевший стать своеобразным евангелием не только для буржуа, но и для части версальской аристократии, воспринявшей новейшую моду на либерализм и даже республиканизм. Знакомство с сочинением Руссо и Декларацией независимости вызвало у графа д'Артуа глубокое неприятие. Воспитанный на принципах абсолютизма эпохи Людовика Великого, он чувствовал себя оскорбленным, когда видел, что какие-то выскочки из третьего сословия, люди третьего сорта, осмеливаются бросать вызов монархическому миропорядку, завещанному, как он искренне полагал, самим Господом Богом. С этого времени граф д'Артуа сделался убежденным и непримиримым противником либералов и всех, кто пытался, так или иначе, расшатать основы Старого порядка.

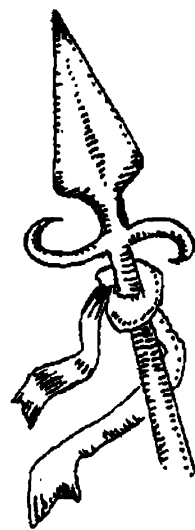
На рубеже 1776 и 1777 годов под непосредственным влиянием Американской революции золотая молодежь Версаля разделилась на две партии — либеральную, где собрались друзья и единомышленники маркиза Лафайета, графа Сегюра и герцога Ларошфуко, и приверженцев абсолютизма (роялистов), вождем которых стал граф д'Артуа. Дефицит необходимых для политического лидера познаний он пытался восполнить повторением истин о Божественной природе монархической власти, которые представлялись ему вечными и не подлежали никаким переменам. Причем делал он это со всем присущим ему апломбом и самоуверенностью.

Неприятие либеральных и тем паче республиканских принципов не помешало графу д'Артуа принять участие в военных действиях против Англии на стороне «бостонских инсургентов», как называли тогда североамериканских повстанцев. Дело в том, что в феврале 1778 года Людовик XVI заключил союз с Соединенными Штатами против «извечного врага» — Англии, надеясь взять реванш за унижение Парижского мира 1763 года, по которому Франция лишилась большинства своих колоний. Война продлилась до 1783 года. На ее завершающей стадии граф д'Артуа принял участие в безуспешной осаде Гибралтара соединенными франко-испанскими силами. По многим свидетельствам, он хорошо проявил себя на поле брани, неоднократно доказав свою храбрость в боях с англичанами.

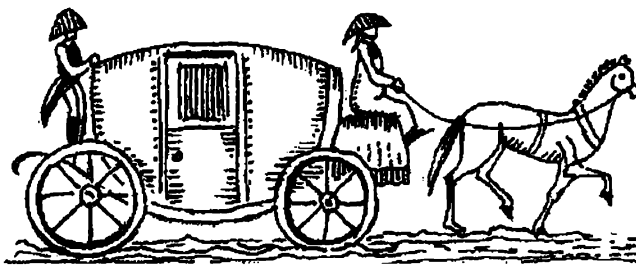
Военные расходы и щедрая помощь американским повстанцам, которая никогда не будет возмещена «благодарным» Конгрессом, до предела истощили государственную казну Франции, что, наряду с другими причинами, вызвало в стране глубокий экономический кризис. Франция оказалась на грани финансовой катастрофы. К началу 1787 года государственный долг превысил 3 млрд ливров. Король вынужден был созвать ассамблею нотаблей из назначенных им представителей всех трех сословий, чтобы сообща найти выход из создавшегося положения.

Одну из семи комиссий ассамблеи, открывшейся 22 февраля 1787 года в Версале, по поручению короля возглавил граф д'Артуа. С самого начала он занял непримиримую позицию, противясь всяким нововведениям в государственном управлении и финансах. Прозаседав без малого три месяца, ассамблея нотаблей 25 мая того же года безрезультатно завершила свою работу. Выход из финансового тупика правительство решило искать в ужесточении налогообложения, что вызвало взрыв возмущения в обществе.

На повестку дня встал вопрос о созыве Генеральных штатов — собрания избираемых депутатов от духовенства, дворянства и третьего сословия — для обсуждения важнейших вопросов, затрагивающих общенациональные интересы. Это само по себе свидетельствовало о чрезвычайной важности момента — ведь Генеральные штаты не созывались с 1614 года.

4 мая 1789 года 1200 депутатов начали свою работу, сначала совместно, а потом — разделившись на три сословные палаты. 17 июня Палата третьего сословия, будучи не в силах найти

согласие с духовенством и дворянством, объявила себя Национальным собранием, что стало прелюдией к революционному взрыву, который произойдет менее чем через месяц.

В ходе работы Генеральных штатов граф д'Артуа выступал в качестве непоколебимого защитника устоев, сплотив вокруг себя непримиримых роялистов. Ему удалось убедить Людовика XVI отправить 11 июля в отставку министерство популярного в либеральных кругах Жака Неккера, которому было приказано покинуть пределы Франции.

Граф д'Артуа и его друзья спешно начали готовить государственный переворот, направленный против Национального собрания. Согласно распространившимся слухам, переворот был намечен на 15 июля, но утром 14 июля вспыхнуло народное восстание, завершившееся в тот же день взятием Бастилии, которая через два дня, 16 июля, будет разрушена как символ «королевского деспотизма». В тот же день граф д'Артуа, опасаясь расправы, в сопровождении своей семьи и ближайших соратников, принцев Конти и Конде, тайно бежал из Франции. По всей видимости, они были самыми первыми эмигрантами-роялистами эпохи Французской революции.

Оказавшись за границей, граф д'Артуа развернул бурную деятельность по организации иностранного вооруженного вмешательства во французские дела. Он установил контакты с потсдамским и венским дворами и искал подходы к Екатерине II, надеясь подтолкнуть легитимных монархов Европы к спасению Бурбонов, оказавшихся заложниками революции. С началом массовой эмиграции из Франции граф приступил к формированию вооруженных отрядов роялистов, из которых позднее был создан эмигрантский корпус Конде. Его усилиями западногерманский город Кобленц был превращен в «столицу» роялистской эмиграции. С приездом в июле 1791 года в Кобленц бежавшего из Парижа графа Прованского граф д'Артуа, хорошо зная его медлительность и нерешительность, убедил старшего брата поручить ему руководство всей политической и военной деятельностью эмиграции.

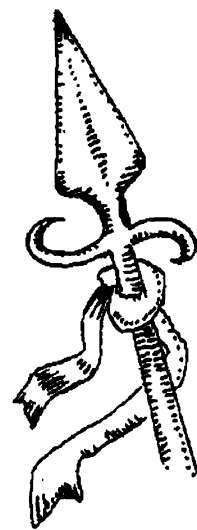
В августе 1791 года граф д'Артуа, преодолев сопротивление брата, принимает деятельное участие в Пильницком конгрессе, завершившемся принятием австро-прусской декларации с требованием восстановить Людовика XVI в его суверенных правах.

Когда после утверждения в сентябре 1791 года конституции Людовик XVI под давлением Законодательного собрания потребовал от младшего брата вернуться во Францию, граф д'Артуа ответил категорическим отказом, что повлекло за собой конфискацию революционными властями всего принадлежащего ему имущества. С началом войны Австрии и Пруссии против Франции граф д'Артуа принял участие в военных операциях во главе крупного отряда роялистов, а когда война закончилась неудачно, взялся за сколачивание нового союза, для чего весной 1793 года отправился в Санкт-Петербург. Екатерина II обласкала его и обнадежила обещанием направить к берегам Бретани 15-тысячный корпус, а на прощание одарила гостя золоченой шпагой. Однако никаких последствий данное императрицей обещание не имело. Екатерина была поглощена польскими делами и не намеревалась ввязываться в дела французские.

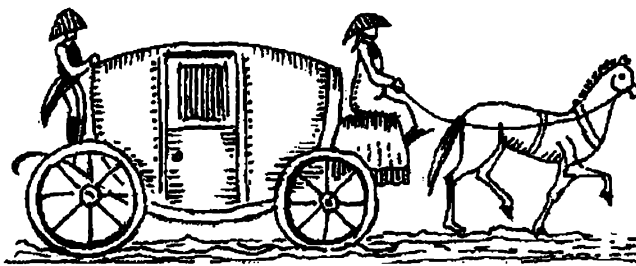

Когда в 1793 году возобновилась война против Франции, граф д'Артуа вновь оказался в действующей армии. В июле 1795 года он возглавил морскую экспедицию к мысу Киберон с целью поддержать вспыхнувшее там восстание роялистов, но попытка высадить десант успехом не увенчалась.

Постепенно граф д'Артуа превратился — по крайней мере, в глазах роялистов — в весьма важную персону. Когда после казни Людовика XVI и смерти его десятилетнего сына граф Прованский провозгласил себя королем Людовиком XVIII, граф д'Артуа автоматически стал дофином с именованием Месье. В 1799 году он упрочил свое влияние в роялистском лагере, устроив брак сына, герцога Ангулемского, с 20-летней Марией-Терезией Шарлоттой Французской, старшей дочерью Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Правда, к глубокому сожалению графа, этот внутрдинастический брак оказался бездетным.

Провал многократных заговоров роялистов и нескольких антифранцузских коалиций побудил Месье, по существу, отстраниться от дел и выехать в Англию, где он предпочитал проводить время в обществе своей давней возлюбленной, французской эмигрантки графини Луизы де Поластрон. Последнее, к чему он имел прямое касательство, было заочное участие в подготовке роялистского заговора Жоржа Кадудая, потерпевшего неудачу в 1803 году. С этого времени политическая роль графа д'Артуа практически неощутима. Для него наступает период десятилетнего безмолвия и безвестности. В 1805 году умирает

супруга графа д'Артуа, давно оставленная им Мария-Терезия. Ее смерть оставляет его равнодушным. Куда больше эмоций вызвала у Месье смерть годом ранее 39-летней графини де Поластрон, заклинавшей его перед своей кончиной образумиться и вернуться к христианским заповедям. Удивительно, но граф д'Артуа исполнит предсмертную волю любовницы. С этого времени он окружил себя иезуитами и старался вести жизнь праведника.

Разгром Наполеона и его последующее отречение от престола 6 апреля 1814 года возвратили графа, как и его брата «короля эмигрантов» Людовика XVIII, к активной политической жизни. Для выяснения обстановки и ведения переговоров с только что сформированным во Франции правительством Талейрана король, пребывавший в Хартвелле, направил графа д'Артуа в Париж, наделив его званием наместника королевства. Месье, помимо прочего, должен был создать необходимые условия для триумфального возвращения Людовика XVIII в Париж.

По прибытии в оккупированную войсками союзников столицу, граф пригласил в Тюильри высших сановников свергнутого режима и представителей городских властей. Он проинформировал их о намерении короля восстановить закон и порядок по всей территории Франции, не уточняя, на каких основах будет покоиться режим Реставрации. В заключение своего выступления Месье признался: «Для меня это единственный счастливый день за последние тридцать лет. Какой прекрасный день! Передайте, что я счастлив и доволен всем». Наместник королевства совершенно искренне полагал, что парижане, как и все французы, разделяют его радостные чувства.

В последующие дни он вел изнурительные переговоры с сенаторами и Талейраном, настаивая на возвращении к Старому порядку. Но все же Бурбонам пришлось принять ненавистную им Конституционную хартию, как и согласиться с навязанными победителями условиями Парижского мира, поставившего точку в истории наполеоновских войн. От имени короля Франции мирный договор 30 мая 1814 года был подписан графом д'Артуа.

Влияние союзников, безусловно, стесняло Бурбонов и не позволяло им выходить за рамки Хартии. В этом смысле первая Реставрация была достаточно либеральной. Положение изменилось после «Ста дней». Вторая Реставрация началась с Белого террора, общее руководство которым осуществлял именно граф

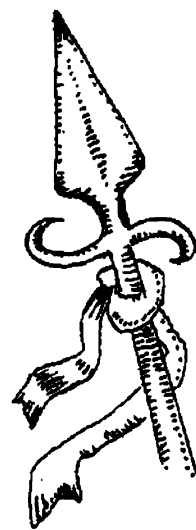
д'Артуа, признанный вождь ультрароялистов. На этой почве между королем и его младшим братом росли разногласия. Граф д'Артуа обвинял Людовика в слабости и недопустимой снисходительности к «врагам престола», напоминая, что подобное попустительство уже стоило жизни их старшему брату, королеве и их малолетнему сыну. Король, со своей стороны, считал нетерпимость Месье и произвол, чинимый в провинции ультрароялистами, опасными для престола.

Когда Людовик XVIII в октябре 1816 года решился распустить «Бесподобную палату», его отношения с графом д'Артуа окончательно испортились. Месье демонстративно отдалился от двора и организовал в своей парижской резиденции нечто вроде оппозиционного штаба ультрароялистов, недовольных политикой короля. И лишь гибель 13 февраля 1820 года герцога Беррийского, младшего сына графа д'Артуа, примирила братьев. Король не на шутку испугался и дал себя убедить в том, что с оппозицией необходимо говорить на языке силы. Граф д'Артуа возвратил себе утраченное влияние, ставшее отныне заметным при назначениях министров и в принятии важных политических решений. С конца 1821 года кабинет министров возглавил граф Жан-Батист де Виллель, креатура Месье.

16 сентября 1824 года умер Людовик XVIII. Граф д'Артуа наследовал корону под именем короля Карла X. 29 мая 1825 года в Реймском соборе прошла торжественная церемония коронации 67-летнего монарха.

Первые шаги нового короля, известного своей приверженностью Старому порядку, всех удивили. В своей тронной речи перед депутатами и пэрами Карл X заявил о намерении уважать Конституционную хартию, подписанную его покойным братом. Дальнейшие действия как будто подтвердили благие намерения короля. Он отменил цензуру, чем сразу приобрел симпатии прессы, приблизил к себе одного из вождей либеральной партии герцога Орлеанского, даровав ему титул Королевского Высочества, ввел в состав Королевского совета своего сына, герцога Ангулемского, известного симпатиями к идеям конституционализма. Все это обнадеживало общество.

Когда 27 сентября 1824 года Карл X уже в новом качестве торжественно въехал в столицу, он был встречен неподдельными проявлениями радости. Однако последующее развитие событий

показало, что первоначальное заигрывание с либералами преследовало одну-единственную цель — спокойное наследование власти, и не более того.

Отрезвление началось с возобновлением после летнего перерыва работы парламента, куда по прямому указанию короля правительство Виллеля внесло законопроект о материальном возмещении убытков эмигрантам, потерявшим в годы революции недвижимое имущество. Общая сумма предложенной компенсации была оценена в 987 миллионов франков, которые предложили взыскать путем чрезвычайного налога. Этот законопроект, с восторгом поддержанный депутатами-ультрароялистами, составлявшими в Палате абсолютное большинство, без труда был проведен через Палату и утвержден королем. Почти миллиард франков, собранных с буржуазии и крестьянства, был распределен среди 25 тысяч дворян, бывших эмигрантов. Налогоплательщики, таким образом, вмиг избавились от всяких иллюзий.

Между тем Карл X начал наступление на свободы, гарантированные Хартией. В апреле 1825 года был принят «закон о святотатстве», предусматривавший суровые кары (вплоть до смертной казни) за кражу или осквернение предметов религиозного культа. Усилилось влияние клерикалов, и особенно иезуитов, прежде всего в системе народного образования. Закрылась прославленная *École normale* (Эколь Нормаль) — главное высшее педагогическое учебное заведение Франции. 30 апреля 1827 года король распустил Национальную гвардию, считавшуюся в роялистских кругах ненадежной, а 24 июня того же года восстановил им же отмененную тремя годами ранее цензуру. Все чиновники, выразившие недовольство восстановлением цензуры, были уволены с государственной службы. Казалось бы, реакция торжествует, а оппозиция подавлена.

Во всяком случае, именно к такому ошибочному выводу пришел Карл X, который решил закрепить победу изгнанием либеральной оппозиции из Палаты депутатов. В ноябре 1827 года он назначил внеочередные выборы, но результаты их не оправдали его надежд: в новую Палату прошли 190 (вместо прежних 19) депутатов от оппозиции. Король во исполнение положений конституционной Хартии вынужден был дать отставку Виллелю и поручить формирование министерства умеренному роялисту виконту Жану-Батисту де Мартиньяку.

Новый премьер-министр в одинаковой мере, хотя и по разным причинам, не устраивал ни правых, ни левых, ни, что самое главное, самого короля, заявлявшего, что скорее согласится быть дровосеком, нежели царствовать на манер английских королей.

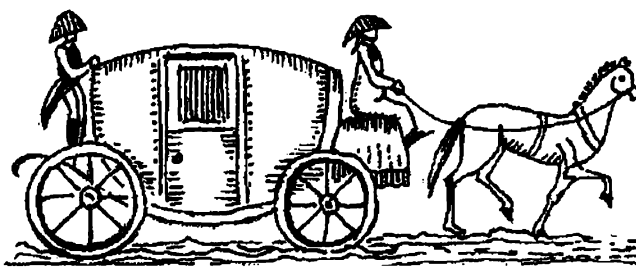
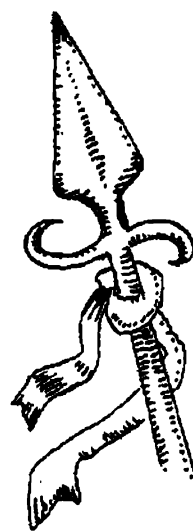
Показательно, что в это же время Карл X (это, вероятно, соответствовало его пониманию роли настоящего монарха) приобрел репутацию покровителя науки, искусства и литературы. При нем значительно возросла государственная поддержка живописцев и скульпторов, архитекторов и музыкантов, писателей и ученых, получавших щедрые правительственные заказы, субсидии и пенсии. Среди их получателей были Виктор Гюго, Альфонс де Ламартин и другие видные представители французской культуры. Совокупный объем средств, выделявшихся на меценатство в период недолгого правления Карла X, историки оценивают в сумме от 1 до 1,5 миллиона франков. По некоторым оценкам, до 30 процентов (!) бюджетных расходов в отдельные годы выделялось на завершение крупных архитектурных проектов, начатых еще при Наполеоне.

Заметное оживление наблюдалось в театральной жизни французской столицы, в работе различных научных, музыкальных и литературных обществ. Карл X, интересовавшийся античностью, поручил известному египтологу Жану-Франсуа Шампольону устроить в Лувре постоянную экспозицию египетских древностей. Именно при Карле X вошло в традицию проведение в Париже Салона — ежегодной художественной выставки, очень скоро получившей европейское признание.

При этом министерство внутренних дел, цензура, да и сам король пытались внимательно контролировать культурный процесс, не допуская проявления в нем оппозиционных настроений и тенденций.

Относительно умеренный Мартиньяк продержался в главе Кабинета министров до конца августа 1829 года, когда Карл X нашел ему «прекрасную», как он считал, замену в лице своего давнего друга и единомышленника князя Полиньяка.

Большую часть жизни Жюль де Полиньяк, в девятилетнем возрасте вывезенный родителями из охваченной революцией Франции, провел в эмиграции. Впоследствии он стал активным участником антибонапартистских заговоров, за что десять лет при Наполеоне отсидел в тюрьме. Он люто ненавидел все, что

было связано с революцией, и его умонастроения были хорошо известны в политических кругах Франции. Выдвигая своего протеже на ответственный пост, Карл X и помыслить не мог, что Полиньяк окажется не спасителем, а могильщиком режима Реставрации.

Назначение Полиньяка пришлось на период экономической депрессии с присутствием ей ростом безработицы и значительным повышением цен. С весны 1829 года в ряде департаментов не прекращались крестьянские волнения. Либеральная оппозиция призывала своих сторонников отказываться от уплаты налогов. Рупором либералов стала основанная в начале 1830 года в Париже Арманом Каррелем, Адольфом Тьером и Франсуа-Огюстом Минье газета «Насьональ». В либеральных кругах росла популярность молодого депутата и уже известного историка Франсуа Гизо.

2 марта 1830 года открылась очередная парламентская сессия, на которой Карл X в тронной речи повторил ставшие уже привычными угрозы по адресу либералов и высказал намерение править без оглядки на оппозицию и общественное мнение. Эти заявления вызвали в обществе взрыв возмущения. 16 марта Палата депутатов направила королю адрес, в котором содержалась резкая критика Кабинета Полиньяка. В ответ Карл X объявил заседания парламента прерванными до 1 сентября, а затем вообще распустил Палату и назначил новые выборы. Его решения были расценены депутатами от оппозиции как незаконные. Депутаты объявили, что если сам король не уважает обязательства перед нацией, определяемые в Хартии 1814 года, то и нация, со своей стороны, может считать себя свободной от верности трону.

Карл X и его протеже Полиньяк остались глухи не только к голосу оппозиции, но и к предостережениям тех, кто был искренним союзником режима Реставрации. Русский император Николай I, известный ревнитель монархических устоев, неоднократно предупреждал Карла X от покушений на Хартию, если он не хочет расшатать собственный трон. На аудиенции, данной послу Франции, герцогу де Мортемару, Николай I предупредил, что «нарушение Хартии приведет к катастрофе. Если же король попытается совершить государственный переворот (то есть отменить или ревизовать Хартию. — П. Ч.), то вся ответственность ляжет на него одного».

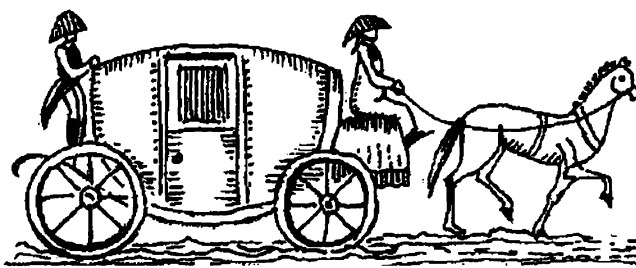
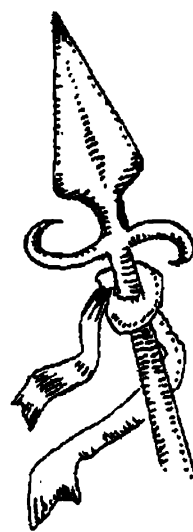
Однако призывы к здравомыслию не были услышаны. Карл X в душе оставался все тем же графом д'Артуа, который накануне 14 июля 1789 года советовал Людовику XVI разогнать Национальное собрание и подавить революционные выступления, не задаваясь вопросом — а возможно ли это?

Теперь, в мае 1830 года, в ответ на робкие советы некоторых министров пойти на компромисс с либеральной оппозицией Карл X, указав пальцем в направлении площади, где был казнен Людовик XVI, надменно заявил: «Я не намерен отступить, как мой несчастный брат. У меня в этом отношении слишком большой опыт».

Пытаясь разрядить накал политических страстей и отвлечь внимание общественности от внутренних проблем, Карл X санкционировал давно запланированную военную экспедицию — захват Алжира. Эта операция мотивировалась тем, что алжирские пираты постоянно грабили торговые суда в районе Западного Средиземноморья, превратив его в свою зону влияния.

25 мая 1830 года из Тулона в направлении алжирского побережья вышла мощная французская армада в составе 108 боевых и 350 транспортных судов, на которых находились 27 тысяч моряков и 37 тысяч десанта. Экспедицию возглавил военный министр маршал де Бурмон. 5 июля, после месячной осады, белое знамя Бурбонов было водружено на бастионах города Алжира.

Между тем в самой Франции напряженность не только не ослабевала, но даже нарастала. Надежды правительства Карла X на колониальные успехи не оправдались. Выборы в Палату, проходившие под грохот орудий французской армии в Алжире, тем не менее завершились убедительной победой оппозиции. Теперь уже в Палате оказалось 274 оппозиционных депутата, в то время как число приверженцев режима сократилось до 143. Правительство охватила паника. Крайне правые требовали распустить только что избранную Палату. Полиньяк, возомнивший себя Жанной д'Арк, всюду рассказывал, что ему явилась Дева Мария и призвала его спасти Францию от внутреннего врага. Роялисты советовали королю использовать для подавления антиправительственных настроений экспедиционный корпус де Бурмона, срочно отозвав его из Алжира. Полиньяк и его единомышленники самонадеянно толкали короля на дальнейшее обострение конфликта с либералами, не просчитывая все воз-

возможные последствия такой тактики. Они даже не позаботились о том, чтобы усилить столичный гарнизон надежными частями. К концу июля 1830 года в Париже находилось всего 14 тысяч солдат, которых можно было считать более или менее лояльными к правительству. Этого оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы подавить вспыхнувшее в городе 27 июля 1830 года стихийное восстание, сразу же переросшее в революцию.

Непосредственным поводом для вооруженного выступления парижан стала публикация 26 июля в правительственной газете «Монитёр» королевских ордонансов, по существу отменявших Хартию 1814 года. Распускалась только что избранная Палата, и вводился новый избирательный закон, по которому право голоса предоставлялось в основном крупным землевладельцам; права Палаты депутатов существенно урезались, а ее численность сокращалась с 428 членов до 258; цензура получала самые широкие полномочия, сделавшие практически невозможным издание оппозиционных газет.

Когда Карл X подписывал эти роковые для него ордонансы, он сказал присутствовавшим при этом министрам: «Теперь, господа, мы связаны не на жизнь, а на смерть». Казалось бы, он понимал ответственность момента. Тем более странным и необъяснимым был его отъезд на следующий день на охоту в Рамбуйе. Король даже не отдал распоряжений усилить столичный гарнизон верными частями. Он лишь назначил маршала Мармона военным губернатором Парижа, но не дал ему никаких инструкций. Таковую же беззаботность проявил и Полиньяк, отправивший министров отдыхать после трудов праведных и сам уединившийся в своем доме.

Утром следующего дня Полиньяк был разбужен звуком разбитого окна. Посмотрев на улицу, он увидел около своего дома толпу возбужденных парижан. Министр поспешил покинуть дом через черный ход.

Признаки начавшихся в столице волнений побудили Мармона отправиться в Сен-Клу, на поиски короля.

«Что нового, Мармон?» — поинтересовался Карл X, только что вернувшийся с охоты.

«В Париже тревожно, сир. На Бирже наблюдается падение акций».

«Они поднимутся вновь», — беззаботно заметил присутствовавший при разговоре дофин, герцог Ангулемский.

Уставший на охоте король отправился спать, не выслушав даже ежевечернего полицейского доклада, который наверняка лишил бы его сна, так как в городе уже пролилась первая кровь.

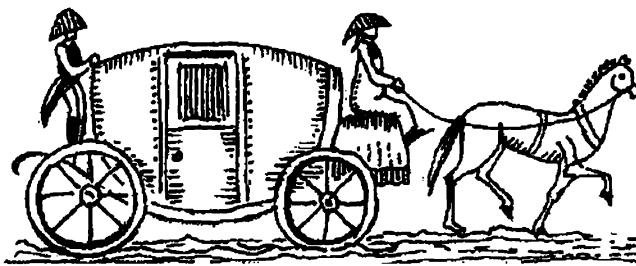
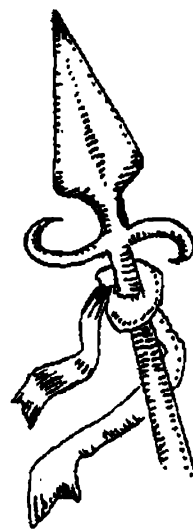
Принятие ордонансов 26 июля было единодушно воспринято в Париже как начало государственного переворота с целью восстановления режима абсолютной монархии. Вечером того же дня депутаты оппозиции и либеральные журналисты собрались в здании редакции газеты «Насьональ» и составили протест против последних мер правительства, оценив их как противозаконные.

Пока либералы ломали головы над формулировками, в Париже разгоралось пламя стихийного восстания. С утра 27 июля между восставшими и правительственными войсками уже велись ожесточенные уличные бои. Достоверно не установлено, кто 27 июля первым бросил клич: «Долой Бурбонов!» Принято считать, что это сделали студенты во главе с Годфруа Кавеньяком.

Этот призыв напугал часть либералов, еще надеявшихся на компромисс с королем. Они готовы были удовлетвориться отменой ордонансов и отставкой Полиньяка. Им возразил ветеран революции 73-летний генерал Жильбер де Лафайет, осознавший серьезность момента и настаивавший на том, чтобы поддержать начавшееся восстание и возглавить его.

Пока парламентская оппозиция пыталась выработать общую программу действий, уличные сражения приобретали все более ожесточенный характер. Часть депутатов, в том числе и Лафайет, 28 июля присоединились к восставшим, объехав возведенные на улицах баррикады. Появление Лафайета в рядах восставших породило слух о воссоздании распущенной Карлом X Национальной гвардии, организатором и первым командующим которой генерал был еще в июле 1789 года. Бывшие национальные гвардейцы стали собираться, формируя роты и батальоны.

Утром 29 июля Лафайет на свой страх и риск взял на себя прежние командные функции. Франсуа Гизо, молодой либеральный депутат, первым поддержал решение Лафайета. «Безопасность Парижа зависит от решимости почтенного генерала», — заявил он и предложил сформировать Муниципальную комиссию для обеспечения обороны и снабжения революцион-

ного Парижа. В комиссию вошли пять депутатов от оппозиции. Лафайет был утвержден в должности главнокомандующего Национальной гвардии.

В этот же день восставшие заняли здание Ратуши, куда переместилась Муниципальная комиссия, взявшая на себя функции управления городом. Новый орган власти превратился и в руководящий центр разворачивавшейся революции.

К середине дня 29 июля маршал Мармон с верными ему войсками удерживал лишь Лувр и Тюильри. Он посылал одного за другим курьеров в Сен-Клу с отчаянными призывами к королю немедленно объявить о возвращении к Хартии, но Карл X упрямо твердил: никаких уступок. Аналогичную позицию занимал и Полиньяк, сбежавший из Парижа в Сен-Клу. Короля и его первого министра не образумил даже переход части правительственных войск на сторону восставших. «Мы пропали, — сказал Мармону возвратившийся из Сен-Клу офицер. — Наш первый министр не понимает даже французского языка. Когда я ему сказал, что войска братаются с народом, он мне ответил: “Ну что ж, надо стрелять также и по войскам”».

Мармон, изолированный во дворе Лувра и Тюильри, не знал, что в других частях Парижа правительственные войска самовольно оставили занимаемые позиции и покинули город. Единственной надежной опорой Мармона оставались швейцарские наемники, набранные в германоязычных кантонах. В отличие от солдат французских линейных войск швейцарцы равнодушно расстреливали повстанцев из дворцовых окон. Но по ошибке приказ Мармона собраться во внутреннем дворе был передан и швейцарцам, которые оставили свои импровизированные амбразуры.

Этим воспользовались восставшие, немедленно начавшие штурм Тюильри. Среди швейцарцев началась паника, охватившая и французских защитников дворца. Мармон был не в силах ее прекратить. Когда над городом опустилась ночь, над королевской резиденцией уже развевалось трехцветное знамя революции. Мармону с небольшим отрядом удалось вырваться из кольца окружения. В ночь с 29 на 30 июля вся власть в городе перешла в руки Муниципальной комиссии и главнокомандующего Национальной гвардией.

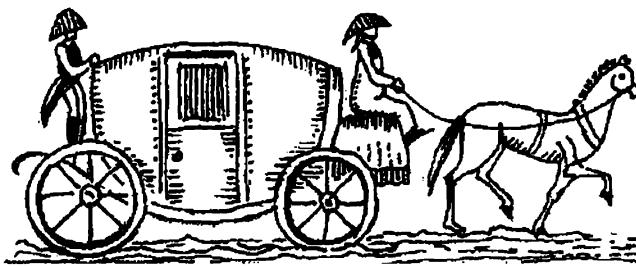
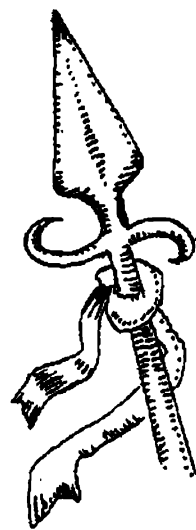
А Карл X безмятежно спал в Сен-Клу, не ведая, что в эту ночь он перестал быть сувереном Франции. Накануне вечером

король, под давлением немногих трезвомыслящих лиц из своего окружения, согласился наконец отменить злополучные ордонансы и даже отправил в отставку Полиньяка. Новым главой правительства был назначен герцог де Мортемар, бывший посол Франции в Петербурге.

Герцог немедленно отправил в Париж своего личного представителя де Сюсси, поручив ему встретиться с Лафайетом и членами Муниципальной комиссии. «Слишком поздно», — твердо сказал правительственному эмиссару Лафайет. Его поддержала Ратуша, где уже присмотрели подходящую кандидатуру на замену скомпрометировавшего себя короля. «Карл X не может более вернуться в Париж, он пролил потоки народной крови», — заявил от имени новых властей Адольф Тьер. Это же мнение высказала и Палата депутатов, вернее — та ее часть, которая примкнула к либералам. «Карл X более не король Франции», — объявил посланцу Мортемара от имени Палаты депутат Жак Лаффит, ставший через несколько дней главой правительства при новом режиме.

Карлу X ничего не оставалось, как предложить последнюю из возможных для него уступок. Он объявил, что готов отказаться от трона в пользу своего внука — герцога Бордоского, сына убитого в 1820 году герцога Беррийского. Ловкий маневр короля вызвал разногласия в стане либералов, часть которых готова была согласиться на предложенный компромисс. Другая их часть во главе с Тьером уже сделала ставку на герцога Орлеанского и настойчиво продвигала его кандидатуру в будущие короли. В конечном счете им удалось навязать свою точку зрения колеблющейся части Палаты.

Обеспокоенный развитием событий Карл X попытался собрать остатки верных ему войск, чтобы двинуть их на Париж для восстановления опрокинутого революцией трона. Как только об этом стало известно, в Сен-Клу 31 июля направили крупный отряд линейных войск, усиленный батальоном Национальной гвардии. Когда в загородной резиденции узнали об этом, герцогиня Беррийская, невестка Карла X, настояла на немедленном бегстве. В ночь с 31 июля на 1 августа король и вся его семья спешно покинули Сен-Клу и перебрались в Версаль, а оттуда — в Рамбуйе, где 2 августа Карл X подписал акт отречения от престола и провозгласил девятилетнего герцога Бордоского королем Генрихом V. Этот документ был завизирован старшим

сыном Карла, бездетным дофином Луи-Антуаном, герцогом Ангулемским, отказавшимся тем самым от своих прав на престол. Впоследствии часть роялистов усмотрят в этом отказе нарушение фундаментального принципа наследования трона — от отца к сыну.

Другим актом Карл X назначил герцога Орлеанского «наместником королевства» и регентом при малолетнем Генрихе V.

После завершения формальностей с передачей престола королевская семья отбыла в Шербург. Перед отъездом из Сен-Клу Карл намеревался оставить внука, в пользу которого он отрекся, во Франции, доверив его попечению герцога Орлеанского. Однако против этого самым решительным образом выступила мать мальчика герцогиня Мария-Каролина Беррийская.

Кто знает, осмелился ли бы Луи-Филипп согласиться возложить на себя корону в присутствии ее законного наследника?.. Уступив невестке, Карл X, возможно, упустил последний шанс удержать престол за Бурбонами.

Пока отрекшийся король ехал из Рамбуйе в Шербург, страна успела обрести нового короля. 7 августа Палата депутатов и Палата пэров на совместном заседании предложили корону герцогу Орлеанскому, и 9 августа «волей Нации» наместник королевства был провозглашен «королем французов». Он взял себе имя Луи-Филипп I.

Получив это известие, свергнутый король со всем семейством 16 августа отбыл из Шербурга к английским берегам на борту корабля «Великобритания», которым командовал известный мореплаватель капитан Жюль-Себастьян Сезар Дюмон д'Юрвиль.

Два года Бурбоны прожили в Шотландии, откуда в 1832 году перебрались в Прагу, где австрийский император Франц I предоставил им часть своего дворца в Градчанах. Бывший король взял себе титул графа де Понтё, но продолжал вести себя как регент при малолетнем внуке — короле в изгнании. Державы Священного союза, в частности Россия, не подвергали сомнению легитимные права Генриха V, но при этом не склонны были официально признавать короля и его регента, предпочитая в практической политике иметь дело с «узурпатором» престола Луи-Филиппом Орлеанским.

Вскоре после смерти в 1835 году императора Франца граф де Понтё с семьей и домочадцами, спасаясь от эпидемии холеры,

спешно покинули Прагу. В пути глава семейства простудился, что вынудило беглецов остановиться в небольшом городке Гёрц (Нова-Горица), на границе нынешней Словении и Италии. Там их настигла быстро распространявшаяся по империи Габсбургов холера. Король-изгнанник Карл X стал ее очередной жертвой. Он умер 6 ноября 1836 года в возрасте 79 лет. Перед смертью он исполнил свой христианский долг — исповедался и «всем сердцем простил врагам своим». Похоронили его в склепе местного монастыря, принадлежащего ордену францисканцев.

Впоследствии склеп пополнился еще тремя захоронениями Бурбонов. Здесь упокоился сын Карла X — Луи-Антуан, герцог Ангулемский, умерший в 1844 году. В соседней могиле лежит его жена Мария-Терезия Шарлотта Французская, старшая дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, скончавшаяся в 1851 году. В 1883 году там же захоронили останки внука Карла X, несостоявшегося короля Генриха V, более известного под именем графа де Шамбора.

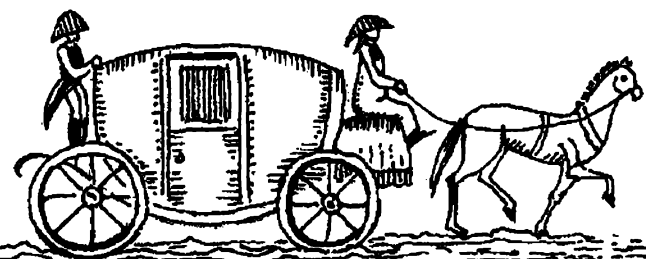
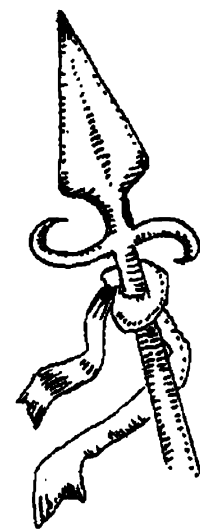

Луи-Филипп

Бурбоны всегда с недоверием относились к Орлеанам, своей младшей ветви, выделившейся во второй половине XVII века, подозревая их в тайных притязаниях на престол. Эти подозрения не были лишены оснований.

Однажды Орлеаны оказались совсем близко к трону. Филипп Орлеанский, племянник Людовика XIV, в течение нескольких лет (1715—1723) был регентом при малолетнем Людовике XV. А правнук регента, тоже Филипп, стал одним из вождей либеральной оппозиции Людовику XVI. Когда началась революция, герцог Орлеанский оказался в первых рядах противников Старого порядка. Он внес свою лепту в дискредитацию короля, одновременно пытался предложить себя в качестве регента при малолетнем сыне Людовика XVI.

После падения монархии в сентябре 1792 года он предусмотрительно отказался от титула и принял имя Филипп-Эгалите (Филипп-Равенство). Более того, 14 января 1793 года он, как член Конвента, проголосовал за смертную казнь низложенного короля, чем окончательно дискредитировал Орлеанов в глазах роялистов.

Некоторые историки полагают, что Филипп Орлеанский даже в годы революции вынашивал мечты об основании собственной династии. Но, так или иначе, он пал жертвой той самой революции, на которую 14 июля 1789 года сделал ставку. 6 ноября 1793 года якобинцы гильотинировали его как «врага народа». Казалось бы, после этого Орлеаны с их домогательствами на трон Капетингов оказались на той же исторической свалке, что и Бурбоны. Однако история распорядилась иначе.

9 августа 1830 года сын казненного Филиппа-Эгалите «волей Нации» становится «королем французов» под именем Луи-Филиппа I. С его восшествием на трон Орлеаны воплотили-таки свою заветную мечту.

Будущий король родился 6 октября 1773 года. Он был первенцем в семье Луи-Филиппа-Жозефа, герцога Шартрского и Марии-Аделаиды де Бурбон-Пентьевр, правнучки «короля-солнца» и мадам де Монтеспан. Тогда еще был жив глава Орлеанского дома Луи-Филипп по прозвищу Толстый, которому и принадлежал титул герцога Орлеанского. С его смертью в 1785 году этот титул перешел к его сыну, будущему Филиппу-Эгалите, а титул герцога Шартрского унаследовал его сын, будущий король Луи-Филипп. При рождении же он получил титул герцога Валуа. Вслед за ним в семье герцога Шартрского родились еще два мальчика и две девочки-близняшки, одна из которых умерла в младенчестве.

В 1780 году у шестилетнего герцога Валуа появилась гувернантка, которая сыграла важную роль в формировании его личности. Это была очаровательная 34-летняя графиня Стефани де Жанлис, начинающая детская писательница, а кроме того — любовница герцога Шартрского. Сначала он пристроил ее к своей супруге в качестве фрейлины, а затем определил гувернанткой к своим детям. Мадам Жанлис оказалась умелым, даже талантливым педагогом, применявшим самые разнообразные методы воспитания, в том числе и спартанские. Под ее руководством Луи-Филипп приобрел основательные и разносторонние знания, умение свободно говорить на четырех языках, либеральные убеждения, любознательность и любовь к путешествиям, физическую выносливость и неприхотливость в быту. Последнее было скорее исключением для привыкших

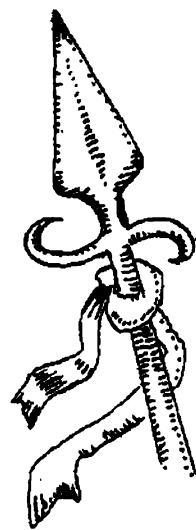
к роскоши и праздности членов королевской семьи, к которым относились и Орлеаны.

К семнадцати годам Луи-Филипп превратился в атлетически сложенного юношу, наделенного отменным здоровьем, недюжинной физической силой и твердостью духа. «Суровый наставник, — скажет впоследствии о мадам Жанлис Луи-Филипп. — Меня и мою сестру она воспитывала самыми жестокими методами». В 1844 году Луи-Филипп признался Виктору Гюго, что, выйдя из подросткового возраста, он неожиданно обнаружил, что его сорокалетняя гувернантка все еще очень красива и что он даже был в нее влюблен.

Сама мадам Жанлис, если верить ее признанию, не была в полной мере удовлетворена результатами своей воспитательной работы. По прошествии многих лет она говорила о Луи-Филиппе: «Он был принцем, я сделала из него настоящего мужчину; он был неуклюжим, я сделала его ловким; он был занудой, я сделала его забавным; он был трусоватым, я сделала из него храбреца; он был скупым, и я не смогла сделать его щедрым человеком; чуть менее скупым — да, щедрым — нет».

Действительно, о скупости Луи-Филиппа потом будут сочинять анекдоты, но никто не подвергал сомнению искренность его либеральных убеждений, сформировавшихся не столько под влиянием отца — вечного фрондера, сколько мадам Жанлис. Именно она познакомила юного принца с Монтескье и Руссо, именно она внушила ему широкие, свободные от какого бы то ни было доктринерства, взгляды на окружающий мир. Прагматизм, практицизм и педантизм, присущие Луи-Филиппу, — это тоже результат воспитательной работы мадам Жанлис. Что бы ни говорил сам Луи-Филипп о суровости наставницы, мадам Жанлис наилучшим образом подготовила своего воспитанника к той судьбе, которая его ожидала. Она умрет на вершине писательской славы в тот самый год, когда Луи-Филипп станет королем Франции.

Когда разразилась революция, подготовке которой вольно или невольно содействовал постоянно оппонировавший королевской власти герцог Орлеанский, его шестнадцатилетний сын тоже объявил себя революционером. В ноябре 1790 года он становится членом Якобинского клуба, где пока еще мирно уживаются завтрашние смертельные враги — либералы и радикалы, сторонники конституционной монархии, будущие жирондисты

и якобинцы. Тогдашний кумир Луи-Филиппа — генерал Лафайет, командующий Национальной гвардии, в которую вступает семнадцатилетний герцог Шартрский. С января 1791 до лета 1793 года он в революционной армии, участвует в сражениях при Вальми, Жемапе и Неервиндене против войск антифранцузской коалиции, получает генеральский чин.

В сентябре 1792 года герцог Шартрский по примеру отца отказывается от титула и просит называть его «генералом Эгалите». Когда Конвент принял декрет об изгнании Бурбонов за пределы Франции, для двух бывших герцогов, принадлежавших к королевской семье, было сделано исключение. Однако очень скоро судьба перестала благоволить Орлеанам — «гражданам Эгалите».

26 марта 1793 года генерал Дюмурье, командовавший армией, в рядах которой находился Луи-Филипп Эгалите, изменил революции и после неудачной попытки повернуть войска на Париж перешел на сторону врага вместе с 1800 своими сообщниками. Луи-Филипп, к тому времени уже дивизионный генерал, не участвовал в подготовке заговора, но в сложившихся обстоятельствах счел за благо не возвращаться в Париж. Он последовал за Дюмурье, оказавшись в расположении австрийской армии принца Кобургского.

Надо сказать, что к тому времени Луи-Филипп образумился, избавившись от многих прежних иллюзий левого толка. Он тяжело воспринял казнь Людовика XVI, оценив ее как проявление революционного насилия, но не как акт исполнения законного правосудия. Еще тяжелее для него было узнать, что за казнь короля проголосовал его отец, который в своем желании не отстать от стремительного развития революции договорился до того, что заявил в Конвенте, будто в действительности он — сын кучера, а вовсе не герцога Орлеанского. Недостойное поведение отца глубоко травмировало душу юного Луи-Филиппа. В феврале 1793 года он написал отцу очень жесткое письмо, не подозревая, что больше никогда его не увидит.

Тем временем Конвент 30 марта объявил вне закона всех генералов и офицеров армии Дюмурье. Филипп Эгалите поспешил публично отречься от своего сына, но это его не спасло. Бывший герцог Орлеанский был арестован вместе с членами своей семьи и казнен на гильотине. Остальных Орлеанов спасло падение якобинской диктатуры в июле 1794 года. Через некоторое время все они были выпущены из тюрьмы.

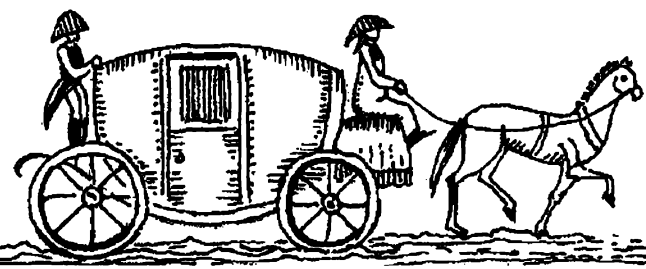
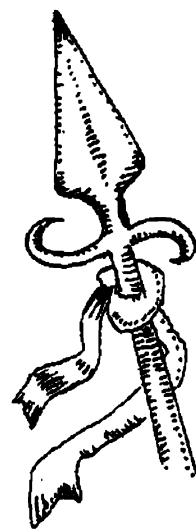
А генерал Эгалите в последних числах марта 1793 года вновь превратился в герцога Шартрского. Он отказался от революционного имени, как только выехал за пределы Франции. В Кобленце, куда он прибыл, распрощавшись с Дюмурье, Луи-Филиппа встретили враждебно. Город был заполонен эмигрантами-роялистами, непримиримыми врагами революции, считавшими молодого Орлеана отступником, нарушившим долг верности королю.

Луи-Филипп не испытывал никакого желания присоединиться к ним и уехал в Швейцарию, где устроился под именем господина Шабо преподавателем географии, математики и рисования в частный коллеж в Рейхенау с жалованьем 1800 франков в год. Там, в Рейхенау, Луи-Филипп узнал о гибели отца. С этого момента он стал главой Дома Орлеанов и носителем титула герцога Орлеанского, о чем, разумеется, предпочитал помалкивать, так как швейцарцы симпатизировали французским революционерам.

Тихая, неприметная жизнь герцога Орлеанского в Рейхенау внезапно завершилась в конце 1794 года, после того как хозяин коллежа, господин Жост, узнал, что его кухарка Марианна Бенцони (по другим источникам — Банцори) забеременела от учителя Шабо. Строгий кальвинист Жост не мог потерпеть в своем учебном заведении подобного нарушения морали и немедленно рассчитал учителя.

Луи-Филипп вынужден был покинуть Рейхенау и перебраться в Бремгартен, где его ожидала новая амурная история. На этот раз предметом увлечения 21-летнего Орлеана стала 33-летняя французская эмигрантка графиня де Флао. Она не скрывала, что была любовницей Талейрана и даже родила от него сына, что, впрочем, никак не помешало ее бурному, но недолгому роману с Луи-Филиппом, с которым они вместе перебрались в Гамбург. Их связь продолжалась несколько месяцев.

После разрыва с мадам Флао Луи-Филипп отправился в путешествие по Скандинавии, добравшись до заполярных областей Норвегии и Швеции. Здесь он в очередной раз подтвердил свою репутацию ловеласа. Прожив некоторое время в доме протестантского пастора, Луи-Филипп успел обрюхатить его свояченицу. Впрочем, такого рода истории нисколько не смущали герцога Орлеанского.

Здесь он узнает о смерти в парижской тюрьме Тампль малолетнего Людовика XVII, после чего предпринимает первую попытку примириться с Бурбонами. Он пишет письмо Людовику XVIII и получает неприемлемое для себя предложение открыто присоединиться к роялистам. Луи-Филипп понимает, что время примирения еще не пришло.

В октябре 1796 года он отправляется в Северную Америку, куда вслед за ним прибывают оба его брата, к тому времени освободившиеся из тюрьмы. Они много путешествуют по Америке — Филадельфия, Балтимор, Маунт-Вернон, где их принимает старый Джордж Вашингтон, затем — Теннесси, Кентукки, Ниагарский водопад, Нью-Йорк и Бостон. В Филадельфии Луи-Филипп увлекается дочерью одного из знатных горожан и даже подумывает о том, чтобы жениться на ней и навсегда здесь обосноваться. Но жажда странствий весной 1798 года увлекает его на Кубу, где он с братьями в силу обстоятельств вынужден был провести восемнадцать месяцев, пока им не разрешили выехать в Англию.

В январе 1800 года Орлеаны прибывают в Лондон, где их ожидает встреча с графом д'Артуа. Наконец происходит примирение Орлеанов с Бурбонами. Луи-Филипп подписывает акт признания короля Людовика XVIII и заверяет его в своей верности. Взамен король подтверждает все права принцев Орлеанского дома.

В апреле того же года Луи-Филипп получает признание и со стороны британского правительства, назначившего ему пенсию. С этого времени он ведет размеренный образ жизни обеспеченного всем необходимым эмигранта. В конце 1807 года Луи-Филипп занялся подготовкой приезда в Англию Людовика XVIII, вынужденного покинуть Россию после примирения Александра I и Наполеона в Тильзите.

Безмятежное эмигрантское существование Луи-Филиппа было нарушено сразу двумя ударами. В 1807 году у него на руках от скоротечной чахотки умирает его брат герцог де Монпансье, а год спустя на Мальте та же чахотка отнимает жизнь младшего из братьев графа де Божоле. 34-летний Луи-Филипп остается единственным представителем Орлеанского дома по мужской линии. Пора было всерьез задуматься о создании семейного очага и продолжении рода.

В 1809 году он покидает гостеприимную Англию и отправляется в Италию, где предлагает свои услуги неаполитанскому королю Фердинанду IV в борьбе против Наполеона. Здесь же, в Италии, происходит его знакомство с дочерью короля Марией-Амелией. 25 ноября 1809 года в Палермо состоялось их бракосочетание. Вскоре после женитьбы Луи-Филипп отправился в Испанию, где кортесы возложили на него функции главнокомандующего испанской армии в войне с французскими войсками, осадившими Кадис. Его пребывание в Испании было недолгим, так как беспокоило англичан, которые сумели добиться отзыва Луи-Филиппа из осажденного маршалом Сультом Кадиса. Он вынужден был вернуться в Палермо. 3 сентября 1810 года Мария-Амелия подарила мужу наследника, который, в соответствии с давней традицией Орлеанского дома получил титул герцога Шартрского. Впоследствии она родит еще четверых сыновей и трех дочерей.

За тихими семейными радостями незаметно пролетели четыре года. Герцог Орлеанский превратился в примерного семьянина — любящего мужа и заботливого отца. Ничто более не напоминало недавнего ловеласа и бонвивана.

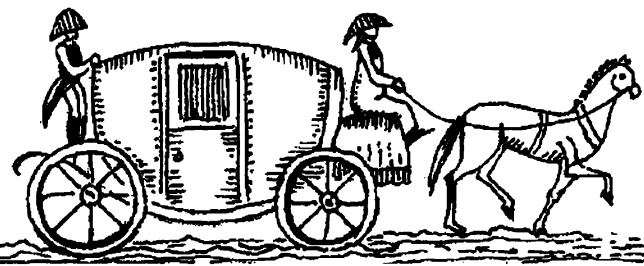
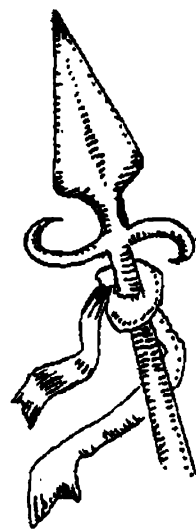
Крушение наполеоновской империи открыло перед Орлеанами путь на родину. 16 мая 1814 года Луи-Филипп через Марсель возвращается в Париж, который он покинул более двадцати лет назад. Здесь он впервые после 1808 года встречается с Людовиком XVIII.

«Помнится мне, что двадцать пять лет назад вы были генерал-лейтенантом, — сказал Луи-Филиппу король, и добавил: — Я имею удовольствие сообщить вам, что вы им являетесь до сих пор».

«Сир, — ответил герцог Орлеанский, — означает ли это, что впредь я должен являться к вам в мундире генерал-лейтенанта?»

Король утвердительно кивнул. С тех пор и до того, как была введена новая форма и знаки отличия, Луи-Филипп наносил визиты королю в своем старом республиканском мундире. Единственным отличием была белая кокарда на шляпе, заменившая прежнюю, трехцветную.

Людовик XVIII вернул герцогу Орлеанскому все имения его отца, конфискованные в годы революции, включая дворец Пале-Рояль, куда в сентябре 1814 года перебралось семейство Орлеанов.

Начавшая устраиваться жизнь была нарушена известием о высадке Наполеона на берег Прованса. Король назначил Луи-Филиппа командующим Северной армии и отправил его в Лилль, но вскоре вернул оттуда, заменив маршалом Мортье. Видимо, он не доверял ему в полной мере. С занятием Наполеоном Парижа Орлеаны, как и Бурбоны, нашли убежище в Англии.

После окончательного разгрома Наполеона Луи-Филипп возвратился в Париж и занял место в Палате пэров. Здесь он выступил против разгула Белого террора, развязанного по инициативе графа д'Артуа. Роялисты сочли его заявления недопустимыми, и Луи-Филипп получил приказ выехать за границу. Его очередная ссылка в Англию продолжалась несколько месяцев, пока весной 1817 года король не разрешил ему вернуться в Париж.

Его положение при дворе было неустойчивым и неопределенным. Вопреки прежним обещаниям, Людовик XVIII тянул с признанием за Луи-Филиппом титула Королевского Высочества. Помимо прочего, это означало, что на богослужениях в дворцовой церкви Тюильри Орлеаны занимали места в стороне от королевского семейства; для них были закрыты королевская ложа в Опере и «королевский придел» в соборе Парижской Богородицы. Все это ранило самолюбие Луи-Филиппа и особенно его жены, Марии-Амелии. Впрочем, они ничем не обнаруживали своих чувств.

Отчужденность герцога Орлеанского от двора, ненависть, которую он внушал ультрароялистам, привлекали к нему симпатии всех противников режима Реставрации — от либералов до бонапартистов. Пале-Рояль, резиденция Луи-Филиппа, притягивал к себе видных деятелей литературы, искусства, науки и политики, свободно чувствовавших себя в непринужденной атмосфере, созданной стараниями Марии-Амелии. Талейран называл герцогиню Орлеанскую «последней знатной дамой Европы» (*dernière grande dame de l'Europe*). Пале-Рояль постепенно превращался в центр умеренной оппозиции. Что касается самого Луи-Филиппа, то он вел себя по отношению к царствующему дому вполне корректно и стоял в стороне от всех заговоров, которые устраивались в его пользу.

Смерть Людовика XVIII в 1824 году принесла некоторые перемены в жизнь Луи-Филиппа. Карл X, новый король Франции, засвидетельствовал ему свое расположение, признав наконец за ним титул Королевского Высочества. С воцарением Карла X

значительно укрепилось и материальное положение Орлеанов, получивших свою долю (17 миллионов франков) от «эмигрантского миллиарда». Либерала Луи-Филиппа, в недавнем прошлом «генерала Эгалите», нисколько не смущало, что он оказался в числе жаждавших компенсации роялистов. Вообще он никогда не был щепетилен в том, что касалось денежных вопросов, считая первейшим долгом обеспечение материальной будущности восьмерых детей. Он с явным удовольствием, как завзятый буржуа, занимался устройством своих материальных дел — покупал, продавал, обменивал; он делал деньги из всего, что можно, словно подтверждая мнение мадам Жанлис о своей скарденности. Большую радость доставило ему расширение старых владений в Нейи, куда он перебрался с семьей в начале 1830 года. Там и застали герцога Орлеанского события, круто изменившие его жизнь.

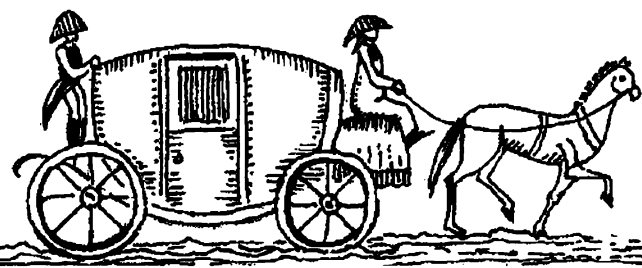
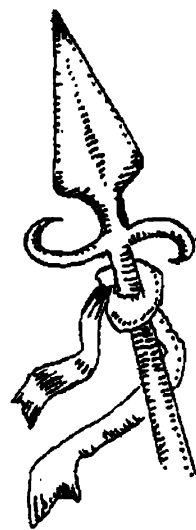
Еще в августе 1829 года, когда Карл X назначил главой правительства одного из лидеров ультрароялистов князя Жюля де Полиньяка, Луи-Филипп предупредил короля об опасности этого выбора. Действия Полиньяка полностью подтвердили, что он был прав.

14 июня 1830 года произошла встреча Луи-Филиппа с Карлом X в замке Рони, принадлежавшем герцогине Беррийской, невестке короля. Луи-Филипп попытался еще раз предостеречь Карла X, открыть ему глаза на опасное положение дел: «За рамками Хартии, сир, нет ничего, кроме пропасти и гибели». — «Поверьте мне, — ответил король, — что я придерживаюсь точно такой же позиции, как и вы. За рамками Хартии нет спасения, я в этом абсолютно убежден, и я даю вам слово, что ничто не побудит меня выйти за ее пределы».

Луи-Филипп покидал короля обнадеженным. Да и король говорил вполне искренно. Беда была в том, что он по-своему толковал статью 14 Хартии, считая, что имеет право на исключительные полномочия.

20 июля 1830 года стали известны убийственные для правительства результаты внеочередных выборов в Палату. Король мог еще спасти положение, дав отставку Полиньяку. Вместо этого он пошел на обострение конфликта с победившей на выборах оппозицией, утвердив печально знаменитые ордонансы.

В этой ситуации Луи-Филипп вспомнил один из советов Дантона — не вмешиваться в развитие событий, ожидая, когда

они сложатся в его пользу. Он исчез из Парижа, и никто, за исключением немногих друзей, не знал о его местонахождении; тем не менее он получал подробную информацию о положении в столице.

Здесь возникает закономерный вопрос об искренности Луи-Филиппа по отношению к Карлу X. Одни историки оценивают его поведение как сознательное лицемерие. Стендаль, современник и знаток эпохи, отмечал, что Луи-Филипп — это «лукавый и хитрый ум», умело воспользовавшийся ситуацией в свою пользу. Оставаясь за кулисами, он предоставил действовать своим многочисленным сторонникам, умело направляя их действия. Другие историки — их меньшинство — полагают, что июльский кризис застал Луи-Филиппа врасплох и что он лишь следовал за событиями, но никак не направлял их, и потому принятие короны было для него столь же вынужденным, сколь и неожиданным решением.

К концу дня 30 июля, когда уличные сражения в столице завершились победой восставших, Луи-Филипп решил, что пора выходить из тени. Он возвращается в Париж, где лидер орлеанистов Адольф Тьер уже публично называет его единственным возможным кандидатом на трон вместо полностью дискредитировавшего себя Карла X. Луи-Филипп все еще колеблется. Он тайно принимает в Пале-Рояле эmissара короля и просит передать Карлу X, что не имеет никаких притязаний на корону и что если он и окажется вынужденным взять власть, то только временно — для того чтобы восстановить порядок и затем передать бразды правления законному государю.

Получив такие заверения, Карл X принимает решение отречься в пользу внука и до его совершеннолетия назначает герцога Орлеанского регентом и наместником королевства, но при этом не решается отправить внука в охваченный революционным пламенем Париж. С политической точки зрения это был серьезный просчет Карла X. Отсутствие в столице законного преемника престола облегчило действия непримиримых противников Бурбонов. Трон был объявлен вакантным, а затем предложен Луи-Филиппу. 9 августа герцог Орлеанский был провозглашен королем Луи-Филиппом I.

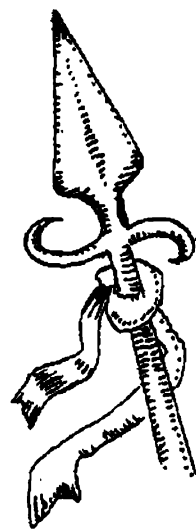
14 августа король подписал новую Хартию, существенно расширившую права Палаты депутатов. В ней, среди прочего, была из-

менена статья 14, которой так неумело пытался воспользоваться Карл X. Новая редакция статьи гласила: «Король делает распоряжения, необходимые для исполнения законов, но он никогда не может ни отменять законов, ни разрешать кому бы то ни было их нарушать». Таким образом, во Франции официально был введен конституционный режим, который получит название Июльской монархии. Белое знамя Бурбонов было заменено трехцветным стягом революции. Палата пэров сохранилась, но утратила наследственный характер. Имущественный избирательный ценз снизился с 300 до 200 франков, а возрастной — с 30 до 25 лет для избирателей и с 40 до 30 лет — для кандидатов в депутаты. Значительно ограничивались права католического духовенства, которому, в частности, запрещалось владеть земельной собственностью. Сворачивалась выплата денежного возмещения бывшим эмигрантам, установленная Карлом X. Вводилось местное и областное самоуправление, отменялась цензура, суды перестали выносить смертные приговоры. Была восстановлена распущенная Карлом X Национальная гвардия с выборными офицерами (до капитана) и унтер-офицерами.

Девизом Июльской монархии могла бы стать фраза: «Enrichissez-vous» («Обогащайтесь»). Одни приписывают этот призыв самому королю; другие — Франсуа Гизо, одному из его министров, но сути это не меняет. Призыв был услышан теми, кому он был адресован.

«...С июльских дней банк стоит во главе государства. Буржуазия вытеснила Сен-Жерменское предместье, а банковские круги — это высший слой буржуазии», — говорил Стендаль о монархии Луи-Филиппа устами своего литературного героя господина Левена. В этом смысле символичным стало назначение главой первого правительства Июльской монархии крупнейшего парижского банкира Жака Лаффита. Другой банкир, барон Ротшильд, мог свободно, без приглашения на аудиенцию и даже без предупреждения входить в кабинет короля, когда это было ему нужно. При этом министры и маршалы часами высиживали в приемной, ожидая аудиенции.

Место крупных землевладельцев эпохи Старого порядка и Реставрации у руля власти во Франции заняла верхушка буржуазии, финансовая олигархия. На вершине пирамиды власти находился «король-гражданин» Луи-Филипп, умело устраивавший, благодаря занимаемому положению, свои имущественные

дела. Буквально накануне восшествия на «конституционный трон» он успел оформить дарственную своим детям на громадные родовые имения Орлеанского дома, уклонившись тем самым от выполнения древнего закона, согласно которому все имущество человека, восходящего на французский престол, становится государственной собственностью. Уже став королем, Луи-Филипп не отказался принять сомнительное наследство, перешедшее к одному из его сыновей от принца Конде, погибшего при невыясненных обстоятельствах. Чем дальше, тем больше Луи-Филипп представлял не только в облике «короля-гражданина», но и как «король-буржуа».

В годы Июльской монархии в невиданных прежде масштабах расцвела коррупция, сопровождавшаяся скандальными судебными процессами. Король, проявлявший непонятную для общества терпимость к продажным чиновникам и финансовым авантюристам, вскоре начал терять былую популярность и подвергаться все более острой критике.

При этом в обществе недоумевали — Луи-Филипп не преследовал тех, кто его критиковал и даже обличал. Любимым занятием короля стало чтение направленных против него статей и памфлетов, а также коллекционирование многочисленных карикатур на себя из оппозиционных газет. Принципиальный противник смертной казни, Луи-Филипп широко пользовался правом помилования. В 1836 году он выпустил из тюрьмы Полиньяка и других министров последнего кабинета Карла X, приговоренных после Июльской революции к пожизненному заключению.

Сам Луи-Филипп пережил несколько покушений, а в 1842 году потерял старшего сына и наследника, ставшего жертвой несчастного случая. При этом «король-гражданин» считал своим первейшим долгом следить за поддержанием общественного порядка и стабильности в государстве. Для себя он сделал правилом не выходить за рамки, определяемые Хартией.

В декабре 1831 года король приказал маршалу Сульту подавить восстание лионских ткачей. Столь же решительно была пресечена попытка вооруженного восстания в Париже в начале июня 1832 года. Растущее беспокойство у Луи-Филиппа вызывала активизация бонапартистов, устраивавших один заговор за другим. В октябре 1836 года в Страсбурге был раскрыт крупный военный заговор под руководством Луи-Наполеона Бонапарта,

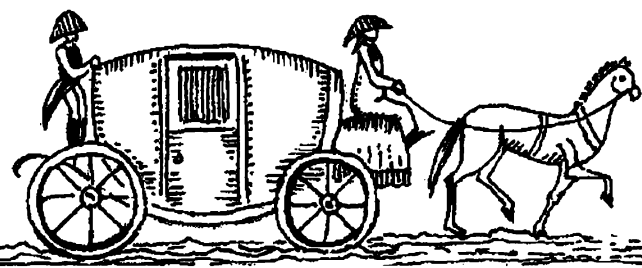
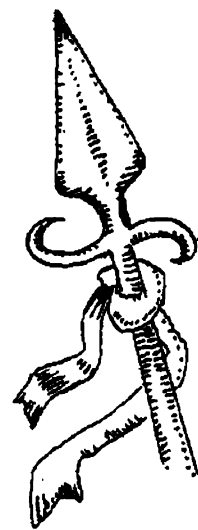
племянника низвергнутого императора. Организатор заговора и его сообщники были арестованы, но Луи-Филипп великодушно отпустил Луи-Наполеона на свободу, ограничившись его высылкой в Америку. Остальные заговорщики по письменной просьбе Луи-Наполеона были оправданы судом. В начале августа 1840 года вернувшийся из Америки Бонапарт предпринял очередную неудачную попытку поднять мятеж против Июльского режима.

Луи-Филипп отреагировал на подрывные действия бонапартистов нетривиально, в очередной раз удивив общество. Он договорился с англичанами о возвращении праха Наполеона в Париж и 15 декабря 1840 года устроил его торжественное перезахоронение в Доме Инвалидов. А в это время племянник императора, официально объявленного Луи-Филиппом национальным героем Франции, отбывал пожизненное заключение в форте Ам, откуда ему удастся бежать в мае 1846 года.

Внешняя политика Луи-Филиппа в значительной степени была подчинена династическим интересам Орлеанов, озабоченных своей легитимацией в глазах монархической Европы. Самое живое участие «король французов» принимал в устройстве династических браков своих многочисленных детей. Его старший сын герцог Орлеанский в 1837 году женился на германской принцессе из Мекленбург-Шверинского дома. Старшая дочь Луиза стала королевой Бельгии; другую дочь, Марию, он выдал замуж за герцога Вюртембергского, а третью, Клементину, — за принца Саксен-Кобургского. Неудачей закончились настойчивые попытки чадолюбивого Луи-Филиппа в 1846 году добыть одному из сыновей корону Испании через брачный союз с сестрой королевы Изабеллы.

Дипломатия Июльской монархии характеризовалась гибкостью и уступчивостью перед великими державами и твердостью по отношению к государствам менее значимым по сравнению с Францией. Особое значение Луи-Филипп придавал развитию тесного сотрудничества с Англией, видя в либеральной британской монархии надежного союзника перед лицом недружественных легитимистских держав Священного союза.

Обреченный на крайнюю осторожность в Европе, Луи-Филипп чувствовал себя более свободно в колониальной политике. При нем было завершено «умиротворение» Алжира, генерал-губернатором которого в 1847 году король назначил своего сына

герцога Омальского, и приобретены островные владения в Тихом океане — Таити, Маркизские острова и острова Общества.

Экономическое положение Франции в эпоху Луи-Филиппа характеризовалось быстрым подъемом промышленности, получившей мощный импульс с изобретением и широким внедрением парового двигателя. Число паровых станков за время правления Луи-Филиппа выросло в десять раз. За это же время в стране более чем удвоилась добыча угля. Полностью механизировалось текстильное производство. Начали возникать крупные индустриальные центры — в Парижском районе, на Нижней Сене, в Эльзасе, в Лионском районе. С 1837 года при активном содействии Луи-Филиппа интенсивно строятся железные дороги.

Глубокие структурные сдвиги в экономическом развитии Франции имели следствием обострение политических и социальных конфликтов. С одной стороны, образовалась гигантская пропасть между сверхбогатым меньшинством и очень бедным большинством населения; с другой — набиравшая силу промышленная буржуазия все более настойчиво претендовала на власть, сосредоточенную в руках финансовой олигархии. Промышленники желали установления во Франции более удобной для них республиканской формы правления, а финансисты и крупные спекулянты отстаивали созданную их стараниями либеральную монархию. Этот подспудно развивавшийся конфликт подготовил революционный взрыв, случившийся на исходе февраля 1848 года.

Толчком к революции послужил запрет на проведение республиканской оппозицией 22 февраля 1848 года демонстрации под лозунгами отставки правительства Ф. Гизо. Несмотря на запрет, десятки тысяч парижан вышли на улицы, где начались стычки с войсками, переросшие на следующий день в восстание. На улицах Парижа за день было воздвигнуто свыше 1500 баррикад. Луи-Филипп явно недооценил серьезность ситуации и упустил время для достижения компромисса с оппозицией. Запоздалая отставка Гизо вечером 23 февраля не возымела действия. К тому моменту на бульваре Капуцинов уже пролилась первая кровь. Масштабы восстания разрастались с каждым часом.

Утром 24 февраля восставшие перешли в наступление, захватив казармы столичного гарнизона и ряд правительствен-

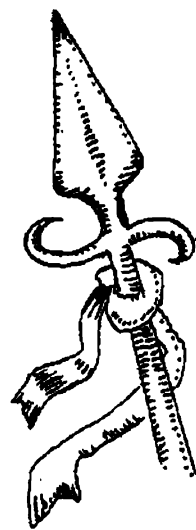
ных зданий. Был осажден и королевский дворец Тюильри, где в распоряжении Луи-Филиппа имелось четыре тысячи солдат линейных войск, тридцать пушек, а также три легиона Национальной гвардии. Королю настойчиво советовали использовать эту серьезную военную силу, но он, считая свою партию проигранной, не желал дальнейшего кровопролития.

В середине дня 24 февраля Луи-Филипп подписал отречение от престола в пользу десятилетнего внука графа Парижского, сына погибшего в 1842 году герцога Орлеанского. Он снял с себя мундир генерал-лейтенанта, переоделся в костюм парижского буржуа и в сопровождении королевы покинул Тюильри через боковой выход. Во дворе его ожидал экипаж. Луи-Филипп направился к карете, но в этот момент ее окружила толпа простолюдинов. Перед лицом очевидной угрозы для его жизни один из офицеров кирасирского полка, сохранившего верность королю, сумел убедить разгоряченную толпу пощадить отрекшегося короля. «Мы не убийцы, пусть уезжает», — раздались голоса. Луи-Филипп и Мария-Амелия поспешили занять места в карете, которая тут же тронулась. Вслед раздались беспорядочные выстрелы. Видимо, не все мятежники были согласны отпустить короля. Сраженный пулей, упал с козел на мостовую один из двух кучеров, управлявших королевским экипажем.

Беглецы миновали площадь Согласия, где в январе 1793 года был казнен Людовик XVI и где в октябре 1836-го Луи-Филипп приказал установить древнюю колонну, доставленную из Египта. Путь королевской четы лежал в Сен-Клу. Луи-Филипп несколько раз повторил себе под нос одну и ту же фразу: «Хуже, чем Карл X, в сто раз хуже!» Действительно, Карл X покидал власть вполне пристойно, окруженный когортой своих приверженцев. Поспешный отъезд из Парижа Луи-Филиппа не имел с этим ничего общего. Он был оставлен всеми, кроме верной супруги Марии-Амелии.

В охваченной революцией столице оставалась невестка отрекшегося короля, вдовствующая герцогиня Орлеанская, намеревавшаяся утвердить права на престол своего малолетнего сына графа Парижского. Ее Луи-Филипп назвал регентшей до достижения юным королем совершеннолетия.

Однако попытка спасти династию оказалась неудачной. Палата депутатов приняла, было, предложение лидера левых либералов Одилона Барро рассмотреть вопрос о признании внука

Луи-Филиппа новым «королем французов» и даже приветствовала появление в Бурбонском дворце юного графа Парижского и его матери. Но некстати (или кстати — как посмотреть?) ворвавшаяся в зал заседаний толпа республиканцев во главе с Альфонсом Ламартином и Александром-Огюстом Ледрю-Ролленом спутала все карты орлеанистам, желавшим сохранить Июльскую монархию.

Под давлением вооруженных республиканцев, действовавших, как они утверждали, «от имени народа», Палата приняла решение снять с обсуждения предложение Барро о признании нового короля. Вместо этого перепуганные депутаты без обсуждения утвердили врученный им список Временного правительства, составленного исключительно из приверженцев республики. С этого момента Франция фактически стала республикой. Официально республиканский режим в стране будет установлен 4 мая 1848 года решением Учредительного собрания, избранного вместо распущенной Палаты депутатов.

2 марта королевскую семью в ее убежище разыскал английский вице-консул и вручил ей документы на проезд в Англию. Луи-Филипп получил паспорт на имя британского подданного Уильяма Смита, а Мария-Амелия значилась в бумагах как мадам Лебрен. Супруги поспешили отбыть в Гавр, где поднялись на борт парохода «Экспресс», который в скором времени доставил их в Англию. Там изгнанники разместились в замке Клермонт, принадлежавшем их зятю, бельгийскому королю. Позднее туда съехались остальные члены семейства Орлеанов, включая графа Парижского с его матерью. Отсюда, из Клермонта, они будут следить за развитием событий во Франции.

Когда пришло известие о безжалостном подавлении генералом Кавеньяком в июне 1848 года восставших парижских рабочих, Луи-Филипп, все еще не потерявший надежды увидеть своего внука королем, разочарованно изрек: «А ведь Республика имеет шанс устоять! Она может стрелять в народ!» При этом он искренне полагал, что сам никогда не выходил за рамки законности, определенные Хартией 1830 года. Хотя нельзя не признать, что за четыре июньских дня 1848 года в Париже было пролито больше крови, чем за все без малого восемнадцать лет царствования «короля-гражданина».

В последний период жизни Луи-Филипп работал над воспоминаниями, которые остались незавершенными. К середине 1850 года у 76-летнего короля-изгнанника обострилась тяжелая болезнь печени.

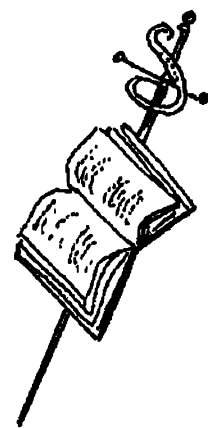
В ночь на 24 августа он почувствовал резкое ухудшение самочувствия и поспешил исполнить свой последний христианский долг, хотя никогда прежде не был замечен в набожности. Наутро он исповедовался и приобщился Святых Тайн, после чего вызвал своего неизменного помощника генерала Дюма, чтобы продиктовать ему очередную главу воспоминаний.

На следующий день Луи-Филипп, благословив своих детей и внуков, попрощался с ними. Он слабел с каждым часом, но сохранял ясность ума и поистине королевское достоинство. В восемь часов утра 26 августа 1850 года он тихо скончался. 2 сентября его похоронили в частном склепе на кладбище Вейбриджа.

В 1876 году останки Луи-Филиппа и королевы Марии-Амелии, умершей в 1866 году, перенесли во Францию и захоронили в королевской часовне Дрё.

Если бы были позволительны пространные посмертные эпитафии, то лучшей могла бы стать характеристика, данная Луи-Филиппу Виктором Гюго в знаменитом романе «Отверженные»:

«...Начитанный, но не разбиравшийся в литературе; дворянин, но не рыцарь; простой, спокойный и сильный; обожаемый своей семьей и слугами, обворожительный собеседник, трезвый государственный деятель, внутренне холодный, всегда поглощенный только насущной необходимостью, всегда учитывающий только сегодняшний день, не способный ни на злопамятство, ни на благодарность, он безжалостно пользовался лицами выдающимися, оставляя в покое посредственность, и умел при помощи парламентского большинства перекладывать вину на тайные объединения, которые глухо рокошуют где-то под тронами; откровенный, порой неосторожный в своей откровенности, но в этой неосторожности удивительно ловкий, неистощимый в выборе средств, личин и масок; он пугал Францию Европой, а Европу Францией; бесспорно, любил свою родину, но преимущественно свою семью; предпочитал власть авторитету, а авторитет достоинству — склонность пагубная в том смысле, что, ставя все на службу успеху, она допускает хитрость и не всегда отрицает низость, но зато

в ней есть то преимущество, что она предохраняет политику от резких толчков, государство от ломки, общество от катастроф; это был человек мелочный, вежливый, бдительный, внимательный, проницательный, неутомимый, иногда противоречивший самому себе и бравший свое слово обратно... Луи-Филипп будет причислен к выдающимся людям своего века; он занял бы в истории место среди самых прославленных правителей, если бы немного больше любил славу и если бы обладал чувством великого в той же степени, в какой обладал чувством полезного.

Луи-Филипп был красив в молодости и остался привлекательным в старости; не всегда в милости у нации, он всегда пользовался расположением толпы. У него был дар нравиться. Ему недоставало величия; он не носил короны, хотя был королем, не отпускал седых волос, хотя был стариком. Манеры он усвоил при старом порядке, а привычки при новом: то была смесь дворянина и буржуа, подходящая для 1830 года...

В короле Луи-Филиппе слишком громко говорило отцовское чувство; высиживание семьи, из которой должна вылупиться династия, связано с боязнью перед всем и нежеланием быть потревоженным; отсюда крайняя нерешительность, навязываемая народу, у которого в его гражданских традициях было 14 июля, а в традициях военных — Аустерлиц...

Быть “принцем Равенством”, носить в себе противоречие между Реставрацией и Революцией, обладать внушающими тревогу склонностями революционера, которые становятся успокоительными в правителе, — такова причина удачи Луи-Филиппа в 1830 году; никогда еще не было столь полного приспособления человека к событию... Луи-Филипп — это 1830 год, ставший человеком...

Луи-Филипп был королем, царствующим при ярком дневном свете. Во время его царствования печать была свободна, трибуна свободна, слово и совесть свободны. Он знал, что яркий свет подтачивает привилегии, но тем не менее оставил свой трон освещенным. История зачет ему эту лояльность.

Луи-Филипп, как все исторические деятели, сошедшие со сцены, сегодня подлежит суду человеческой совести. Его дело проходит теперь лишь первую инстанцию...

Но уже в настоящее время... мы можем сказать, что Луи-Филипп, как бы о нем ни судили, сам по себе, по своей челове-

ческой доброте, останется, если пользоваться языком древней истории, одним из лучших государей, когда-либо занимавших престол...

Луи-Филипп был мягок, как Людовик IX, и добр, как Генрих IV.

А для нас, знающих, что в истории доброта — редкая жемчужина, тот, кто добр, едва ли не стоит выше того, кто велик».

Таково было мнение великого писателя-гуманиста о короле французов Луи-Филиппе Орлеанском.

Генерал Кавеньяк

Париж, 1868 год. В Сорбонне под председательством Эжена Луи-Наполеона, сына императора Наполеона III, проходит ежегодная церемония торжественного награждения учащихся столичных лицеев, отличившихся успехами в учебе. Среди них и пятнадцатилетний Эжен Годфруа Кавеньяк, ученик престижного лицея Карла Великого, представленный к награде за блестящие успехи в изучении древнегреческого языка.

Ничто не предвещало скандала, который назавтра будет обсуждать «весь Париж». «Я не желаю получать награду из рук того, чей отец посадил в тюрьму моего отца», — дерзко, во весь голос, объявил подросток, когда его вызвали для вручения заслуженной награды. Произнеся эти слова, юный Кавеньяк с гордо поднятой головой вышел из зала.

Двенадцатилетний Императорский принц (*Prince impérial*) — именно такой титул носил наследник Наполеона III — был, наверное, единственным из присутствующих, кто не понял смысла слов, произнесенных лицеистом. Принц был явно смущен и даже растерян. Позднее ему разъяснили, что дерзкий юноша — это сын покойного генерала Кавеньяка, бывшего с июня до декабря 1848 года «главой исполнительной власти» во Франции, фактическим диктатором, проигравшим президентские выборы будущему императору Луи-Наполеону. После бонапартистского переворота 2 декабря 1851 года генерал Кавеньяк оказался в тюрьме. До самой смерти в 1857 году неисправимый республиканец Кавеньяк так и не признал по-

литический режим, установленный во Франции племянником Наполеона I.

Эту приверженность республиканским ценностям и ненависть к бонапартистской империи унаследовал его сын, хотя к моменту смерти отца мальчику было всего четыре года. Пройдет четверть века, и вчерашний лицеист станет заметной фигурой в политической жизни Франции — депутатом, затем министром в трех правительствах Третьей республики.

Но нас в данном случае интересует не он, а его отец, генерал Кавеньяк, совсем недолго находившийся на вершине власти, но успевший получить диаметрально противоположные оценки — от «спасителя Республики» до «палача Парижа».

С самого рождения Луи Эжену Кавеньяку суждено было стать республиканцем. Он родился 23 вандемьера IX года Республики (15 октября 1802 года) в Париже. Его отец, Жан-Батист Кавеньяк, бывший до 1789 года адвокатом в парламенте Тулузы, с падением Старого порядка сделался пламенным революционером. В 1790 году он вошел в состав директории департамента Лот, а в сентябре 1792 года был избран в Конвент, где примкнул к фракции монтаньяров. 26 декабря 1792 года Кавеньяк голосовал в Конвенте за смертную казнь низложенного Людовика XVI. Вскоре после этого его направляют в Брест как комиссара республиканской армии. В дальнейшем в том же качестве Кавеньяк направлялся в Нант, в Вандею и в Западные Пиренеи. Находясь вдали от столицы, он не одобрил якобинский переворот, осуществленный в июне 1793 года.

Кавеньяку, отправленному в 1794 году с инспекционной миссией в Рейнскую армию, благополучно удалось пережить Террор. После падения Робеспьера он сумел наладить контакт с Полем Баррасом — фактическим главой Термидорианского режима. В 1795 году дважды — в мае и в октябре — Кавеньяк оказал поддержку Баррасу в подавлении восстаний в Париже. Тогда же, в 1795 году, он избирается в Совет пятисот — одну из палат парламента эпохи Директории.

В период Консульства и Империи Кавеньяк, сохранивший верность республиканским убеждениям, тем не менее продолжает делать успешную карьеру; он входит в круг сподвижников короля Неаполя Жозефа Бонапарта, а затем и сменившего его Иоахима Мюрата.

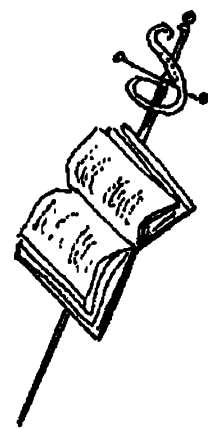
Здесь, на берегу живописного Неаполитанского залива, в полном достатке прошли пять счастливых детских лет будущего генерала Кавеньяка.

Не приняв режим Реставрации, установленный после падения наполеоновской империи в 1814 году, Кавеньяк-старший приветствовал возвращение Наполеона с острова Эльба. В период «Ста дней» он стал префектом департамента Сомма, а после поражения Наполеона при Ватерлоо подвергся преследованию со стороны вернувшихся к власти Бурбонов. Ему припомнили все его революционные заслуги, и прежде всего голосование за смертную казнь Людовику XVI, и как «царевубийцу» приговорили к изгнанию за пределы Франции. В 1815 году он вынужден искать убежища в Брюсселе, где и умер в 1829 году в возрасте 67 лет.

Семью он оставил в Париже, не рискуя подвергать ее лишениям вынужденной эмиграции. У 35-летней супруги «царевубийцы» на руках остались трое детей — два сына и дочь. Мари Жюли Кавеньяк, урожденная Оливье де Корансез, полностью разделяла республиканские убеждения мужа. В таком же направлении она воспитывала и своих детей. В отсутствие главы семейства им довелось вести в Париже едва ли не полуголодное существование в небольшой съемной квартирке. В своих воспоминаниях мадам Кавеньяк пишет, как ей приходилось распродавать все, что только можно было продать: мебель, столовое серебро, личные ювелирные украшения... Сыновьям любой ценой надо было дать образование.

Мадам Кавеньяк удалось устроить обоих — и старшего, Годфруа, и младшего, Эжена, — в старейший (основанный в 1460 году) парижский коллеж Сент-Барб, расположенный на холме Св. Женевьевы, по соседству с Сорбонной.

Очень скоро Эжен Кавеньяк выдвинулся в первый ряд лучших «барбистов», как называли учащихся этого коллежа. Будучи отличником по всем предметам, особый интерес он проявлял к математическим наукам. По этой причине, завершив учебу, Эжен изъявил желание продолжить обучение не в Сорбонне, как многие его однокашники, а в Политехнической школе (École polytechnique), где готовили военных инженеров. В 1820 году он становится студентом этого высшего учебного заведения, основанного в разгар революции — в 1794 году. Военную направленность Политехнической школе, которая

изначально называлась Центральной школой общественных работ (*École centrale des travaux publiques*) придал в 1804 году император Наполеон, озабоченный подготовкой офицерских кадров военно-технического профиля — саперов, инженеров-фортификаторов, мостостроителей и т. д.

В 1820-е годы Политехническая школа постепенно превращается в один из очагов антиправительственных настроений. Среди части «политехников», как называли студентов этого учебного заведения, распространяются либеральные и даже республиканские идеи, которые в полной мере проявились в дни Июльской (1830), а затем и Февральской (1848) революций. Эжен Кавеньяк, сын «цареубийцы», разделявший убеждения отца-изгнанника, относился к числу этой оппозиционно настроенной части «политехников».

В 1822 году он выпускается из Политехнической школы и решает дополнить военное образование, для чего отправляется в Мец, где поступает в артиллерийское училище. Время учебы пролетело незаметно. В 1824 году Кавеньяк получает офицерский патент и назначение во 2-й инженерный полк.

После нескольких лет мирной службы он приобретает первый боевой опыт в ходе Морейской экспедиции. Так во французской историографии называют участие французских войск в национально-освободительной революции в Греции (1821—1829) на стороне греков, восставших против османского господства. В августе 1828 года полк, в котором проходил службу Кавеньяк, в составе экспедиционного корпуса, был доставлен морем к берегам Пелопоннеса. Участие Кавеньяка в этой экспедиции было непродолжительным, поскольку в конце 1828 года его полк вернулся во Францию.

Июльская революция 1830 года застаёт второго капитана* Кавеньяка в Аррасе, административном центре департамента Па-де-Кале. Падение режима Реставрации он встречает с воодушевлением, но быстро разочаровывается в Июльской монархии, обманувшей его ожидания. Как и его старший брат Годфруа — к тому времени уже известный леворадикальный журналист, — Эжен открыто высказывается в пользу республики. Однажды — это случилось в 1831 году — командир пол-

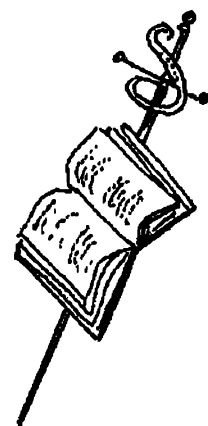
* Чин второго капитана (*capitaine en second*) во французской армии соответствовал званию штабс-капитана в русской армии.

ка, в котором он служил, в присутствии офицеров задал ему вопрос: отдаст ли он своим солдатам приказ стрелять в толпу в случае антиправительственного восстания? «Нет», — без колебаний ответил Кавеньяк, и об этом стало известно в Военном министерстве.

Не решившись отдать Кавеньяка под суд и тем самым придать делу публичную огласку, военный министр своим приказом вывел политически неблагонадежного офицера за штат.

Год спустя опальный Кавеньяк получает назначение в Африканскую армию, и отправляется в только что завоеванный Францией, но не покоренный окончательно Алжир, где принимает участие в боевых столкновениях с отрядами эмира Абд-эль-Кадера, возглавившего сопротивление французским интервентам. В 1833 году он становится кавалером Почетного легиона. На Кавеньяка, отличившегося при взятии столицы эмира города Маскара (декабрь 1835 года), обратил внимание генерал-губернатор Алжира, ветеран наполеоновских войн маршал Бертран Клозель. Он хотел отметить наградой храброго офицера, но в Париже его представление не утвердили.

На это повлияли обстоятельства, связанные антиправительственной деятельностью старшего брата Кавеньяка — Годфруа. Начиная адвокат, он вскоре оставил юриспруденцию и целиком посвятил себя журналистике и общественной деятельности. В июльские дни 1830 года Годфруа Кавеньяк с группой студентов участвовал в штурме Лувра, затем вступил в Национальную гвардию, воссозданную генералом Лафайетом. Установление Июльской монархии Годфруа воспринял как измену революции, которая, по его убеждению, должна была завершиться провозглашением Республики. Он стал активным участником республиканских организаций — «Общества друзей народа», «Общества прав человека» и «Ассоциации в защиту патриотической прессы». В апреле 1831 года он и восемь его товарищей были обвинены в подготовке антиправительственного восстания, арестованы и отданы под суд, на котором Кавеньяк публично заявил о своих республиканских убеждениях, не совместимых с существующим режимом. Выступление на открытом судебном процессе сделало его известным всей Франции, и власти не решились тогда отправить Годфруа в тюрьму.

Удобный случай представился им три года спустя. В ночь на 15 апреля 1834 года Годфруа Кавеньяк и его единомышленники предприняли в Париже вторую попытку свержения режима Луи-Филиппа. Выступление республиканцев было подавлено, а его организаторы, включая Годфруа Кавеньяка, были брошены в тюрьму. Но 12 июля 1835 года Кавеньяк и еще 26 узников сумели бежать из считавшейся самой надежной парижской тюрьмы Сент-Пелажи. В конце 1835 года ему с двумя единомышленниками удалось перебраться в Англию, где французские республиканцы развернули активную деятельность против Июльской монархии.

Разумеется, столь сомнительное родство мешало Эжену Кавеньяку продвигаться по службе, хотя непосредственные начальники были о нем высокого мнения.

В 1836 году Эжен Кавеньяк вновь заставил вспомнить о себе, когда, имея под командой всего один батальон (500 штыков), без запасов провианта, выдержал 15-месячную осаду в приграничном с Марокко форте Тлемсен. Недостающее продовольствие осажденные французы добывали отчаянными вылазками в расположение противника. Кавеньяк подавал солдатам личный пример мужества и стойкости. Он питался из одного с ними котла, отказавшись от положенных ему привилегий. Абд-эль-Кадеру с превосходящими силами так и не удалось взять этот стратегически важный пункт. На всем протяжении затянувшейся блокады гарнизона генерал Тома-Робер Бюжо, главнокомандующий французскими войсками в Алжире, неоднократно просил военного министра поощрить наградами героических защитников Тлемсена, однако всякий раз получал отказ. В Париже не желали награждать Кавеньяка и его подчиненных.

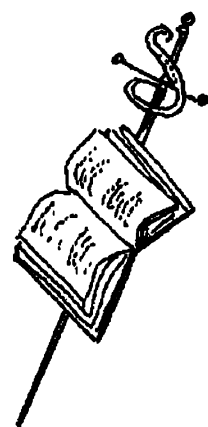
Когда осада была снята, главнокомандующий представил Кавеньяка к очередному званию. Однако строптивый второй капитан потребовал, чтобы отмечены были все офицеры его батальона, заявив, что в противном случае откажется от повышения. Министр вынужден был согласиться, тем более что подвиг защитников Тлемсена получил освещение в прессе. Засидевшийся во вторых капитанах Кавеньяк наконец-то получил чин майора. Проблемы со здоровьем и семейные дела вскоре побудили его взять отпуск и уехать во Францию, где он провел более года.

В 1839 году Кавеньяк возвращается в Алжир и принимает активное участие в боевых действиях. В боях он получает два тяжелых ранения. Заслуги Кавеньяка, несмотря на неприятно звучащую для правительства фамилию, становится трудно не замечать. В 1841 году он получает офицерский, а в 1843-м — командорский крест Почетного легиона. Одновременно Кавеньяк продвигается в чинах и должностях. В 1841 году он уже полковник, командир полка зуавов (легкая пехота во французских колониальных войсках). После сражения при Исли, на алжиро-марокканской границе (14 августа 1844 года), где французы разгромили армию султана Марокко Абд-аль-Рахмана и отряды Абд-эль-Кадера, Кавеньяк, командовавший французским авангардом, получает звание бригадного генерала*.

Продвижение Кавеньяка по ступеням военной иерархии совпало с апогеем известности его старшего брата Годфруа. Весной 1840 года Годфруа Кавеньяк, амнистированный великодушным Луи-Филиппом, после почти пятилетнего отсутствия возвращается во Францию, где немедленно возобновляет активную общественную деятельность. В это время он сближается с молодым журналистом и начинающим историком Луи Бланом, придерживавшимся социалистических взглядов. Среди его единомышленников — Александр-Огюст Ледрю-Роллен, Виктор Шёршель, Фердинанд Флокон, христианский социалист Фелисите Робер де Ламенне и другие убежденные республиканцы.

Вместе с ними Годфруа Кавеньяк в июле 1843 года участвует в создании газеты «Реформа» («La Réforme»), превратившейся в рупор республиканских идей. Это оппозиционное издание, быстро получившее широкую популярность, в значительной степени подготовило почву для революции 1848 года, в которой самое активное участие примут друзья-единомышленники Годфруа Кавеньяка. Но ему самому не суждено было увидеть

* Формально звание, полученное Кавеньяком, называлось тогда иначе — *maréchal de camp* (полевой маршал). Впервые оно появилось во Франции еще в XV веке и просуществовало до 1793 года, когда была введена новая, двухступенчатая система генеральских званий — бригадный и дивизионный генерал. Режим Реставрации восстановил звание полевого маршала, сохранившееся и при Июльской монархии. После Февральской революции 1848 года вновь вернулись к званию бригадного генерала.

воплощение своих республиканских идеалов. 5 мая 1845 года в возрасте сорока четырех лет он умер вследствие обострения хронического плеврита. Его похороны были превращены в многотысячную антиправительственную акцию.

Генерал Кавеньяк никогда не скрывал, что во многом разделяет убеждения старшего брата. Более того, он гордился своим братом-оппозиционером.

Республиканские взгляды генерала Кавеньяка не помешали благожелательному к нему отношению со стороны нового генерал-губернатора Алжира герцога Омальского (сына короля Луи-Филиппа), возглавившего гражданскую и военную администрацию колонии в сентябре 1847 года. Герцог Омальский знал Кавеньяка давно — с 1839 года, когда впервые, будучи младшим лейтенантом, был послан отцом-королем в Алжир набираться военного опыта. Впоследствии этот отпрыск Орлеанского дома еще дважды побывал в Алжире и участвовал в боевых операциях. Он ценил командирские качества Кавеньяка, а кроме того усмотрел в нем способности гражданского администратора. Этим объясняется его решение назначить генерала губернатором Оранской провинции. На новом посту Кавеньяк проявил себя с наилучшей стороны, сочетая заботу о подчиненных ему войсках с уважительным отношением к коренному населению. Не случайно арабы называли его «справедливым султаном».

Пока генерал Кавеньяк управлял Оранской провинцией в Алжире, в Париже произошла революция, ликвидировавшая 24 февраля 1848 года режим Июльской монархии. Сформированное в тот же день республиканское Временное правительство имело все основания опасаться угрозы со стороны 100-тысячной Африканской армии во главе с сыном свергнутого Луи-Филиппа. Никто не мог гарантировать, что герцог Омальский не пересечет Средиземное море, дабы посадить на трон своего девятилетнего племянника графа Парижского, в чью пользу «король-гражданин» Луи-Филипп I отрекся 24 февраля.

Желая предотвратить военную интервенцию из Алжира, члены Временного правительства решили сделать ставку на брата своего недавно умершего единомышленника генерала Эжена Кавеньяка, о чьих республиканских симпатиях они были хорошо осведомлены. Поэтому одним из первых распоряжений Временного правительства бригадный генерал Эжен Кавеньяк был произведен в дивизионные генералы и назначен генерал-губер-

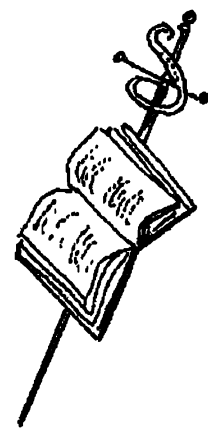
натором Алжира. Смещенный с этого поста герцог Омальский счел за благо немедленно покинуть Алжир и отправиться в Англию, где уже обосновались изгнанные из Франции Орлеаны.

Будучи человеком трезвомыслящим, Кавеньяк без труда нашел причину своего неожиданного возвышения. «Вы, точно так же, как и я, — объявил он в обращении к жителям алжирской столицы, — знаете, что память о моем благородном брате, живущая между гражданами, меня избравшими, побудила их вручить мне управление делами Алжира». Ту же мысль он выразил и в прокламации, адресованной жителям Орана: «Моим назначением правительство хотело от имени нации почтить память доблестного гражданина, моего брата».

«Этим прямодушным сознанием очень хорошо определяется и личный характер Кавеньяка, и его справедливое понятие о степени своих достоинств, — отметил Н.Г. Чернышевский в очерке, посвященном памяти генерала Кавеньяка (1857). — Он сам указывает, что далеко не имеет гения, каким отличался его старший брат; что если бы не блеск, сообщенный его имени деятельностью брата, он не был бы замечен как человек, которого надобно выдвинуть вперед; но только человек, вполне уверенный, что своими достоинствами оправдает выбор, которым обязан постороннему обстоятельству, уверенный, что никто не назовет его недостойным занятого им места, может так прямо и громко говорить, что еще больше, нежели самому себе, одолжен он своим выбором заслугам другого».

На выборах в Учредительное собрание, которое должно было легитимировать провозглашенную 25 февраля 1848 года Вторую республику*, Кавеньяк сознательно отказался баллотироваться от французских колонистов подчиненного его власти Алжира, считая, что такое гарантированное избрание не может быть признано безупречным. Он выставил свою кандидатуру одновременно в двух департаментах метрополии — Сена и Лот (Аквитания) и в обоих в апреле 1848 года одержал убедительную победу. «Он хотел сохранить себя совершенно чистым от всякого подозрения в искательстве, в честолюбии, в желании пользоваться

* Как известно, первая Французская республика была учреждена 22 сентября 1792 года и просуществовала до 18 мая 1804 года, когда Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором французов, а Францию — империей.

данной ему властью для какой-либо личной выгоды», — заметил по этому поводу симпатизировавший ему Н. Г. Чернышевский.

26 февраля, через два дня после падения Июльской монархии, под давлением левых радикалов был принят декрет об организации так называемых национальных мастерских с целью обеспечить занятостью безработных рабочих и разорившихся ремесленников. Декретом от 2 марта была сокращена на один час продолжительность рабочего дня (10-часового в Париже и 11-часового в провинции). 5 марта было объявлено о введении во Франции всеобщего избирательного права при тайном голосовании для мужчин, достигших 21 года.

В то же время обострившееся финансовое положение вынудило правительство принять 16 марта решение о повышении на 45 процентов прямых налогов, что вызвало взрыв недовольства.

В этих условиях правительство нуждалось в таком решительном военачальнике, как генерал Кавеньяк. Ему несколько раз делали предложение занять пост военного министра, но он, чувствуя неизбежность конфликта, выставлял условием разрешить ему сосредоточить в непосредственной близости от Парижа армию, способную в случае вооруженных беспорядков восстановить спокойствие в столице. А это было неприемлемо для леворадикальных членов правительства — Луи Блана и Альбера.

Выборы в Учредительное собрание оказались благоприятны для умеренных республиканцев; они получили половину мест в парламенте (450 из 900). Левые радикалы обеспечили себе 200 депутатских мандатов, причем ряд их лидеров в парламент не прошли. Остальные места поделили между собой монархисты — орлеанисты и легитимисты.

Учредительное собрание начало свою работу 4 мая 1848 года с принятия декларации, подтверждающей установление во Франции республиканской формы правления. Вторым своим решением Собрание расформировало Временное правительство и избрало так называемую Исполнительную комиссию, наделив ее правительственными функциями. Все посты в новом государственном органе достались умеренным республиканцам. Недовольные отстранением от власти левые радикалы при поддержке революционных клубов организовали 15 мая многотысячную антиправительственную демонстрацию и попытались захватить

здание Учредительного собрания. Одновременно они сформировали революционное Временное правительство.

В Исполнительной комиссии тут же вспомнили о генерале Кавеньяке и его предложении — создать боеспособную ударную силу в окрестностях Парижа для подавления антиправительственных выступлений. Кавеньяку предложили войти в состав Комиссии в качестве военного министра.

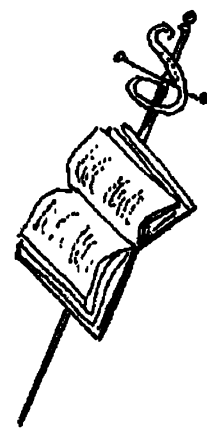
На этот раз Кавеньяк принял предложение. 17 мая 1848 года он стал членом Исполнительной комиссии и сразу же приступил к наведению порядка. Лидеры мятежников — Бланки, Барбес, Распай, Альбер и др. — были арестованы. Спешно началось переформирование войск, расквартированных в Парижском районе.

Поводом к столкновению послужило правительственное распоряжение о реорганизации «национальных мастерских»*, откуда были уволены все холостые рабочие от 18 до 25 лет, подлежащие немедленной мобилизации в армию, и об отправке остальных рабочих на земляные работы в столице и в провинции. Тысячи заводских рабочих, слесарей, ткачей, портных, наборщиков, граверов, ювелиров, фортепьянщиков и прочий ремесленный люд обратили в землекопов. Это решение правительства, помимо соображений экономии финансов, было продиктовано желанием властей убрать из Парижа активных участников майского выступления, значительную часть которых составляли именно рабочие «национальных мастерских».

Правительственное распоряжение было опубликовано 22 июня 1848 года, а уже на следующий день столицу охватило восстание. По некоторым оценкам, число его участников достигало 40 тысяч человек. Лозунги восставших: «Хлеба или свинца!», «Свинца или работы!», «Жить работая или умереть сражаясь!», «Да здравствует демократическая и социальная республика!», «Долой эксплуатацию человека человеком!».

Правительство и верхушку буржуазии охватила паника. Их взоры обратились к генералу Кавеньяку, который получил от

* Создание «национальных мастерских» с постоянно возрастающей численностью работников обернулось огромными тратами. К июню 1848 года число рабочих, занятых в «национальных мастерских», достигло 150 тысяч, увеличившись в семь с половиной раз по сравнению с мартом месяцем.

Учредительного собрания всю полноту исполнительной власти. Фактически его наделили диктаторскими полномочиями.

В течение трех дней — 24, 25 и 26 июня — генерал-диктатор «железом и кровью» подавил восстание, пустив в ход весь имевшийся в его распоряжении военный арсенал, включая артиллерию. «Картель, бомбы и ядра трое суток осыпали кварталы, занятые инсургентами, — и только это страшное действие артиллерии доставляло перевес регулярному войску. Рукопашные битвы были чрезвычайно упорны... Ветераны наполеоновских времен говорили, что никакой штурм неприятельской крепости во времена Первой империи не был так кровопролитен», — отмечал русский современник описываемых событий.

Генерал разработал план операции, предполагавший сосредоточение крупных сил на одном главном участке, выбранном для последующего наступления. В других частях охваченного восстанием города он придерживался оборонительной тактики. Начав наступление на позиции повстанцев с выбранного направления, Кавеньяк стремился разорвать сообщение между повстанческими отрядами, контролировавшими различные городские кварталы, изолировать их, а затем поочередно «зачищать» с помощью артиллерии. «Знатоки военного дела говорят, что этот план был превосходно и задуман, и исполнен Кавеньяком и что при всякой другой системе борьбы инсургенты на некоторое время, по всей вероятности, овладели бы всем Парижем», — писал об этом Н.Г. Чернышевский.

Кавеньяк не жалел никого — даже собственных солдат и офицеров, что ранее было ему несвойственно. За три дня уличных боев невосполнимые потери правительственных войск составили более 1600 человек. Среди убитых было шесть генералов из четырнадцати, задействованных в карательной операции. Пять других были ранены. Потери мятежников, по оценкам, превысили 5 тысяч человек. Более 11 тысяч парижан, заподозренных в участии в восстании, были арестованы.

Сразу же после подавления восстания распоряжением «главы исполнительной власти» — так отныне называлась должность генерала Кавеньяка — в Париже было введено осадное положение (*état de siège*), предполагавшее временную передачу всех управленческих, полицейских и судебных функций армии. Другим распоряжением Кавеньяка были окончательно ликвидированы национальные мастерские, как очаги мятежных настрое-

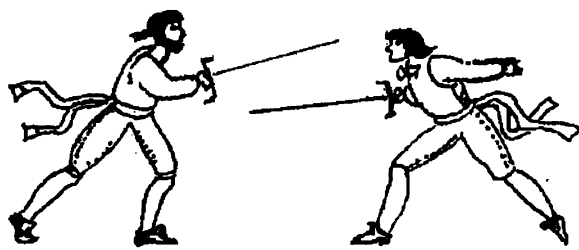
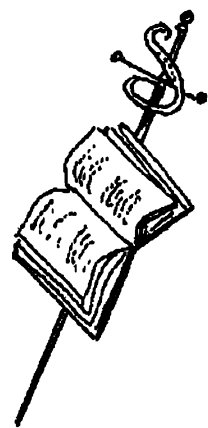
ний. Был наложен запрет на выход всех оппозиционных газет и журналов. Участники восстания (более 4 тысяч человек) были депортированы в отдаленные заморские владения Франции.

Опомнившееся от пережитого ужаса Учредительное собрание предложило дивизионному генералу Кавеньяку принять маршальский жезл, но он отказался от этой чести, справедливо полагая, что звание маршала Франции добывается на полях сражений с внешним противником, но не в уличных боях с собственными гражданами. Но как только порядок был восстановлен, Кавеньяк согласился занять пост председателя Совета министров. Он занимал его вплоть до 20 декабря 1848 года, когда стали известны результаты выборов президента Второй республики.

Широкая известность, которую обрел Кавеньяк после подавления Июньского восстания, имела две стороны: для консервативно-либеральных кругов он был героем, спасителем от революционного насилия и хаоса; для демократов и социалистов, для низших городских слоев общества — кровавым диктатором. О таком противоречивом отношении к Кавеньяку свидетельствовал и агент Третьего отделения в Париже Яков Николаевич Толстой, внимательно следивший за развитием событий во французской столице. «По мнению многих людей, — сообщал в Петербург Толстой, — генерал Кавеньяк — человек выдающийся. Лстецы сравнивают его с Вашингтоном по организаторским способностям и с Наполеоном — по манере выражаться кратко и сжато; наконец, по мнению партии, которая его поддерживает, это — избранник Провидения. Зато монтаньяры, коммунисты и вся иступленная республиканская клика поклялась преследовать его своей мезтью...»

Российский посланник в Париже Николай Дмитриевич Киселев в донесениях в Петербург не скрывал своего восхищения «прекрасным поведением» и «блестящей храбростью» генерала в июньские дни. Он считал его единственно способным остановить дальнейшее развитие революции во Франции и ее расползание по Европе, чего так опасался Николай I. Поэтому именно Кавеньяка царь хотел бы видеть во главе Французской республики после президентских выборов, назначенных на декабрь 1848 года.

Внимательное наблюдение за Кавеньяком постепенно привело парижского резидента Третьего отделения к выводу, что

позиции генерала не так уж прочны, как представлялось на первый взгляд, а перспектива всеобщих выборов президента не исключает возможного провала главы исполнительной власти. «Диктатура генерала Кавеньяка начинает вызывать в стране нетерпение, — сообщал в Петербург Толстой. — В провинции недовольство особенно ясно выражается, и оно уже во многих местах прорывается в восстаниях, стоивших жизни многим людям. Генерал Кавеньяк пользуется, очевидно, системой, которая в такой буйной стране, как Франция, не может принести пользы. Система эта, прозванная прессой “золотой серединой”, является скорее всего выражением нерешительности характера: с одной стороны, он свирепствует самым жестоким образом против анархистов; с другой стороны, он объявляет себя горячим сторонником демократической республики. В Париже открыто говорят о ложной позиции, занятой им; сохранение осадного положения истолковывается как доказательство его неспособности управлять иначе нежели опираясь на штыки».

Вскоре Толстой утвердился в убеждении, что позиции Кавеньяка достаточно шаткие не только в обществе, но даже в армии. «Генерал Кавеньяк, как известно, — докладывал Толстой 30 сентября 1848 года начальнику Третьего отделения графу А. Ф. Орлову, — обязан своим положением только своему имени: он сын террориста, отвратительного человека, брат заговорщика. Как военный, он пользуется более чем посредственной репутацией. Еще шесть месяцев тому назад военные, бывшие во Франции, почти не имели представления о его существовании... Генерал Кавеньяк весьма мало популярен в армии; казалось бы, однако, что военные должны бы быть польщены, видя одного из своих начальников во главе правительства; но его неспособность известна — его видели и оценили в Африке. Все отдают справедливость его личной храбрости, но эта храбрость — без блеска и решимости, не имеющая в себе ничего, что действует на солдата и вызывает его обожание. Вообще в армии не верят в энергию и силу характера председателя Совета [министров]. Солдаты о нем говорили: “Это корова в львиной шкуре”.

Что касается его административной деятельности, длившейся несколько недель, то она была в высшей степени плачевна. Как только он был назначен алжирским генерал-губернатором, все

пришло в беспорядок. Никогда еще дела колонии не велись так плохо. Таким образом, он явился во Францию при обстоятельствах, не обещавших ничего хорошего; но, благодаря воспоминаниям, которыми, однако, ему нет основания особенно гордиться, покровительству газеты «Насьональ»* и случайному стечению обстоятельств — он возглавляет правительство Франции.

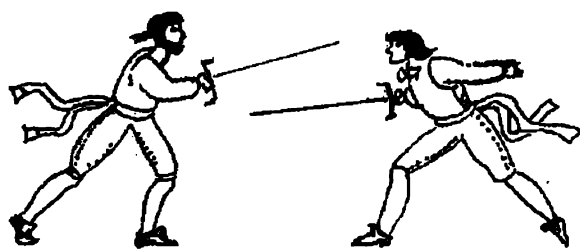
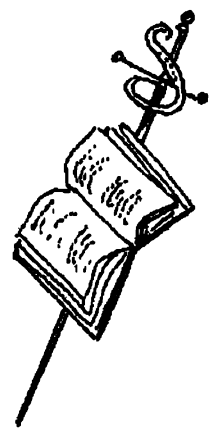
Генералы Ламорисьер, Бедо, Шангарнье**, считающие себя более достойными, чем г-н Кавеньяк, не могли без чувства горечи видеть этого возвышения, ставившего их в подчинение человеку, ниже их стоявшему. Эти три генерала, смотря по обстоятельствам, сделаются руководителями или орудиями партий, которым понадобится их шпага для того, чтобы противопоставить ее республиканской клике генерала Кавеньяка».

Июньский кризис побудил Учредительное собрание ускорить подготовку конституции Второй республики, где наряду с однопалатным парламентом (Законодательным собранием), предполагалось учреждение поста президента, избираемого всенародным голосованием и наделенного широкими полномочиями. Занять этот пост желали многие из лидеров Февральской революции — Ледрю-Роллен, Ламартин, Распай, а также генерал Шангарнье, тогдашний главнокомандующий Национальной гвардии и войсками столичного гарнизона — это была внушительная сила, до 100 тысяч штыков.

К числу претендентов на президентское кресло присоединился вернувшийся из эмиграции принц Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона. Но безусловным фаворитом считался Кавеньяк.

* В 1846 году главным редактором «Насьональ» стал Арман Марра, при котором эта прежде либеральная газета получила республиканскую направленность. А. Марра постоянно поддерживал генерала Кавеньяка, брата своего покойного друга.

** Речь идет о генералах Африканской (Алжирской) армии, недовольных стремительным и необоснованным, как они полагали, взлетом карьеры своего сослуживца. Большинство из них в отличие от республиканца Кавеньяка были убежденными монархистами и не были склонны одобрять республиканский строй, установленный во Франции в феврале 1848 года. Один из этих генералов — Н. Шангарнье — составит конкуренцию Кавеньяку на президентских выборах, но потерпит сокрушительное поражение.

К концу октября 1848 года работа над конституцией завершилась, и 4 ноября Учредительное собрание утвердило ее. Выборы главы государства назначили на 10 декабря 1848 года.

За два дня до выборов резидент Третьего отделения докладывал в Петербург: «Согласно закону новой конституции, для того чтобы кандидат мог быть избран в президенты непосредственно народом, он должен получить больше половины всех поданных голосов, иначе он должен подвергнуться двухстепенным выборам. Это значит, что Национальное собрание решает, который из кандидатов, получивших наибольшее количество голосов, будет назначен президентом. Это распоряжение было ловко учтено кликой “National”, чтобы обеспечить назначение генерала Кавеньяка и устранить Луи Бонапарта... Бесспорно, огромные массы населения провинции расположены в пользу Луи Бонапарта. За Ледрю-Роллена будут голосовать ультрадемократы больших городов; за Кавеньяка же — все те, которые поддерживают настоящее правительство. Вместе с тем много избирателей и сторонников красной республики, не надеясь собрать достаточное количество голосов для избрания Распая, расположены отдать свои голоса Кавеньяку, чтобы отвести Луи Бонапарта, в лице которого они видят представителя реакции. Кавеньяк был бы продолжением настоящего положения вещей; Бонапарт же означает некоторое изменение, как бы пришествие династии».

Результаты голосования в целом подтвердили прогноз Толстого и не оправдали надежд умеренных республиканцев, сторонников генерала Кавеньяка. Из 7 миллионов 300 тысяч французских избирателей Кавеньяк получил в свою поддержку лишь 1 миллион 448 тысяч голосов. Его главный противник, Луи-Наполеон Бонапарт, собрал в четыре раза больше голосов — 5 миллионов 434 тысячи (более 70 процентов) и одержал убедительную победу. Результаты остальных кандидатов оказались весьма скромными, а для некоторых даже позорно низкими: Ледрю-Роллен — 371 тысячу голосов; Распай — чуть более 36 тысяч; Ламартин — менее 18 тысяч. Список неудачников замыкал крайне амбициозный генерал Шангарнье, получивший смехотворную поддержку — 4790 голосов.

Избирательный ресурс главы исполнительной власти оказался вовсе не таким большим, как представлялось многим. Против Кавеньяка сработал новый избирательный закон, предоста-

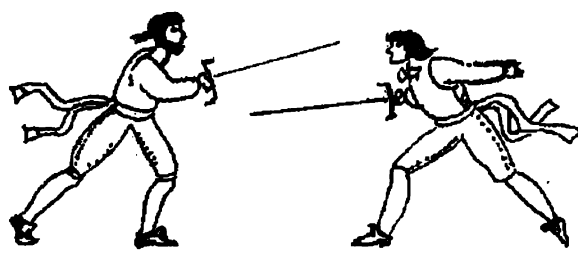
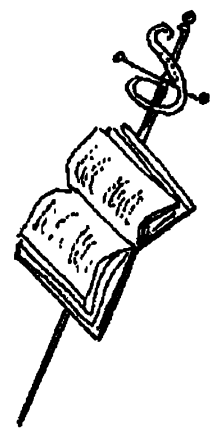
вивший право голоса всем гражданам мужского пола, включая малоимущих. Несомненно, что при прежней, цензовой системе голосования благодаря поддержке крупной и средней буржуазии победителем стал бы именно он. Но численность избирателей из этих слоев была несопоставима с массой малоимущих граждан Второй республики. В глазах этих людей Кавеньяк был необратимо скомпрометирован кровавым подавлением Июньского восстания в Париже, поэтому они предпочли отдать свои голоса его противникам — Луи-Наполеону, обещавшему решить наболевший «рабочий вопрос», Ледрю-Роллену, Распаю или Ламартину.

Поражение Кавеньяка было столь очевидным, что он не стал оспаривать результаты выборов. Не прибегнул генерал и к испытанному средству многих диктаторов — государственному перевороту в свою пользу. В этом отношении он повел себя достойно (недаром некоторые сравнивали его с Джорджем Вашингтоном).

20 декабря Национальное (Законодательное) собрание утвердило результаты голосования, после чего присутствовавший на заседании генерал Кавеньяк поднялся на трибуну и объявил о сложении с себя полномочий главы исполнительной власти и председателя Совета министров.

Оставаясь депутатом Законодательного собрания, он встал в оппозицию принцу-президенту Луи-Наполеону, справедливо подозревая Бонапарта в далеко идущих намерениях, противоречащих республиканским принципам. Его нечасто видели на парламентской трибуне, но, когда это происходило, Кавеньяк резко критиковал попытки главы государства расширить свои полномочия в ущерб прерогативам законодательной власти. Он решительно воспротивился намерению Луи-Наполеона продлить эти полномочия путем частичного пересмотра конституции, запрещавшей президенту занимать этот пост более одного срока.

Видя сопротивление своим планам, Луи-Наполеон 2 декабря 1851 года осуществил государственный переворот. Были распущены Законодательное собрание и Государственный совет, арестованы лидеры оппозиции. Кавеньяк был арестован одним из первых. Его доставили в тюрьму предварительного заключения Мазас, располагавшуюся неподалеку от Лионского

вокзала, а затем перевели в крепость-тюрьму Ам (департамент Сомма), где десятью годами раньше отбывал до своего побега срок Луи-Наполеон. Но в отличие от Луи Бонапарта заключение генерала Кавеньяка продлилось чуть более месяца. Убедившись в том, что бонапартистский режим обрел устойчивость, принц-президент великодушно освободил своего недавнего соперника из тюрьмы и даже позволил принять участие в выборах в новый парламент — Законодательный корпус.

В марте 1852 года Кавеньяк победил в одном из избирательных округов Парижа и вновь стал депутатом. Однако принять участие в парламентской работе ему не довелось. Кавеньяк отказался выполнить необходимое требование — принести присягу верности новому режиму — и не был допущен к работе в Законодательном корпусе.

Вскоре он был вынужден уехать из Парижа. Он уединился в своем имении Урн в департаменте Сарта (бывшая историческая провинция Мэн) на западе Франции. Там он коротал время в кругу своей маленькой семьи, состоявшей из супруги — Луизы, урожденной Одье, и только что родившегося сына — Эжена Годфруа, названного в честь покойного дяди.

Находясь вдали от столицы, Кавеньяк внимательно следил за происходившей там политической жизнью, главным событием которой стало уничтожение республиканского строя и провозглашение в декабре 1852 года Второй (бонапартистской) империи во главе с Наполеоном III. Старому республиканцу не оставалось ничего другого, как сокрушенно констатировать, что его давние подозрения в отношении Бонапарта оказались верными.

Кавеньяк налаживает контакт с редакцией республиканской газеты «Siècle», где публикует статьи с критикой бонапартистского режима. Время от времени он навещает Париж, но надолго там не задерживается. В марте 1857 года он в третий раз избирается в парламент, но, как и пятью годами ранее, отказывается присягнуть — на этот раз Второй империи. Затем он возвращается в Урн.

28 октября 1857 года Кавеньяк скоропостижно умер в возрасте 55 лет.

Наверное, самый содержательный некролог на смерть Кавеньяка написал человек не только далекий от генерала по полити-

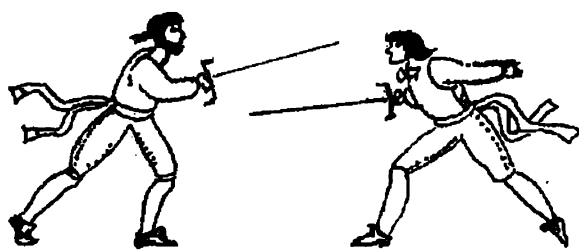
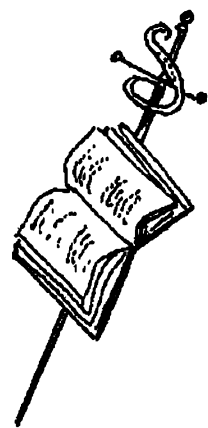
ческим взглядам, но придерживавшийся совершенно противоположных — демократических и социалистических убеждений. Это уже упоминавшийся русский публицист, литературный критик и писатель Н. Г. Чернышевский. Фрагментом этого очерка, опубликованного в 1858 году в № 1 журнала «Современник», мы и завершим рассказ о жизни генерала Кавеньяка:

«...Внезапная смерть предводителя “умеренных республиканцев” Франции для многих его соотечественников была тяжелой потерей, для многих других — облегчением опасностей. Друзья Кавеньяка прямо выразили свою печаль, но враги его не отважились обнаружить своей радости; боясь признаться в шаткости своего положения тем, когда выразят удовольствие, что смерть Кавеньяка освободила их от одного из их страхов, они поспешили принять вид также огорченный и присоединить свои притворные сожаления к искренней скорби друзей покойного. “Moniteur”, “Constitutionnel” и другие органы декабрьской (бонапартистской. — П. Ч.) системы наравне с “чистыми республиканцами” превознесли его “великие, безмерные услуги” Франции, называя его даже “спасителем отечества”.

Но если многочисленны во Франции друзья и противники партии, предводителем которой был Кавеньяк, то еще многочисленнее люди, смотрящие на эту партию со спокойным беспристрастием, как на историческое явление, уже отжившее свой век, как на бесцветный остаток старины, бессильный в будущем и на добро, и на зло, обсуждающие прошлую ее деятельность без всякого увлечения надеждами или опасениями.

Они думают, что в панегириках над гробом Кавеньяка, внушенных одним искренностью чувства, другим — соображениями приличия и расчетливости, гораздо больше риторики или ослепления, нежели основательности. Они находят, что Кавеньяк, заслуживавший полного уважения, как частный человек, качествами своего характера, вовсе недостоин ни удивления, ни даже признательности как государственный человек; что при всем своем желании быть полезным родине он во время своего диктаторства принес ей гораздо больше вреда, нежели пользы, потому что убеждениям, руководившим его действиями, недоставало практичности, и действия его не соответствовали потребностям общества, которым привелось ему управлять.

Его образ мыслей испортил все дело. Высокая честность, энергическая воля, добрые намерения — этих качеств совер-

шенно достаточно для почтенной деятельности в размеренном круге частной жизни, где все определяется обычными отношениями и объясняется многочисленными примерами. Этими достоинствами обладал Кавеньяк; но их мало государственному человеку, который постоянно находится в отношениях очень многосложных, в положениях, неразрешимых прежними случаями, потому что в истории ничто не повторяется, и каждый момент ее имеет свои особенные требования, свои особенные условия, которых не бывало прежде и не будет после. Без достоинств, уважаемых обществом в частном человеке, государственный человек не будет полезен родине; но, кроме их, ему нужны еще другие, высшие достоинства.

Он должен верно понимать силы и стремления каждого из элементов, движущих обществом; должен понимать, с какими из них он может вступать в союз для достижения своих добрых целей; должен уметь давать удовлетворение законнейшим и сильнейшим из интересов общества как потому, что удовлетворения им требует справедливость и общественная польза, так и потому, что, только опираясь на эти сильнейшие интересы, он будет иметь в своих руках власть над событиями. Без того его деятельность истощится на бесславную для него, вредную для общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые им, восстанут против него, и результатом будут только бесплодные стеснительные меры, которые необходимо приводят или к упадку государственной жизни, или к падению правительственной системы, чаще всего к тому и другому вместе.

Так было и с Кавеньяком. Он наделал ошибок, которые дорого стоили Франции и низвергли его собственную власть. В нем не было качеств, нужных государственному человеку.

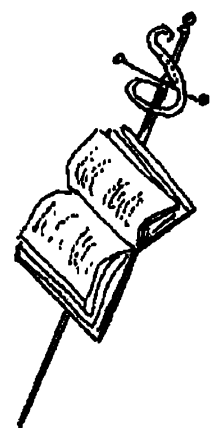
Не говоря теперь о том, хороши или дурны были цели Кавеньяка, скажем только, что имени государственного человека заслуживает единственно тот правитель, который умеет располагать свои действия сообразно этим целям; а у Кавеньяка каждое правительственное действие противоречило его целям, служило в пользу не ему, а его противникам. Вся его государственная деятельность обратилась только в пользу Луи-Наполеону. Тот плохой государственный человек, кто работает во вред себе, в выгоду своим противникам.

Но ответственность за ошибки Кавеньяка не должна падать исключительно на него. Она падает на всю ту партию, пред-

ставителем которой он был, потому что он действовал не по личным своим расчетам и выгодам, а только как служитель известного образа мыслей, общего ему со всею партией “чистых республиканцев”; он постоянно руководился мнениями этой партии; ошибки его — не его личные ошибки, а заблуждения целой партии; ими обнаруживается несостоятельность для Франции того образа мыслей, которого он держался. “Чистые республиканцы” забывали, что политическая форма держится только тем, когда служит средством для удовлетворения общественных потребностей; они воображали, что слово “республика” само по себе чрезвычайно привлекательно для французской нации; они хлопотали о форме, не считая нужным позаботиться о том, чтобы форма принесла с собою исполнение желаний французского народа; они мечтали, что народ, не получая от формы никаких существенных выгод для себя, станет защищать форму ради самой формы. И форма упала, не поддерживаемая народом».

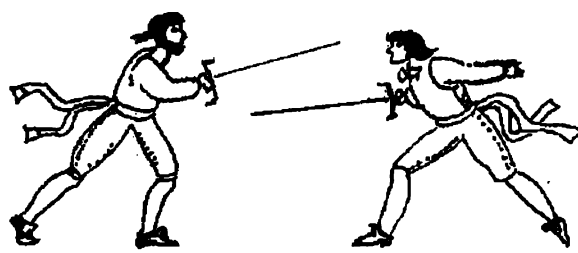
Драма генерала колониальных войск Эжена Кавеньяка состояла в том, что, как политик, он обнаружил свою полную несостоятельность. Французы, в 1848 году впервые получившие возможность свободного политического выбора, решительно отвергли притязания генерала-карателя на роль законно избранного главы государства.

Кавеньяк не сумел стать и подлинным вождем выдвинувшей его на первый план партии так называемых умеренных республиканцев. Да и сами претензии умеренных республиканцев на власть оказались преждевременными, что подтвердила недолгая история созданной ими, но фактически так и несостоявшейся Второй республики. Потребуется еще три десятилетия, прежде чем они достигнут своей заветной цели — окажутся у руля власти уже в Третьей республике.

Наполеон III

До сих пор у себя на родине Наполеон III остается отрицательным персонажем для подавляющего большинства французов. Когда в апреле 2008 года исполнилось 200 лет со дня его рождения, этот юбилей прошел во Франции практически незамеченным. Все ограничилось скромными мероприятиями в Биаррице, во многом обязанном своей известностью Напо-

леону III и императрице Евгении. И лишь Министерство обороны Франции без широкой огласки отправило в Англию, где покоятся останки императора, военно-транспортный самолет с небольшой делегацией, дабы отслужить молебен у могилы Наполеона III.

Современное французское общество остается во власти представлений о «Наполеоне малом», внушенных обличительным талантом Виктора Гюго и Эмиля Золя — двух столь же неприемлимых, сколь и авторитетных критиков Наполеона III и созданного им режима Второй империи. На протяжении целого столетия после его смерти никто из историков не осмеливался подвергнуть сомнению вынесенный двумя великими французами приговор незадачливому императору*.

Так кем же был наследник и продолжатель дела Наполеона I, сумевший воссоздать бонапартистскую империю и на протяжении без малого двух десятилетий быть одним из самых влиятельных в Европе правителей?

Когда в ночь с 20 на 21 апреля 1808 года в роскошном парижском особняке на улице Серрюти (ныне рю Лаффит) на свет появился Шарль Луи-Наполеон (с самого начала в семье его станут называть просто Луи или Луи-Наполеон), никто, включая родителей новорожденного, не мог предположить, что именно ему суждено будет стать преемником великого императора.

Отцом основателя Второй империи был Людовик, младший брат Наполеона. Он сопровождал Бонапарта в Итальянском и Египетском походах и проявил храбрость. В то же время Людовик Бонапарт был совершенно равнодушен и к воинской славе, и к политике.

В январе 1802 года Наполеон женил брата, не посчитавшись с его желанием, а точнее — с нежеланием, на своей падчерице, Гортензии Богарне, дочери Жозефины от первого брака. Таким образом, новорожденный Луи-Наполеон доводился племянником Наполеону и внуком — императрице Жозефине. Правда,

* Виктор Гюго наделил Наполеона III презрительными эпитетами — «Наполеон малый», «ничтожество, стоящее у власти», «мелкий пошляк», «выродок», «свирепый тиран», «жалкая мразь», «пигмей» и т. д. А Эмиль Золя создал обличительный портрет Второй империи в знаменитом цикле романов «Ругон-Маккары».

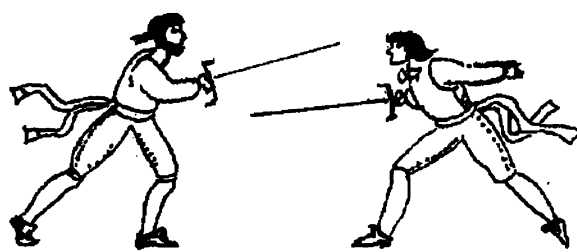
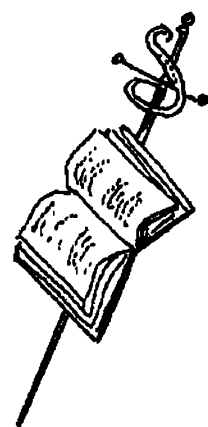
уже через год после рождения малыша его бабушка, оставленная мужем ради его второго брака с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой, перестанет быть царствующей императрицей, но Наполеон тем не менее изъявил желание быть крестным отцом своего племянника. Крестины состоялись в воскресный день 4 ноября 1810 года во дворце Фонтенбло, причем в отсутствие отца ребенка, что породило новую волну молвы об интимных отношениях Наполеона со своей падчерицей, к чьим детям он относился с подчеркнутым вниманием.

По слухам, впрочем совершенно необоснованным, именно император был отцом всех трех сыновей Гортензии. Особо он отличал старшего из своих племянников — Наполеона Шарля, родившегося в 1802 году. Не имея от Жозефины детей, Наполеон вознамерился даже сделать его своим наследником и пожелал усыновить малыша, но натолкнулся на сопротивление законного отца мальчика, уязвленного слухами об отношениях старшего брата и своей супруги.

Отказ Людовика уступить желанию Наполеона раздосадовал императора, осложнив и без того непростые отношения между братьями. Между тем в 1807 году, не достигнув и пяти лет, Наполеон Шарль умирает, и потенциальным наследником все еще бездетного Наполеона становится второй сын Людовика и Гортензии — Наполеон Людовик, родившийся в 1804 году, одновременно с учреждением Империи. Их третий сын, годовалый Луи-Наполеон, — следующий претендент на престол Бонапартов.

Исключительному положению детей Гортензии при дворе императора французов пришел конец в марте 1811 года, когда Мария-Луиза, вторая жена Наполеона, подарила мужу долгожданного наследника. Именно король Римский считался отныне преемником Наполеона. Гортензии пришлось довольствоваться тем, что она стала крестной матерью царственного младенца.

Между тем брак Людовика Бонапарта и Гортензии Богарне, не задавшийся с самого начала, фактически распался. Бывший голландский король предпочел удалиться в германские земли, подальше от подавлявшего его влияния старшего брата. Гортензия, покинув Голландию, обосновалась в Париже, где вскоре обрела женское счастье в обществе светского повесы, 25-летнего кавалерийского офицера графа Шарля де Флао де Ла

Биллардери, приемного сына Талейрана. От этой связи 20 октября 1811 года у нее родился мальчик, которому дали имя Шарль Огюст Луи Жозеф. В скором времени он будет усыновлен бездетным графом де Морни. Впоследствии он, как сводный брат Наполеона III, станет одним из создателей и столпов Второй империи, министром, герцогом и председателем Законодательного корпуса. Одно время он будет французским послом в России, где, вопреки воле Наполеона III, женится на княжне Софье Трубецкой и привезет ее во Францию.

Надо признать, что увлеченная красавцем Флао Гортензия никогда не забывала о двух своих сыновьях, рожденных в браке. Она была образцовая мать и не жалела сил для того, чтобы дать им надлежащее воспитание. Страстная поклонница Наполеона, Гортензия и детям внушала романтическое преклонение перед их великим дядей. Наиболее сильное впечатление материнские наставления производили на младшего Луи-Наполеона, буквально боготворившего императора.

Первые детские годы Луи-Наполеона были безоблачными. Мальчик проводил время между императорской резиденцией Тюильри, где он жил с матерью и старшим братом, загородным поместьем Мальмезон, куда его часто возили к бабушке, опальной императрице Жозефине, и курортом Экс-ле-Бен, где Гортензия любила отдыхать и проходить лечение на водах. Кстати, именно там она встретила графа де Флао.

Безмятежная жизнь закончилась 31 марта 1814 года. В этот день шестилетний Луи-Наполеон из окна Тюильри увидел, как войска антифранцузской коалиции входят в Париж.

С возвращением в столицу Бурбонов и установлением режима Реставрации положение многочисленных представителей клана Бонапартов, окруженных откровенной враждебностью новых властей, стало угрожающим. Гортензия ясно видела, что из всех вождей антинаполеоновской коалиции может рассчитывать лишь на благоволившего к ее матери Александра I, и ее надежды на царя оправдались. При его активном содействии Гортензия Богарне-Бонапарт получила титул герцогини де Селё, пенсию и 400 тысяч франков, предназначенных исключительно ее сыновьям.

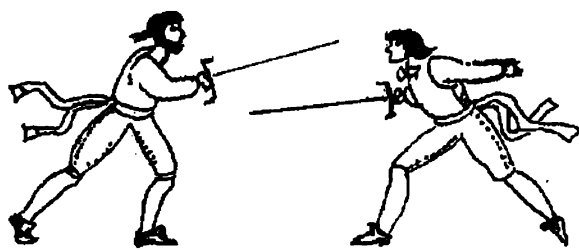
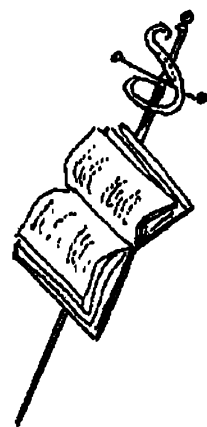
Но развернувшийся после Ватерлоо Белый террор в корне изменил ситуацию. Гортензия покинула Париж в июле 1815 года, еще до принятия 1 января 1816 года закона об изгнании всех

Бонапартов из Франции, успев распродать свое имущество. Одним из покупателей ее коллекции старинной живописи на очень выгодных для Гортензии условиях стал все тот же русский царь.

В это время ее настиг второй удар. Людовик Бонапарт, давно добивавшийся передачи ему на воспитание обоих сыновей, сумел «отсудить» у жены старшего Наполеона Людовика; в октябре 1815 года Гортензия вынуждена была отправить его к отцу в Богемию. Младший Луи-Наполеон остался с матерью, которая в 1817 году на вырученные от распродажи имущества средства и доставшееся после смерти матери наследство приобрела небольшой, но красивый замок Арененберг на севере Швейцарии, на границе с Баварией. Свой замок Гортензия превратила в своеобразный музей, воссоздав здесь обстановку эпохи Империи. Здесь изгнанников посещали родственники, друзья и заезжие знаменитости, среди которых — Александр Дюма-отец, Жорж Санд, Шатобриан и др. В замке Арененберг Луи-Наполеону доведется провести долгие семнадцать лет.

В июне 1819 года Гортензия нашла ему воспитателя — Филиппа Леба, сына бывшего члена Конвента, близкого друга Робеспьера. Сам Филипп Леба в молодости был моряком, затем офицером наполеоновской армии и отличился в ряде кампаний. С падением Империи он подался в учителя. Ему было что рассказать своему воспитаннику о революции и ее героях, о войнах времен Республики и Империи. В сознании впечатлительного подростка рассказы Леба соединялись с тем, что он постоянно слышал от матери и ее гостей об исторических деяниях его великого дяди. В результате в нем сформировалось твердое убеждение в существовании некой сакральной связи между народом Франции, Революцией и вышедшим из нее Наполеоном Бонапартом. Убежденность в народном характере режима, установленного Наполеоном, племянник императора французов пронесет через всю свою жизнь.

Формирование умственного кругозора Луи-Наполеона, конечно же, не ограничивалось теми уроками, которые он получал в замке Арененберг. Гортензия отдала своего сына в Аугсбургский коллеж, где он получил хорошее общее образование и отличное знание трех языков — немецкого, итальянского и английского. В 1827 году девятнадцатилетний Луи-Наполеон, под влиянием другого своего наставника, бывшего майора императорской гвардии Паркена, записался в Военную инже-

нерно-артиллерийскую школу, находившуюся в городке Турн, недалеко от Берна. Когда год спустя начнется война между Россией и Турцией, Луи-Наполеон изъявит желание отправиться на помощь туркам, но это намерение не будет реализовано. По окончании учебы он поступил на службу в швейцарскую армию и в 1834 году получил чин капитана артиллерии.

Падение режима Реставрации в результате Июльской революции 1830 года возродило у Луи-Наполеона надежду на возможность возвращения во Францию, но закон, принятый новыми властями 2 сентября того же года, подтвердил запрет для Бонапартов появляться на французской территории. Не имея возможности вернуться на родину, но жаждавший деятельности двадцатидвухлетний Луи-Наполеон принял участие в заговоре моденского революционера Чиро Менотти, поставившего целью освободить Рим от власти папского престола. К этому заговору Луи-Наполеон приобщил и своего старшего брата Наполеона Людовика, жившего с отцом во Флоренции. Вступив в ряды карбонариев, сражавшихся против австрийских войск, оба юных Бонапарта были одержимы фантастической идеей — выкрасть из Вены сына Наполеона I и своего кузена герцога Рейхштадтского и провозгласить его королем Италии (при его рождении Наполеон, как мы знаем, даровал ему титул короля Римского). До достижения им совершеннолетия Луи-Наполеон должен был осуществлять регентство.

Однако всем этим планам не суждено было осуществиться. Затеянный Менотти в начале зимы 1830 года поход на Рим, в котором приняли участие оба племянника Наполеона, к концу февраля 1831 года потерпел неудачу, а сам Менотти был схвачен и расстрелян. Вскоре после этого, 17 марта, от кори, которой он заразился в походе, умирает Наполеон Людовик. Его младший брат, бежавший с английским паспортом во Францию, в начале мая 1831 года был выслан оттуда и уехал в Англию. В августе того же года он вернулся в Швейцарию и возобновил необременительную службу в швейцарской армии.

Все свободное время принц проводил в материнском замке Арененберг. Здесь он занялся научно-литературным творчеством, написав «Учебник артиллерии», а вслед за этим — «Политические и военные размышления о Швейцарии». Здесь же он получил известие о поразившей всех смерти в Шенбрунне 27 июля 1832 года юного герцога Рейхштадтского, которого

быстро прогрессирующий туберкулез унес в могилу в возрасте двадцати одного года.

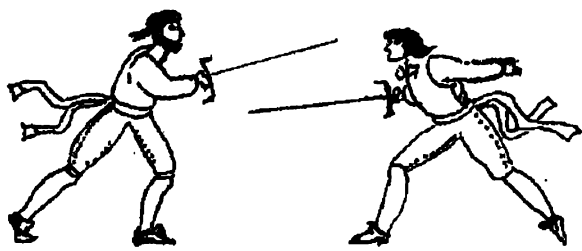
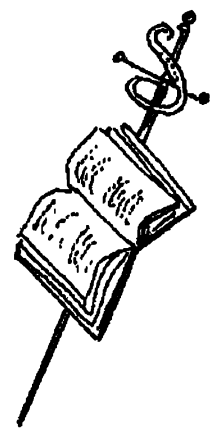
С его смертью Луи-Наполеон в полной мере осознает свое новое положение вождя бонапартистов и в том же 1832 году публикует программную брошюру под названием «Политические мечтания». Высказанные в ней идеи и притязания спустя семь лет найдут развитие в другом его сочинении — «Наполеоновские идеи». В этих двух работах он доказывает, что лучшая форма государственного устройства — это народная монархия, основанная на республиканских принципах, включающих не только разделение властей, но и всеобщее избирательное право. «Народ правомочен избирать и принимать решения, законодательный корпус — обсуждать законы, а император — осуществлять исполнительную власть», — утверждает Луи-Наполеон.

Автор убежден, что наполеоновская империя в полной мере соответствовала этому идеалу, который был утрачен после 1815 года и который Франция обязана была обрести вновь. Достижению этой заветной цели он и посвятил свою жизнь.

Бонапартисты, принимавшие активное участие в Июльской революции, свергнувшей режим Реставрации, чувствовали себя обойденными при дележе пирога власти, узурпированной, как они считали, Луи-Филиппом и его партией. Свои надежды на захват власти они связывали отныне исключительно с Луи-Наполеоном, который понимал, что обязан оправдать эти надежды. Поскольку в реалиях середины 1830-х годов бонапартисты не могли рассчитывать на законный, то есть через парламентские выборы, приход к власти, они, по примеру итальянских карбонариев, взяли курс на подготовку восстания. У Луи-Наполеона, как мы знаем, уже имелся некоторый, правда, неудачный, опыт участия в подобного рода заговорах.

По совету своих сторонников, он тайно прибыл в столицу Эльзаса Страсбург, где полковник Водрей, командир размещенного там артиллерийского полка, изъявил готовность поддержать восстание.

30 октября 1836 года Луи-Наполеон во главе небольшого отряда попытался захватить казармы артиллерийского полка, но еще на подступах к ним натолкнулся на энергичный отпор пехотных подразделений, которым удалось рассеять мятежников. В большинстве своем они были захвачены в плен, включая самого предводителя.

Доставленный под усиленной охраной в Париж, Луи-Наполеон ожидал сурового приговора, но Луи-Филипп ограничился его высылкой в Северную Америку. Что касается сообщников принца Бонапарта, то всех их, по письменной просьбе Луи-Наполеона, выпустили на свободу.

Пребывание молодого Бонапарта в США, где он подрабатывал преподаванием французского языка, было недолгим. В середине лета 1837 года он возвращается в Швейцарию и успевает застать в живых тяжелобольную мать. 5 октября 1837 года Гортензия умирает, а он вскоре уезжает в Англию, где вместе со своими ближайшими сподвижниками вынашивает планы нового заговора против Луи-Филиппа. Когда принц узнает, что в Париж с острова Св. Елены должны быть возвращены для перезахоронения в Доме Инвалидов останки Наполеона I, он публикует в Лондоне брошюру «Наполеоновская идея», где говорит, что во Францию должны возвратиться не только останки Наполеона, но и его идеи о соединении порядка и свободы. И эти идеи возвратит он, Луи-Наполеон Бонапарт.

Ранним утром 6 августа 1840 года отряд из 60 человек высаживается с английского парохода в районе городка Булонь, откуда, как предполагалось, при поддержке местного гарнизона, должен был начаться победный марш на Париж. Но в Булони отряд не только не получил обещанной помощи, но, напротив, встретил вооруженный отпор. Итог короткой стычки — двое убитых и около пятидесяти пленных, среди которых и Луи-Наполеон.

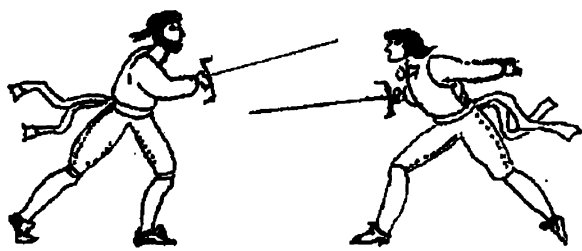
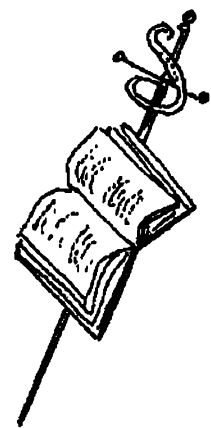
На этот раз Луи-Филипп его не простил. По приговору суда принц Бонапарт был осужден на пожизненное заключение в крепости Ам. Король, правда, распорядился, чтобы именитому узнику обеспечили хорошие условия заключения. Либерализм «короля-гражданина» распространился даже на личную жизнь именитого заключенного. Луи-Наполеону были разрешены ежедневные двухчасовые свидания с любовницей Александрин-Элеонорой Вержо. Она была дочерью сапожника, изготавливавшего деревянные башмаки. Видимо, по этой причине ее называли «Прекрасной сапожницей» (*la Belle sabotière*) Это была красивая голубоглазая девушка двадцати трех лет, искренне привязавшаяся к Луи-Наполеону; от него она родила двоих сыновей. Впоследствии оба внука сапожника получают графские титулы.

С ведома короля принц получил также возможность принимать у себя гостей, среди которых были Луи Блан, Франсуа Рене де Шатобриан, Александр Дюма-сын, герцогиня Гамильтон, сэр Роберт Пиль, лорд Малмсбери и другие европейские знаменитости. По заказу Луи-Наполеона в крепость доставлялись книги, составившие внушительную библиотеку. Это дало ему возможность с пользой проводить время, занимаясь литературным трудом. Среди написанных им в заключении книг — «Угасание пауперизма», где чувствуется сильное влияние идей Луи Блана. Публикация этой книги доставила автору симпатии социалистов.

Луи-Наполеон пользовался полной свободой передвижения по территории крепости, что помогло ему в мае 1846 года бежать и через Бельгию благополучно перебраться в Англию. К подготовке бегства его подтолкнули известия о резком ухудшении здоровья отца, которого он хотел застать в живых. Бывший король Голландии умер 25 сентября 1846 года, оставив сыну солидное наследство — недвижимость в Италии и 1 миллион 200 тысяч золотых франков.

В Англии Бонапарт познакомился с некой мисс Харриет Ховард, совсем молодой, очаровательной и, что не менее важно, весьма состоятельной дамой, которая украсила его двухлетнее одиночество на берегах Темзы. Эта самоотверженная женщина взяла на себя воспитание двоих сыновей Луи-Наполеона и «Прекрасной сапожницы», родившихся во время его заключения в крепости Ам. Их роман продлился несколько лет и окончился лишь с женитьбой Луи-Наполеона в 1853 году. Поговаривали, правда, что и после этого, по крайней мере до 1855 года, он поддерживал связь с Харриет Ховард. В благодарность за ее бескорыстную преданность, став императором, Луи-Наполеон даровал бывшей возлюбленной титул графини де Борегар, а в придачу — замок в районе Сель-Сен-Клу, недалеко от Парижа, с лихвой возместив расходы, которые она понесла, помогая ему.

Находясь в Англии, Луи-Наполеон попытался установить канал связи с императором Николаем I. Он знал о глубокой неприязни царя к Июльской монархии и лично к Луи-Филиппу и рассчитывал на его поддержку в реализации своих планов по захвату власти во Франции. При этом Бонапарт не питал иллюзий относительно возможного содействия этим планам со

стороны министров королевы Виктории, находившейся в «сердечном согласии» с Луи-Филиппом.

В последних числах апреля 1847 года Луи-Наполеон посетил российского посланника в Лондоне барона Ф. И. Бруннова и передал ему письмо, адресованное начальнику Третьего отделения генерал-адъютанту Алексею Федоровичу Орлову. В письме он просит Орлова исхлопотать у императора разрешение на приезд в Петербург с частным визитом. Эта просьба мотивировалась давним желанием познакомиться с Россией и одновременно засвидетельствовать императору Николаю свою признательность за «великодушное» отношение к его матери, проявленное в 1814 году Александром I.

Намерение Бонапарта не на шутку встревожило сановный Петербург. Государственный канцлер и одновременно глава русской дипломатии граф К. В. Нессельроде, которому Орлов передал полученное из Лондона письмо, настоятельно советовал императору отклонить просьбу, представляющуюся ему бестактной. Нессельроде полагал, что русский император не должен принимать человека, названного государственным преступником. К тому же в 1846 году наметилась тенденция к нормализации российско-французских отношений, и уже одно это обстоятельство делало нежелательным для императора Николая приезд в Петербург принца. В результате Луи-Наполеона в Россию не пустили. Даже после Февральской революции 1848 года, свергнувшей Июльскую монархию, в Петербурге отказывались видеть в Луи-Наполеоне перспективную политическую фигуру.

Луи-Наполеон, впрочем, на этом не успокоился и предпринял новую попытку найти взаимопонимание с Николаем I. При этом он проявил наивысшую степень доверия к царю, поставив на карту свое политическое будущее. В конфиденциальном письме на имя графа Орлова от 28 марта 1848 года Луи-Наполеон говорит, что понимает всю степень угрозы, исходящей от революции во Франции для «спокойствия Европы». Он заверяет Орлова, а через него Николая I в своих миролюбивых намерениях и в готовности навести во Франции порядок, в котором жизненно заинтересованы все европейские государства. При этом он ссылается на свою растущую популярность во Франции. Но для восстановления порядка ему требуется не только доверие, но и деньги. «Имея в своем распоряжении один миллион франков в год до достижения поставленной цели, автор этих

строк берется быстро достичь желаемых результатов в интересах как можно более скорого установления спокойствия в Европе, — пишет Луи-Наполеон. — По серьезности моего демарша пусть судят о серьезности интересов! По моему глубокому доверию к Вам пусть судят об искренности моих чувств!» — добавляет он.

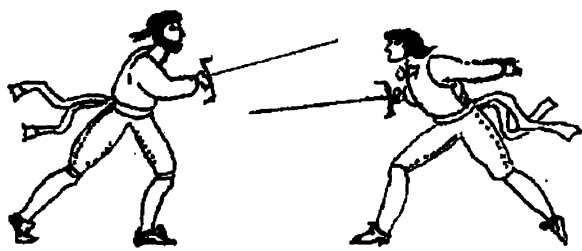
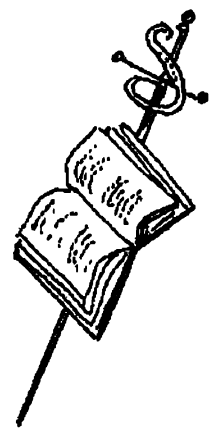
Действительно, такое безграничное доверие Луи-Наполеона к сохранявшим ледяную сдержанность русским адресатам не может не поражать. Если бы это письмо каким-то образом получило огласку, то репутация и политическое будущее его автора были бы безвозвратно погублены. Он никогда не стал бы ни президентом, ни императором. Более того, ему бы даже не позволили вернуться во Францию. Скорее всего, он провел бы остаток жизни в изгнании, презираемый всеми.

Как объяснить такую степень откровенности?

Здесь можно усмотреть две причины. Во-первых, как, видимо, полагал Луи-Наполеон, никто в Европе не опасался возможных последствий Февральской революции больше, чем русский царь, который должен быть заинтересован в локализации и последующей ликвидации революционного взрыва. Во-вторых, готовя свое возвращение во Францию, Луи-Наполеон лихорадочно искал деньги для реализации своих далеко идущих замыслов. Он искренне надеялся, что осознание нежелательных международных последствий революции во Франции должно подтолкнуть царя на оказание финансовой помощи единственному человеку, способному укротить революционную стихию, как это сделал Наполеон Бонапарт 18 брюмера 1799 года.

Но в Петербурге словно не замечали его протянутую руку. Интересно, как бы повел себя Николай I, если бы знал, что через три месяца, в декабре 1848 года, Луи-Наполеон станет президентом Французской республики, а затем и императором Франции?.. Впрочем, это вопрос риторический. Очевидно одно: проявив недальновидность, царь и его канцлер упустили шанс создать благоприятный климат для будущих отношений между Россией и Второй империей.

Тем временем Луи-Наполеон терпеливо дожидался удобного момента для триумфального возвращения во Францию. Февральская революция освободила из тюрем политических заключенных, в том числе и сторонников Бонапарта, которые сразу же развернули широкую кампанию в пользу своего вождя. На майских выборах 1848 года они обеспечили ему избрание

в Учредительное собрание сразу от четырех департаментов. Уже через два месяца кандидатура Луи-Наполеона была выдвинута на пост президента республики, и на выборах 10 декабря 1848 года он получил 74 процента голосов, оставив далеко позади всех других претендентов.

Как объяснить успех человека, которого вообще мало кто знал во Франции?

Безусловно, на него работала наполеоновская легенда, всегда жившая в сердцах многих французов, и особенно — среди крестьян. Бонапартисты умело использовали эти ностальгические настроения в предвыборной кампании своего вождя. К тому же ко времени проведения выборов сильно скомпрометированным в глазах избирателей оказался главный конкурент принца Бонапарта в борьбе за пост президента — генерал Луи Эжен Кавеньяк, утопивший в крови восстание парижских рабочих в июне 1848 года.

Июньский кризис нанес сильнейший удар по молодой, еще не успевшей окрепнуть Второй республике — удар, от которого она так и не смогла оправиться. Зато принц Бонапарт в полной мере сумел извлечь пользу из этого кризиса, расположив к себе избирателей большинства политических партий, включая республиканцев. В своей предвыборной кампании он обещал покровительство религии и одновременно гарантировал свободу вероисповедания и светского образования, говорил о защите семьи, собственности и выставлял себя защитником интересов рабочего класса. Как кандидат на пост президента, Луи-Наполеон клятвенно обещал стране порядок и свободы, а по истечении своего мандата передать власть вновь избранному преемнику. По закону президент мог избираться только на один срок. В действительности принц-президент, как его стали называть, не намеревался выпускать из рук доставшуюся ему власть.

В июле 1851 года Луи-Наполеон решился на государственный переворот, к которому его давно подталкивало ближайшее окружение. В подготовке переворота, приуроченного к годовщине победоносной для Наполеона Аустерлицкой битвы, руководящее участие принял Огюст де Морни, сводный брат президента, назначенный им на пост министра внутренних дел. Надежные люди были поставлены во главе парижской полиции и столичного гарнизона. Заговорщикам не хватало денег, но тут в Париже появилась мисс Ховард, которая привезла с собой

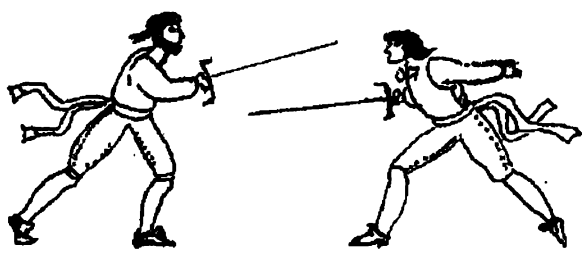
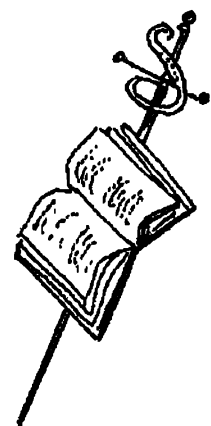
значительную сумму, вырученную от продажи своего имущества и даже драгоценностей, то есть она пожертвовала всем состоянием ради любимого человека. Деньги мисс Ховард позволили Луи-Наполеону завершить подготовку заговора.

В ночь на 2 декабря 1851 года были проведены аресты лидеров оппозиции. Попытки организовать сопротивление нарушившему присягу президенту были жестоко подавлены. Общее число арестованных в стране достигло 27 тысяч человек, возродив в памяти французов воспоминания о Белом терроре времен Реставрации.

Луи-Наполеон поспешил закрепить успех, прибегнув к народному плебисциту, который отныне станет излюбленным инструментом бонапартистского режима, претендовавшего на выражение общенациональных интересов и чаяний. В обстановке полицейских преследований, лишавших оппозицию возможности выступать легально, результат плебисцита, состоявшегося 21–22 декабря 1851 года, нетрудно было предугадать. 76 процентов избирателей одобрили совершенный переворот, и, таким образом, Луи-Наполеон получил общенациональный мандат.

Уже 14 января 1852 года была обнародована новая, в сущности монархическая, конституция, наделявшая президента, избираемого на десятилетний срок, почти безграничными полномочиями. Вслед за этим был принят ряд декретов, регламентировавших деятельность различных ветвей власти, печати, а также отношения между предпринимателями и наемными рабочими. Последние лишились своих прежних, профессиональных объединений, вместо которых повсеместно были созданы так называемые общества взаимопомощи под совместным патронажем мэров и священнослужителей.

Принц-президент не думал останавливаться на достигнутом, взяв курс на восстановление наследственной монархии Бонапартов. С целью выяснить настроения масс осенью 1852 года он отправился в пропагандистское турне по департаментам, где стараниями его приверженцев устраивались многочисленные демонстрации в пользу восстановления империи. Выступая 9 октября в Бордо, Луи-Наполеон произнес слова, явно адресованные европейским державам, опасавшимся возрождения наполеоновской империи. «Некоторые говорят, что Империя

породит войну. Нет, Империя — это мир!» — с пафосом воскликнул он.

Убедившись, что самая многочисленная часть избирателей — крестьяне — с восторгом относится к идее восстановления бонапартистской монархии, Луи-Наполеон по возвращении в Париж дал команду подготовить юридические основания для превращения президентской республики в империю.

21 ноября 1852 года французские избиратели были в очередной раз приглашены высказаться — на этот раз по вопросу о государственном устройстве Франции. И опять Луи-Наполеон одержал убедительную победу. Те же 76 процентов избирателей одобрили восстановление Империи.

2 декабря 1852 года принц-президент Луи-Наполеон был провозглашен «императором французов» под именем Наполеона III. Вторая республика прекратила свое существование, превратившись во Вторую империю*.

Первейшая забота новоиспеченного императора состояла в том, чтобы обеспечить признание провозглашенной им наследственной монархии Бонапартов европейскими дворами. Наиболее подходящим средством для этого Наполеон считал династический брак с принцессой из царствующего дома. В свои сорок четыре года он все еще оставался холостяком. Между тем с провозглашением империи вставал вопрос о будущем династии, то есть о наследнике. Официальное признание Европы Наполеону удалось получить без особого труда. Последним из европейских государей неохотно сдался Николай I, не желавший поначалу обращаться к «императору французов» в официальной переписке как к другим «природным» государям: «Сир, брат мой».

Но все попытки французских дипломатов отыскать Наполеону владетельную принцессу окончились неудачей. Европейские монархи не спешили предлагать своих дочерей новоявленному французскому «кузену». В конечном счете император остановил свой выбор на 26-летней испанской аристократке Евгении Монтихо, графине Теба, с которой познакомился четырьмя годами

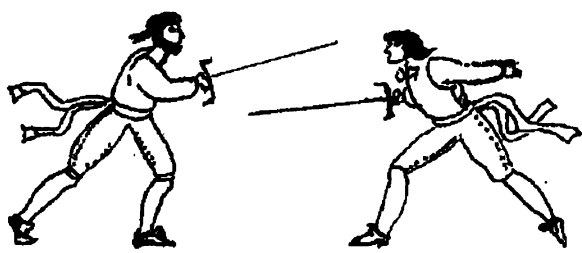
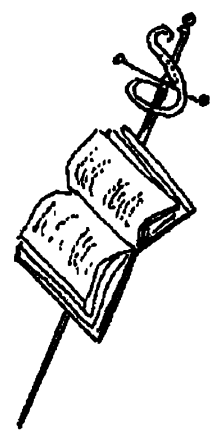
* Как известно, Первая империя, основанная Наполеоном I в 1804 году, просуществовала до 1814 года, а окончательно прекратила свое существование после повторного отречения Наполеона 22 июня 1815 года.

ранее. Многие тогда посчитали этот выбор Наполеона вынужденным. Только хорошо знавший императора Александр Дюма-сын думал иначе. Он увидел в этом союзе «торжество любви над предубеждениями, красоты — над традицией, чувства — над политикой». Венчание императорской четы состоялось 30 января 1853 года в соборе Парижской Богоматери. А накануне, в Тюильри, прошла гражданская церемония бракосочетания.

Воспитанная в строгих правилах христианской морали, истая католичка, императрица Евгения очень скоро разочаровала мужа, оказавшись равнодушной к интимной стороне жизни. Она искренне считала своим единственным долгом рождение наследника престола. Этого же она ожидала и от супруга, который, правда, придерживался иного мнения.

Столь разные взгляды на семейную жизнь едва ли не с самого начала осложнили отношения между супругами. Когда Наполеон попытался сохранить связь с мисс Ховард, продолжавшей воспитывать его внебрачных детей, Евгения самым решительным образом воспротивилась этому. Любовникам пришлось расстаться. Однако даже строгий надзор императрицы не мог изменить прочно усвоенных привычек Луи-Наполеона и его непреодолимой слабости к прекрасному полу. Наполеон находил любовниц в разных слоях общества, предпочитая хорошеньких модных актрис. Не пренебрегал он и дамами из высшего общества, включая наиболее привлекательных жен и даже дочерей своих ближайших сподвижников. Среди его любовниц были графиня Марианна Валевская, супруга министра иностранных дел, а впоследствии — председателя Законодательного корпуса, баронесса Валентина Османн, дочь знаменитого префекта департамента Сена, графиня Луиза де Мерси-Аржанто, графиня де Кастильоне, племянница графа Кавура, премьер-министра Пьемонта... Некоторые из них имели от императора детей.

Со временем императрица смирилась со своей женской судьбой. Она научилась не замечать частых увлечений мужа и не слышать того, о чем говорил «весь Париж». Не добившись верности, которую Евгения считала основой брака, она сумела добиться большего — подчеркнутого уважения со стороны императора, который стал внимательно прислушиваться к ее мнению при решении государственных дел. Ее влияние всегда и во всем имело сугубо консервативную направленность, что вызывало беспокойство у тех сподвижников императора, кото-

рые придерживались левых взглядов. Борьба этих двух течений в ближайшем окружении Наполеона III — консервативного и либерально-демократического — прослеживается на протяжении всего периода существования Второй империи.

Свой священный долг перед Францией императрица Евгения исполнила 16 марта 1856 года, когда на свет появился долгожданный «Императорский принц» (Prince Impérial). Ему дали имя — Эжен Луи-Наполеон. В семье и при дворе он получит ласково-уменьшительное прозвище «принц Лулу».

По случаю этого радостного события император освободил из тюрем 1200 заключенных, в большинстве своем политических. К 1859 году, когда будет объявлена всеобщая амнистия, в тюрьмах и в изгнании останется менее 400 человек, среди них — Виктор Гюго, непримиримый противник Наполеона III и его режима. Знаменитый писатель отклонил амнистию и предпочел дальнейшее добровольное изгнание на острове Джерси. Гюго вернулся на родину лишь после падения Второй империи в сентябре 1870 года.

Так что же представлял собой бонапартизм у власти, воплощенный в облике Второй империи?

Это был авторитарный режим, отвергавший парламентскую демократию и утверждавший сильную исполнительную власть, которая опиралась через плебисциты на свободное народное волеизъявление.

Впервые бонапартистский режим был установлен в 1799 году Наполеоном Бонапартом. Спустя полвека племянник попытался продолжить эксперимент, начатый его великим предшественником. Бонапартизм у власти представлял собой некий «третий путь» между рухнувшим Старым порядком и революционным хаосом. В 1799-м, при Наполеоне Бонапарте, и в 1852-м, при Наполеоне III, бонапартизм подвел черту под революционными потрясениями соответственно 1789—1799 и 1848 годов, символизируя собой окончание революции, возвращение к законности и порядку, восстановление национального единства. Это была попытка соединить определенные элементы старого строя и революционных завоеваний, таких как права новых собственников, политическое равенство, всеобщее избирательное право, индивидуальные свободы, социальная ответственность государства и т. д. Авторитарный режим Второй империи созда-

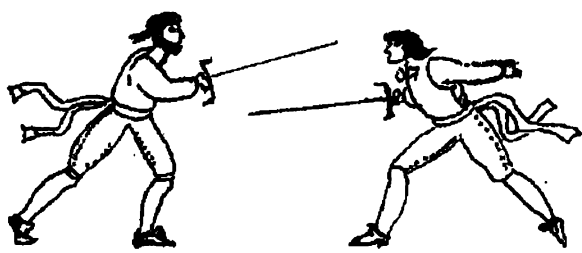
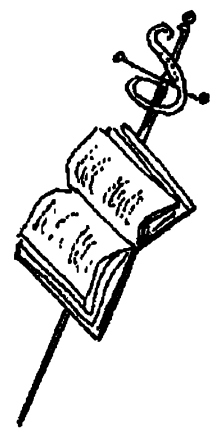
вал видимость народного государства, стоящего над интересами классов и партий. В действительности он опирался на крестьянство, чиновную бюрократию, армию, полицию и католическое духовенство.

Идеология бонапартизма эклектична, в ней причудливо сочетались постулаты национализма, консерватизма, либерализма и даже социализма (сен-симонизма). В годы Второй империи появился каламбур, ярко выразивший идеологическую мозаичность бонапартистского режима. Его авторство молва приписывала самому Наполеону III: «Императрица у нас — легитимистка; принц Наполеон (кузен императора) — республиканец; Морни — орлеанист; сам я — социалист; одного лишь Персиньи (один из давних сподвижников Луи-Наполеона. — П. Ч.) можно назвать бонапартистом, но ведь он сумасшедший».

Характерная черта бонапартизма — балансирование между интересами различных классов и социальных групп, что до поры обеспечивало режиму определенную устойчивость. Провозглашение Империи совпало с экономическим подъемом в стране и улучшением положения крестьянства и рабочих, что также способствовало укреплению позиций режима.

Во внутренней политике Вторая империя сочетала экономический либерализм, популизм и жесткие меры административно-полицейского характера. Так или иначе, но оживленная политическая жизнь во Франции, характеризовавшаяся прежде открытым соперничеством партий, с установлением Второй империи впала в летаргическое состояние. Луи-Наполеон еще в молодые годы пришел к твердому убеждению, что партии выражают не чаяния народа, а корыстные интересы отдельных группировок элиты, навязывающей обществу нужные им решения. К тому же узкий круг избирателей, допущенных к участию в выборах, по его мнению, ни в коей мере не мог отражать настроения всего общества. Именно поэтому Наполеон III и сделал ставку на плебисцит, введя всеобщее избирательное право и консультируясь с нацией по основополагающим вопросам.

Оппозиция, потерявшая почву под ногами, то есть возможность действовать открыто, ушла в подполье. В создавшихся условиях часть оппозиционеров сделала выбор в пользу террора как средства политической борьбы с режимом. Полиция раскрыла множество заговоров с целью убийства императора, но все же не смогла предотвратить трех попыток покушения на его

жизнь — 28 апреля 1855 года, 8 сентября 1855 года и 14 января 1858 года.

Последнее сопровождалось многочисленными жертвами. Восемь человек погибли и 156 получили ранения в результате взрыва трех бомб, брошенных в сторону императорской кареты, направлявшейся в Оперу. Наполеон и Евгения не пострадали. В обстановке возникшей паники, сохраняя абсолютное спокойствие, они проследовали в театр, где публика устроила им овацию. Последствием этого покушения стало принятие в феврале 1858 года закона об общественной безопасности, ужесточившего преследование тех, кто вызывал подозрение у полиции.

Первый период в истории Второй империи, рожденной в результате государственного переворота, был отмечен подавлением оппозиции и репрессиями в отношении противников режима. Преобладающим влиянием на императора в этот период пользовались консервативно-реакционные круги из его окружения во главе с императрицей Евгенией.

Упрочив созданный им режим, Наполеон III с 1859 года берет курс на постепенную его либерализацию. В нем опять заговорил узник крепости Ам, интересовавшийся социалистическими теориями. Тогда он писал, что «наполеоновская идея — это не война, а социальная, промышленная, торговая и гуманитарная идея».

Наполеон III стал первым из европейских правителей, кто пытался проводить социальную политику, считая ее важным условием национального согласия и процветания государства. При этом его деятельность в этом направлении не ограничивалась лишь благими намерениями и словами сочувствия в адрес неимущих. Она проявилась в принятии совершенно конкретных решений, имеющих целью улучшение положения трудящихся и наиболее обездоленных слоев населения.

Еще будучи президентом республики, Луи-Наполеон в декабре 1851 года запретил трудовую деятельность в выходные и праздничные (по церковному календарю) дни. Этот закон действовал до 1880 года, когда республиканские власти объявили его «клерикальным» и на этом основании отменили. Однако под давлением протестного рабочего движения Третья республика в 1906 году вынуждена была к нему вернуться. Разумеется, о его авторе республиканское правительство предпочло не вспоминать.

В феврале 1853 года Наполеон III подписал декрет об учреждении «Общества материнского милосердия» для попечения об одиноких и неимущих матерях. По всей Франции были организованы 76 отделений этого общества, взявших под свою опеку 16 тысяч женщин. Верховное попечительство над всеми этими обществами возложила на себя императрица Евгения.

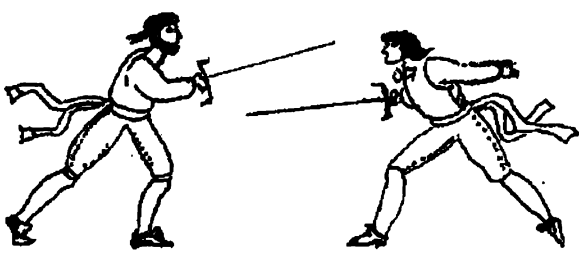
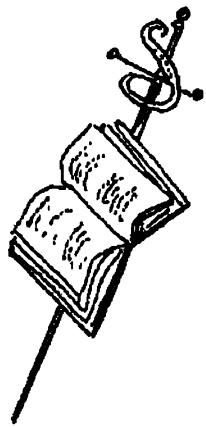
Рождение долгожданного наследника император Наполеон отметил не только амнистией, но и актом крупной благотворительности. 14 июня 1856 года, в день крещения «принца Лулу», он издал распоряжение о создании в Париже приюта для детей-сирот. При этом императорская чета взяла на себя все расходы как на строительство приюта, так и на содержание трехсот его воспитанников.

8 июня 1853 года был принят закон о пенсиях для государственных служащих всех уровней, имеющих стаж 30 и более лет. Размер пенсии составлял три четверти от ежемесячного жалованья чиновника. В результате 154 тысячи госслужащих получили материальные гарантии на относительно обеспеченную старость. Действенность этого пенсионного закона была доказана длительностью его применения. Он был пересмотрен лишь в 1924 году.

В том же 1853 году правительственным постановлением были учреждены примирительные советы для урегулирования производственных конфликтов, а годом ранее в каждом департаменте были созданы трудовые инспекции. Спустя пятнадцать лет, в августе 1868 года, император инициировал принятие закона о равенстве свидетельских показаний работодателей и наемных работников при рассмотрении трудовых конфликтов в судах. Для тогдашней Европы это было смелым шагом вперед.

Еще в молодости Наполеон всерьез интересовался возможностями для смягчения антагонизма между трудом и капиталом. Придя к власти, он неоднократно доказывал, что интересы трудящихся классов были для него не менее значимы, чем интересы имущих слоев. В 1854 году была учреждена система так называемой кантональной медицины, призванной оказывать бесплатную медицинскую помощь на дому деревенским жителям. В 1860 году услугами «кантональной медицины» воспользовались более 300 тысяч крестьян.

В числе других мер социального характера, принятых по инициативе императора французов, — создание в 1855 году оздоро-

вительных центров (так называемые национальные приюты) для рабочих, которые получили производственные травмы или профессиональное заболевание. А в 1862 году развернулось строительство 172 приютов и лечебниц для инвалидов.

25 мая 1864 года Наполеон утвердил закон, предоставивший французским рабочим — первым в Европе — право на забастовку. Это право было ограничено только двумя условиями — избегать насильственных действий и уважать право на труд тех, кто не желал бастовать. Три года спустя, в 1867 году, рабочим было предоставлено право создавать профсоюзы по месту работы и объединяться в профсоюзные федерации.

Наполеоном предпринимались попытки организовать систему социального страхования и обеспечить максимально возможную занятость трудоспособного населения, в частности на общественных работах, как средства сокращения безработицы. В результате всех этих усилий в апреле 1870 года Франция стала единственной европейской страной, обеспечившей полную занятость своему работоспособному населению. За время правления Наполеона III заработная плата наемных работников возросла на 47 процентов в номинальном и на 20 процентов — в реальном исчислении. Средний доход француза увеличился с 442 франков в 1850 году до 602 франков в 1869 году. Важно отметить, что инфляция за эти годы была чисто символической.

Последовательная, хотя и несколько хаотично проводимая социальная политика стала важным залогом политической стабильности бонапартистского режима, который почти до самого своего крушения не знал серьезных потрясений, свойственных Июльской монархии и Второй республике.

Не исключено, что именно эта стабильность и вызывала негодование у противников и недоброжелателей Луи-Наполеона как внутри страны, так и за рубежом. Пытаясь наладить диалог власти с неимущими слоями общества, желая понять их интересы и, по мере возможности, сгладить наиболее вопиющие проявления неравенства, Наполеон III, можно сказать, вторгся в зону традиционного влияния левых — буржуазных республиканцев и социалистов, посягая на их массовую опору. Социальные эксперименты императора французов отвлекали пролетариат от классовой борьбы, и именно это вызывало негодование у тех, кто считал себя вождями рабочего движения.

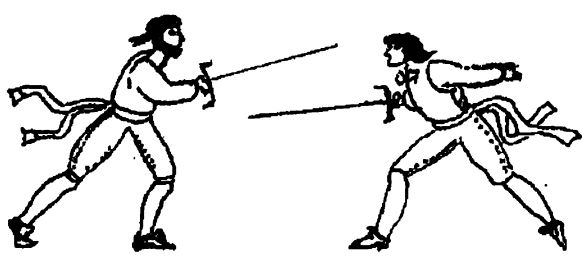
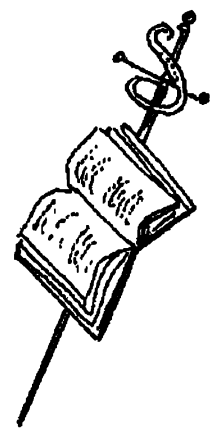
Отсюда и постоянные нападки на Наполеона III со стороны публицистов-социалистов, в том числе и К. Маркса.

Между тем система принятых при Наполеоне мер обеспечила Франции устойчивое экономическое развитие, превратив ее в ведущую финансово-промышленную державу на континенте. Мощными двигателями экономического развития стали два крупнейших банка, созданные в годы Второй империи, — «Креди фонсье» и «Креди мобилье». Первый кредитовал сельское хозяйство; второй — промышленность и дорожное строительство. В 1863 году был основан впоследствии всемирно известный депозитный банк «Креди Лионне». Широкая банковская поддержка и внедрение системы кредитования обеспечили подлинный бум для таких отраслей промышленности, как металлургическая, текстильная и горнодобывающая.

Считая крестьянство одной из важнейших опор своего режима, Наполеон уделял самое пристальное внимание нуждам аграрного сектора и старался через систему финансового стимулирования и внедрение механизации создать наиболее благоприятные условия для его ускоренного развития. Эти усилия себя оправдали. Среднегодовые урожаи по стране за период между 1848 и 1869 годом выросли на 50 процентов.

Франсуа Гизо, одному из столпов Июльской монархии, приписывают фразу, обращенную к французам: «Обогащайтесь! Обогащайтесь своим трудом и бережливостью». Труд и экономия были объявлены залогом благополучия как отдельного человека, так и нации в целом. Наполеон III отчасти разделял эту мысль, но в новых реалиях считал ее недостаточной для достижения настоящего успеха, тем более в общенациональном масштабе. Он предложил французам другую формулу: «Работайте и вкладывайте свои накопления!» Инвестиции, инвестиции и инвестиции — вот что сделает Францию действительно процветающим государством. Таково было искреннее убеждение императора, считавшего, что государство должно действовать в одном направлении с гражданами.

При нем во Франции широкое развитие приобрели кредитные операции, была создана наиболее современная по тем временам банковская система. Парижская биржа, объем операций на которой возрос с 11 миллиардов франков в 1851 году до 35 миллиардов в 1870-м, становится крупнейшим финансовым центром на континенте. По инициативе императора началось

введение в обращение нового платежного средства — чеков, получивших вскоре мировое признание.

За годы правления Наполеона III в стране была построена разветвленная сеть железных дорог, общая протяженность которых выросла с 3,8 тысячи километров в 1852 году до 20 тысяч к 1870-му.

В целом по уровню экономического развития Франция к концу правления Наполеона III превратилась во вторую (после Англии) мировую державу. За период с 1848 по 1870 год объем промышленного производства во Франции увеличился в четыре раза по сравнению с предыдущими тремя десятилетиями. Даже столь непримиримый критик Наполеона III, как К. Маркс не мог не признать, что при нем «буржуазное общество достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах». Признанием экономических и научно-технических достижений Франции в годы Второй империи стали Всемирные выставки в Париже в 1855 и 1867 годах.

Большое внимание правительство Наполеона III уделяло развитию образования. К 1869 году системой начального и среднего образования в стране было охвачено до 70 процентов детей (около 6 миллионов). Для сравнения: в 1848 году школы во Франции посещали 3,8 миллиона детей. Значительно выросли зарплаты учителей — с 493 франков 1846 году до 1000 франков в 1870-м. За годы существования Второй империи было открыто 78 новых факультетов на 10 тысяч студентов. Тогда же появились знаменитые впоследствии книжные издательства — «Гарнье», «Файяр», «Ашетт», «Ларусс», «Плон» и др.

Париж, перестроенный бароном Османом по инициативе императора Наполеона, именно в годы Второй империи приобрел заслуженную репутацию «столицы мира». Франция стала родиной первых крупных универсальных магазинов — «Бон Марше», «Базар де л'Отель де Вилль», «Прэнтан», «Самаритэн» и др. Они возникли при непосредственном участии Наполеона III, утверждавшего все градостроительные проекты в Париже. При нем началось строительство «Гранд-опера» (ныне — «Опера Гарнье»), помпезное здание которой, напоминающее торт, остается посмертным символом Второй империи.

Главные цели внешней политики Наполеона III состояли в том, чтобы сначала добиться ликвидации ограничений, наложенных

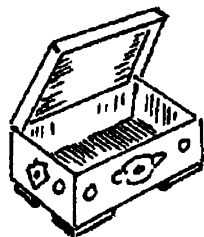
на Францию Парижским миром 1815 года, а затем утвердить ведущее положение Франции на Европейском континенте. Амбиции императора распространялись еще дальше — на Ближний Восток, в Юго-Восточную Азию и даже в Новый Свет.

Племянник великого завоевателя не мог смириться с границами 1792 года, навязанными Франции победителями в 1814–1815 годах. Более того, он хотел, как говорили в XVIII веке, «округлить», то есть расширить французскую территорию — на юге, в итальянском направлении, и к западу от Рейна. В этом смысле его заявление о том, что «Империя — это мир», сделанное в 1852 году, было не более чем пропагандистской уловкой, призванной успокоить Европу. Намерение Луи-Наполеона изменить соотношение сил в пользу Франции предполагало не только дипломатические, но и военные средства достижения его внешнеполитических целей. Поэтому с момента своего рождения Вторая империя была обречена на войны, которые в конечном итоге приведут ее к гибели, как это случилось и с Первой империей.

Следуя во всем заветам Наполеона I, продолжатель его дела не одобрял лишь одного — противоборства с Англией. Именно это противоборство, а вовсе не злополучный поход в Россию, по его убеждению, было главной причиной последующей национальной катастрофы. Русская кампания, как считал Наполеон III, была производной от затяжного конфликта с Великобританией, пытавшейся втянуть Россию в орбиту своей антифранцузской политики.

Продолжительное проживание в Англии, где за годы вынужденного изгнания у него появилось множество друзей, близкое знакомство с британской политической культурой сформировало у Луи-Наполеона уважительное отношение к «владычице морей» и «мастерской мира». Он пришел к твердому убеждению, что осуществление его далеко идущих внешнеполитических планов возможно только в тесном союзе с Великобританией, у которой, как он полагал, не было непосредственных территориальных интересов на континенте. Другие европейские державы могли быть более или менее полезны для французских интересов — каждая по-своему и, что не менее важно — в свое время.

Франко-британская общность интересов проявилась во время обострения Восточного вопроса, когда русско-турецкий

антагонизм привел к Крымской войне 1853–1856 годов. Не желая допустить крушения одряхлевшей Османской империи и укрепления позиций России на Востоке, Франция и Англия в 1854 году выступили солидарно в поддержку Турции. В скором времени к антирусской коалиции присоединилось Сардинское королевство. Аналогичное желание выказывала и Австрия — давняя союзница России, спасенная от краха Николаем I, который в 1849 году подавил восстание в Венгрии.

Успешная для противников России Крымская кампания, когда был взят Севастополь, послужила для Наполеона III сигналом к корректировке его внешнеполитического курса. Получив моральное удовлетворение за поражения Франции в 1812–1815 годах, император французов не только не желал продолжать дорогостоящую войну, но и взял курс на сближение с Россией, что вызвало растерянность у его союзников. Потерпев в свое время неудачу в попытках найти общий язык с Николаем I, отвергнувшим его дружбу, Луи-Наполеон попытался договориться с молодым императором Александром II, занявшим русский престол в начале 1855 года.

Прежде всего Наполеон III, почувствовав себя арбитром Европы, добился созыва в Париже мирного конгресса и сумел убедить союзников не предъявлять побежденной России неприемлемых требований, унижающих ее достоинство. Благожелательное по отношению к России посредничество Наполеона позволило 30 марта 1856 года заключить мирный договор, положивший конец Крымской войне.

С этого времени Наполеон III берет курс на сближение с Россией. Он отправляет своего сводного брата, графа де Морни послом в Петербург, поручив ему подписать торговый договор с Россией и добиваться заключения трехстороннего союза между Францией, Россией и Англией.

Чем объяснить такой поворот в политике императора французов?

Здесь можно указать на две причины. Во-первых, Наполеон желал уравновесить чрезмерное усиление Англии, союз с которой продолжал оставаться основой его внешнеполитического курса, но который он хотел бы «разбавить» российским элементом для повышения роли Франции в задуманном им европейском «триумvirате». Во-вторых, император намеревался присоединить к Франции Савойю и Ниццу, находившиеся

в сфере влияния Австрии. И в первом, и во втором случае ему была необходима Россия, не скрывавшая своего возмущения неблагодарностью спасенных ею Габсбургов.

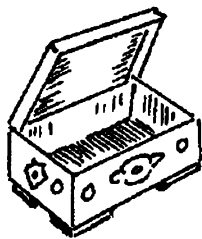
Александр II отклонил идею тройственного союза, исключив возможность тесного сближения с Англией, но с готовностью поддержал притязания Наполеона III на Савойю и Ниццу, надеясь на содействие Франции в отмене ограничений и запретов, наложенных на Россию Парижским договором 1856 года.

Благожелательная позиция России развязала руки Наполеону III, начавшему в мае 1859 года в союзе с Пьемонтом войну против Австрии, силы которой были скованы демонстративными приготовлениями русской армии у восточных рубежей австрийской границы. После двух поражений — при Мадженте (4 июня 1859 года) и Сольферино (24 июня) — Австрия пошла на заключение мира, отказавшись от своих притязаний в Северной Италии в пользу Пьемонта.

В марте 1860 года король Виктор-Эммануил вынужден был уступить Савойю и Ниццу своему французскому союзнику. В результате Франция получила приращение территории вместе с 670 тысячами жителей, объявленных французами. После победоносной Крымской войны это был второй крупный успех Наполеона III, укрепивший его позиции внутри страны и поднявший международный престиж Франции, которая начала наращивать свою активность и за пределами континента.

В октябре 1860 года взятием Пекина успешно завершается колониальная война против Китая, которую Франция с января 1858 года вела совместно с Англией. Поднебесной империи был навязан кабальный договор, предоставивший Франции (и Англии) ряд крупных привилегий в Китае, который к тому же был обложен контрибуцией. С 1859 года Франция приступает к завоеванию Вьетнама, начав с подчинения южной его части — Кохинхины, а позднее центральной — Аннама. В 1867 году был установлен французский протекторат над Камбоджей.

Франция наращивала свое влияние в Северной Африке, интенсивно колонизуя Алжир, где к 1860 году проживало уже 200 тысяч французов, и на Ближнем Востоке, чему способствовало открытие в 1869 году Суэцкого канала, построенного при преобладающем французском участии. В 1860 году Наполеон III санкционирует военную экспедицию в Сирию и захватывает на время территорию нынешнего Ливана. В результате Фран-

ция устанавливает контроль над значительной частью Южного и Восточного Средиземноморья. Одновременно, через Сенегал, начинается усиленное французское проникновение в Черную Африку.

В 1853 году Франция захватывает Новую Каледонию и превращает ее императорским декретом 1863 года в место каторжных работ для уголовных преступников, осужденных во Франции.

Размах колониальной экспансии Второй империи принял столь гигантские масштабы, что Наполеон III стал утрачивать чувство реальности. В 1863 году он снаряжает военную экспедицию в Мексику, которой пытается навязать в качестве императора своего ставленника австрийского эрцгерцога Максимилиана. Он мечтает о создании в Новом Свете католической империи, способной уравновесить возроставшее влияние протестантских Северо-Американских Штатов, что провоцирует резкое обострение франко-американских отношений.

Попытка превратить Мексику в зависимое от Франции государство потерпела провал, а незадачливый отпрыск Габсбургов в июле 1867 года был захвачен и расстрелян республиканцами. В мексиканской авантюре Франция потеряла 6 тысяч солдат и офицеров, понесла расходы в размере 340 миллионов франков. Но главное — был нанесен болезненный удар по ее международному престижу.

Гегемонистские устремления Наполеона III вели к постепенной изоляции Франции в Европе. После того как в 1863 году император французов поддержал восставших поляков, произошло резкое ухудшение франко-русских отношений. К тому же Наполеон III не оправдал возлагавшихся на него Александром II надежд в содействии отмене дискриминационных статей Парижского мирного договора 1856 года.

Получив в 1859–1860 годах поддержку Петербурга в приобретении Савойи и Ниццы, Наполеон не сделал ничего, чтобы помочь России в самом болезненном и самом важном для нее вопросе. Так или иначе, но русско-французское сближение, начавшееся в 1856 году, к середине 1860-х годов исчерпало свои ресурсы.

Личная встреча Наполеона III с Александром II в Париже во время Всемирной выставки 1867 года лишь констатировала существенное охлаждение прежних отношений. К тому же

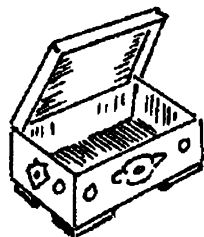
в ходе визита царя в столицу Франции на него было совершено покушение, а схваченный на месте террорист (поляк А. Березовский) избежал высшей меры наказания. Более того, процесс над Березовским защита превратила в трибуну для обличения русского самодержавия.

Потеряв поддержку России, Наполеон одновременно совершил другой стратегический просчет. Ошибочно считая основным соперником Франции на континенте Австрию, он позволил пруссакам в 1866 году разгромить австрийцев в ходе скоротечной войны, чем создал для своей страны куда более серьезную угрозу.

Пруссия уже не считала нужным скрывать свои намерения — завершить объединение Германии, превратив ее в ведущую континентальную державу. Желая воспрепятствовать этим намерениям, Наполеон III, поддавшись на провокацию Отто фон Бисмарка, без должной подготовки 19 июля 1870 года объявил Пруссии войну. Назначив императрицу Евгению регентшей на время своего отсутствия, Наполеон 23 июля отправился к армии, изготовившейся к военным действиям в Эльзасе и Лотарингии. Отъезд императора попытались воспользоваться бланкисты, организовавшие восстание в Париже. Их попытка была быстро пресечена столичным военным губернатором генералом Ж.Л. Трошю. Как вскоре выяснилось, отъезд Наполеона III из столицы был его последней роковой ошибкой. Кто знает, как разворачивались бы дальнейшие события во Франции, если бы император остался в Париже?..

В течение первой половины августа месяца Рейнская армия во главе с Наполеоном III потерпела ряд поражений и оказалась блокированной в районе Меца. Сам император успел выйти из окружения. Он отдал приказ о срочном формировании новой 120-тысячной (Шалонской) армии, поручив командование над ней маршалу М.Э. Мак-Магону. Перед маршалом была поставлена конкретная задача — разблокировать осажденную под Мецем Рейнскую армию.

Однако прусское военное командование предупредило действия Мак-Магона, окружив его войска в районе Седана силами Маасской армии. 2 сентября Шалонская армия была разгромлена, Мак-Магон капитулировал. очевидцы рассказывали, что находившийся здесь же император во время сражения отчаянно искал смерти, бросаясь в контратаки на наступавшие колонны

пруссаков. Но смерть обошла его стороной, приготовив новые испытания, связанные с личным унижением и крахом созданной им империи, которую незадолго до роковой войны он начал энергично реформировать в либеральном духе. Если бы не эта злосчастная война, последующая история Франции могла бы сложиться как-то иначе.

После седанской катастрофы оказавшийся в плену Наполеон был препровожден пруссаками в замок Вильгельмзёе (Вестфалия), где узнал о революции 4 сентября в Париже и сформировании «правительства Национальной обороны» во главе с переметнувшимся на сторону республиканцев генералом Трошю. Узнав о предательстве Трошю, императрица Евгения вместе с сыном спешно покинула Париж. Ее приверженцы помогли им тайно выехать в Англию.

В Вильгельмзёе свергнутый император узнал о подписании 26 февраля 1871 года предварительного мирного договора, положившего конец войне и лишившего Францию двух ее провинций — Эльзаса и Лотарингии. А 1 марта 1871 года телеграф принес сообщение о том, что Национальное собрание Франции низложило его. «Собрание... подтверждает отрешение от власти Наполеона III и его династии... и возлагает на него ответственность за поражение, иностранное вторжение и расчленение Франции», — говорилось в решении парламента.

Наполеон понял, что это конец. Из Вильгельмзёе он пишет императрице Евгении, что его заветная мечта — уехать в Англию и жить там вместе с сыном «в маленьком коттедже с арочными окнами и вьющимися растениями».

С подписанием мира у пруссаков не осталось никаких оснований держать у себя низвергнутого императора. Он был отпущен на свободу и 20 марта 1871 года воссоединился с женой и сыном в Англии, где вместо «маленького коттеджа» они поселились в роскошном имении около городка Числхерст, в графстве Кент, недалеко от Лондона. Вскоре по приезде ему нанесли визит вежливости королева Виктория и принц Уэльский.

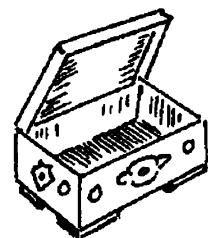
Здесь прошли последние месяцы жизни Луи-Наполеона. Думал ли свергнутый император о том, чтобы последовать примеру своего дяди, победоносно, пусть и ненадолго, вернувшегося в Париж с острова Эльбы? Если и думал, то у него уже не оставалось жизненных сил на такое предприятие. Он давно, еще со времен шестилетнего тюремного заключения, жестоко страдал

от ревматизма и геморроя, а с середины 60-х годов к этому добавились нестерпимые боли в нижней части живота и в пояснице, вынуждавшие его регулярно проходить курсы водолечения.

В июле 1872 года Наполеон обратился к помощи известного врача, сэра Генри Томпсона, который поставил больному неутешительный диагноз — запущенная мочекаменная болезнь, требующая срочного хирургического вмешательства. В первых числах января 1873 года ему было сделано подряд три операции по извлечению камней, а накануне четвертой ослабленный организм не выдержал. В 10 часов 45 минут 8 января 1873 года Наполеон III скончался.

Никто и предположить не мог, что на похороны низвергнутого императора соберется так много сочувствующих и скорбящих. Всеобщее внимание привлекла делегация рабочих численностью до тысячи человек, почтивших память «ученика Сен-Симона», каковым искренне считал себя Луи-Наполеон.

Некоторое время спустя после похорон у могилы можно было увидеть элегантную даму лет тридцати, в трауре, с букетиком цветов. Ее лицо было скрыто вуалью. Она долго стояла в полном одиночестве, что-то шептала и время от времени прикладывала платок к глазам. Это была последняя возлюбленная императора, в недавнем прошлом — известная всему Парижу актриса, выступавшая под артистическим псевдонимом — Маргерит Белланже*. Луи-Наполеон называл ее Марго. Они случайно встретились в 1863 году, а через год Марго родила мальчика. Об их связи стало известно императрице. Она заподозрила актрису в желании стать новой мадам де Ментенон** и потребовала ее немедленного удаления из Парижа. Император приобрел для своей пассии и сына дом в отдаленном квартале Пасси, а также небольшой замок Вильнёв-су-Даммартэн, близ городка Мо, в департаменте Сена и Марна.

* Ее настоящее имя — Жюли Лебёф. Родилась она в бедной семье. До поступления на театральную сцену работала белошвейкой, затем была акробаткой и наездницей в цирке, где обратила на себя внимание изяществом и редкой красоты сложением. Получив известность, стала любимой моделью для художников (в частности, Э. Мане) и скульпторов. Один из ее бюстов работы А.-Э. Каррье-Беллёза можно и сейчас увидеть в парижском музее Карнавале. Жюли послужила Эмилю Золя прообразом одной из героинь его романа «Нана».

** Фаворитка Людовика XIV, ставшая его морганатической супругой.

Последняя встреча императора с его последней возлюбленной произошла в замке Вильгельмзее, куда она смогла проникнуть, преодолев множество казавшихся непреодолимыми препятствий. С крушением Второй империи мадемуазель Белланже выехала в Англию, где вскоре вышла замуж за баронета сэра Уильяма Калбеча, капитана британской армии. Став настоящей леди, Маргерит сохранила светлую память о Луи-Наполеоне, которого при жизни всегда называла «мой дорогой господин».

После смерти своего вождя бонапартисты в 1874 году провозгласили его сына «принца Лулу» императором Наполеоном IV. В 1879 году молодой человек вырвался из-под тяготившей его опеки матери, отправился волонтером на войну англичан с зулурами и погиб во время одной из рекогносцировок. Императрица Евгения прожила еще долгих сорок лет и в 1920 году умерла в полном одиночестве, упокоившись в земле приютившей их Англии, в фамильном склепе, рядом с мужем и сыном.

«...Люди часто несправедливы к тем, кто сделал для них много хорошего», — написал 24-летний Луи-Наполеон за двадцать лет до того, как стал императором французов. Конечно, он не мог тогда предполагать, что эта горькая максима распространится и на него.

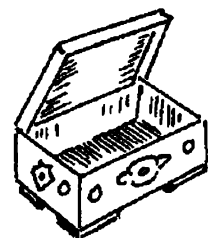
Адольф Тьер

«Человек порядка», «карлик-чудовище», «освободитель Франции», «палач Коммуны», «основатель Третьей республики», «государственный плут», «великий патриот», «казнокрад», «великий историк», «лживый историк», «великий либерал», «безграничный властолюбец», «мизантроп»... — все эти противоречивые и даже взаимоисключающие эпитеты относятся к одному и тому же человеку — Адольфу Тьеру, активному участнику французской политической жизни 1820-х — 1870-х годов. Без малого шестьдесят лет он не сходил с политической сцены Франции, став живым воплощением французского либерализма XIX века. Волей обстоятельств этот убежденный и последовательный приверженец конституционной монар-

хия стал «отцом-основателем» Третьей республики, ее первым президентом.

Мари Луи Жозеф Адольф Тьер родился в Марселе 15 апреля 1797 года (26 жерминаля V года Республики, по революционному календарю). Мальчик появился на свет очень маленьким и слабым, зато «в рубашке»*, что по сохранявшимся с незапамятных времен приметам обещало ему долгую и благополучную жизнь. Это должно было как-то утешить его мать. Дело в том, что новорожденный был внебрачным ребенком 23-летней Мари-Мадлен Амик от связи с женатым мужчиной — 38-летним Пьером-Луи Тьером. Любовники узаконили свои отношения лишь после неожиданной смерти в марте 1797 года 45-летней мадам Тьер, (урожденной Мари-Клодин Фугасс). Таким образом, будущий министр и президент республики, рисковавший навсегда остаться незаконнорожденным, получил фамилию своего отца. Правда, месье Пьер-Луи Тьер не обременял себя отцовскими и вообще семейными обязанностями. Легкомысленный и безответственный Тьер-старший, принадлежавший к солидному семейству марсельских буржуа, предпочитал вести жизнь путешествующего авантюриста и лишь изредка показывался дома. Точно так же он не интересовался и четырьмя детьми от своего первого брака.

Все заботы о воспитании мальчика взяла на себя бабушка по материнской линии, к которой Тьер питал самые теплые чувства и навсегда сохранил о ней благодарную память. Зато об

* Общепринятое выражение «родиться в рубашке (в сорочке)» имеет двойной смысл. В медицинском отношении это означает, что младенец родился в неразорвавшейся, цельной околоплодной оболочке, обволакивающей его как рубашка с головы до ног. Родившийся таким образом ребенок мог задохнуться, что в давние времена случалось довольно часто. Про выжившего в таких случаях малыша говорили, что он родился в рубашке, а уж коли выжил, то будет счастлив до конца дней. В этой народной примете заключен второй смысл выражения «родиться в рубашке». Современная медицина практически исключает подобного рода угрозу при родах. Когда будущий президент Французской республики появился на свет, его голова была плотно закрыта оболочкой, заполненной жидкостью, и только своевременное вмешательство опытной акушерки, проколовшей пузырь с околоплодными водами, спасло малыша от неминуемой смерти.

отце он предпочитал не вспоминать. «Человек, имя которого я ношу и чьим сыном являюсь, никогда, в сущности, не был моим отцом, и я никогда его таковым не считал», — грустно заметил как-то Адольф Тьер.

Детство будущего корифея французской политики прошло если и не в бедности, то в достаточно скромном достатке. В 1808 году мальчика определили в частный пансион в его родном Марселе. Впоследствии этот марсельский лицей получит его имя.

С самого начала он обнаружил большие способности и примерное трудолюбие, за что постоянно поощрялся учителями. Погруженность в учебу не мешала юному Тьеру интересоваться событиями политической жизни. В отличие от большинства своих старших родственников, придерживавшихся роялистских убеждений, Тьера, как и многих его школьных товарищей, увлекали наполеоновские идеи величия Франции. Лицеисты по газетам следили за походами Великой армии, приветствуя ее победы и сочувствуя ее поражениям.

Окончание учебы в лицее совпало с падением Первой империи. Следуя совету одного из учителей, семнадцатилетний Адольф Тьер отправляется в сопровождении матери и бабушки в Экс-ан-Прованс, где поступает на юридический факультет университета. Окруженный заботами любящих его женщин, Адольф целиком отдается учебе. После лекций он спешит в университетскую библиотеку, откуда уходит одним из последних. В это время он увлекается трудами Шарля-Луи Монтескье и других основоположников либерализма. В Эксе Тьер встречается и сближается с Франсуа-Огюстом Минье, начинающим историком и журналистом. Молодые люди обнаруживают полное единство политических взглядов. Завязавшаяся между ними дружба пройдет через всю их последующую жизнь.

В 1820 году Тьер завершает учебу и становится членом коллегии адвокатов Экс-ан-Прованса. Но карьера провинциального адвоката не прельщает амбициозного молодого человека, мечтающего о большем — о широкой известности и даже славе. Всего этого можно добиться только в столице, куда он и решает перебраться. Перед отъездом Тьер собрал небольшие средства для обустройства в Париже — всего 1500 франков. Этих денег, занятых у друзей и знакомых, хватило лишь на первое время, но возврат долгов занял у него несколько лет.

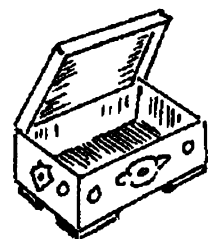
18 сентября 1821 года Тьер сел в дилижанс, отправляющийся в Париж. Ему было 24 года. Малый (1,55 метра) рост, из-за которого его будущие недоброжелатели дадут ему презрительную кличку «карлик», отчасти сглаживался правильными чертами выразительного лица. Высокий лоб украшал непокорный завиток густых волос. За круглыми очками — острый, пытливый и умный взгляд. Тонкие губы и волевой подбородок свидетельствовали о силе характера.

Единственным человеком, которого он знал в Париже, был его друг Минье, перебравшийся туда незадолго до Тьера. Отсутствие других знакомств еще больше сблизило молодых людей.

Благодаря имевшимся у него рекомендациям, Тьеру удалось найти место секретаря у герцога Франсуа де Ларошфуко-Лианкура, члена Палаты пэров, генерального инспектора Школы искусств и ремесел, известного своими умеренно либеральными взглядами и благотворительной деятельностью. Первые три месяца Тьер даже жил в доме герцога, а затем на паях с Минье они сняли скромную квартирку в 1-м округе Парижа.

Получаемое у герцога жалование (1500 франков в год) позволило Тьеру сводить концы с концами и хотя бы не бедствовать в новой парижской жизни. Но что более важно — он получил возможность знакомства с известными людьми, принадлежавшими к оппозиции режиму Реставрации. Среди них были три члена Палаты депутатов: Жак-Антуан Манюэль, которого в декабре 1823 года лишат мандата за резкую критику правительства; Жак Лаффит, бывший в 1814–1820 годах управляющим Французского банка; легендарный генерал Жильбер де Лафайет, «герой Старого и Нового Света».

При их содействии Тьер установил контакт с редакцией либеральной газеты «Конституционалист» («Le Constitutionnel»). Его острые статьи сразу же привлекли внимание читателей. Он писал по широкому кругу вопросов — политика, финансы, искусство, литература, военное дело и др. В скором времени его пригласили в редколлегия этой самой оппозиционной и самой тиражной (до 20 тысяч экземпляров) газеты. Приобретший популярность Тьер стал желанным гостем и в столичных литературно-светских салонах, где он познакомился с Талейраном, Стендалем, Проспером Мериме, Шарлем де Ремюза, философом и дипломатом Вильгельмом фон Гумбольдтом...

За те почти десять лет, что Тьер провел в Париже, его политические взгляды окончательно оформились как устойчиво либеральные. К концу 1820-х годов он уже широко известный журналист и видный деятель либеральной партии. Его политический идеал — британская монархия. Незадолго до революции 1830 года в одной из своих статей он высказался по этому вопросу предельно лаконично: «Король царствует, но не управляет». Это выражение станет афоризмом, как и многие другие высказывания Тьера. Право управления страной, по его убеждению, принадлежит народным представителям в Палате депутатов, а точнее — парламентскому большинству. При этом народ Тьер понимал достаточно узко. Для него речь шла только о тех французах, кто доказал свою гражданскую добродетель, помимо зрелого возраста, наличным капиталом и доходами. Мысль о всеобщем избирательном праве не приходила Тьеру в голову, во всяком случае, вплоть до конца 1840-х годов. Он мечтал только о том, чтобы во Франции окончательно утвердилась система цензовой парламентской монархии. Этой цели он и посвятил свою политическую жизнь.

Журналистика и общественная деятельность не могли захватить Тьера целиком и полностью. Слишком широки и многообразны были его интересы. Возможно, под влиянием Минье, занимавшегося изучением Французской революции, Тьер задумал написать собственный труд на эту же тему. Менее чем за пять лет он подготовил 10-томный труд «История Французской революции». Придерживаясь повествовательного стиля, украшенного множеством подробностей и ярких портретных зарисовок, Тьер-историк подводил читателя к выводу о неизбежности революции, порожденной глубоким кризисом Старого порядка, который исчерпал отведенный ему историей ресурс.

Выступая на страницах своего труда как сторонник конституционной монархии, Тьер нашел слова оправдания даже для якобинской диктатуры, которая, по его убеждению, спасла Францию от иностранного вторжения и внутренней контрреволюции. Окончание революции Тьер справедливо связывал с установлением во Франции Консульства, а затем и Империи, то есть с личностью Наполеона Бонапарта. Изучением Консульства и Империи он займется позднее.

Его фундаментальный труд по истории революции 1789 года получил широкую известность во Франции и за ее пределами.

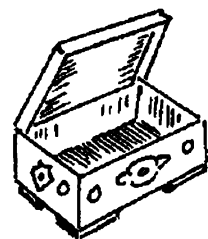
Он был высоко оценен Шатобрианом, Стендалем и Сент-Бёвом. Сам Тьер в 1833 году удостоился высокой чести — избрания во Французскую академию. В 1840 году он стал еще и членом Академии моральных и политических наук.

Увлечение историей не отвлекало Тьера от участия в политической жизни, накал которой возрастал по мере того, как правительство Карла X все более агрессивно нарушало Хартию 1814 года. В январе 1830 года Тьер совместно с Минье, журналистом Арманом Каррелем и издателем Огюстом Сотеле, при финансовой поддержке Жака Лаффита, основали новую газету «Насьональ», ставшую рупором либеральной оппозиции. «Насьональ», постоянно выступавшая в защиту конституционной Хартии, сыграла важную организующую роль во время политического кризиса, вызванного королевскими ордонансами 25 июля 1830 года, распустившими только что избранную Палату депутатов и ограничившими свободу печати под предлогом защиты государственной безопасности.

Когда утром 26 июля ордонансы были опубликованы, они вызвали бурю протеста. Их оценили как серьезное покушение на Хартию 1814 года. Редакция «Насьональ» немедленно превратилась в штаб общественного протеста королевскому произволу. Адо́льф Тье́р был, наверное, первым из журналистов, кто призвал к сопротивлению. «Законный режим прекратил свое существование. На смену ему приходит режим насилия. Повиновение отныне не является нашим долгом», — писал он 27 июля в «Насьональ».

Начавшиеся в тот день стихийные волнения быстро переросли в настоящую революцию. 29 июля восставшие захватили Тюильрийский дворец, власть в столице перешла в руки Муниципальной комиссии. 2 августа Карл X подписал отречение от престола, а 7 августа Палата депутатов провозгласила королем герцога Луи-Филиппа Орлеанского.

Июльская монархия во главе с «королем-гражданином» стала воплощением идеала французских либералов, которых с тех пор стали называть еще орлеанистами. Само определение «король-гражданин» приписывается Адо́льфу Тье́ру, активно продвигавшему кандидатуру Луи-Филиппа на освободившийся французский престол. Еще в феврале 1830 года на страницах «Насьональ» Тьер назвал его в качестве идеального конституционного монарха. Именно Тьеру либеральная партия поручила

30 июля конфиденциальные переговоры с Луи-Филиппом, чтобы убедить его принять верховную власть из рук парламента.

Семнадцать с половиной лет существования либеральной Июльской монархии (1830—1848) — время стремительных взлетов и неожиданных падений в политической карьере Адольфа Тьера, находившегося в первом эшелоне «июльской номенклатуры».

В октябре 1830 года он впервые избирается в Палату депутатов от Экс-ан-Прованса, а в ноябре 1831 года получает пост заместителя статс-секретаря министерства финансов в правительстве Жака Лаффита, своего давнего знакомого и единомышленника. Спустя два года король ставит его во главе министерства внутренних дел. Этот пост Тьер с перерывами на другие министерские должности будет занимать до февраля 1836 года. С января 1833 до апреля 1834 года он — министр сельского хозяйства и торговли.

В феврале 1836 года Луи-Филипп поручил Тьеру формирование правительства. Одновременно ему был доверен портфель министра иностранных дел. Первый кабинет Тьера продержался у власти чуть более полугода. С марта по октябрь 1840 года он вновь возглавил правительство и по совместительству — дипломатическое ведомство. Последний подъем на пирамиду власти Тьер совершил в ночь с 23 на 24 февраля 1848 года, когда король доверил ему спасение гибнувшей в огне революции Июльской монархии. Миссия оказалась невыполнимой даже для такого опытного и изворотливого политика, как Адольф Тьер. В роли премьер-министра в тот раз ему довелось пробыть менее суток. 24 февраля 1848 года «король-гражданин» отрекся от престола, а на следующий день Франция была объявлена Республикой.

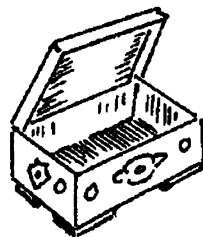
Напряженная государственная деятельность, казалось бы, не оставляла Тьеру времени для решения личных дел. Тем не менее в ноябре 1833 года 36-летний министр вступает в брак с юной Элиз Досн — ничем не примечательной, кроме излишней полноты, девицей. Она была старшей дочерью крупного парижского торговца недвижимостью. Этот брак принес Тьеру богатое приданое, в частности, роскошный особняк на площади Сен-Жорж, в 9-м округе Парижа, где впоследствии откроется Библиотека Тьера.

С этим семейством Тьер познакомился и подружился еще в 1827 году. Пока папаша Досн энергично приумножал семей-

ный капитал на спекулятивных операциях с недвижимостью, «друг семьи» вступил в близкие отношения с очаровательной 32-летней хозяйкой дома, матерью двух девочек-подростков. Любовная связь с Эвридикой Досн настолько захватила Тьера, что он решил не искушать судьбу и не искать счастья на стороне. Когда старшая дочь его друзей подросла, он попросил у родителей ее руки. Согласие отца было получено незамедлительно. Еще бы — родство с министром, да еще давним другом...

Что думала на этот счет мадам Досн — никто не знает. Зато известно, что их интимные отношения с Тьером продолжались и после того, как он стал ее зятем. Более того, в скором времени неутомимый Тьер расположил к себе и мадемуазель Фелиси, младшую дочь супругов Досн, свою свояченицу. Существование этого любовного треугольника, превратившегося в многоугольник, не осталось секретом для всезнающих журналистов, писавших в газетах о «трех половинах месье Тьера» (*trois moitiés de Monsieur Thiers*), с недвусмысленным намеком на трех окружавших его женщин. А парижские шансонье распевали на эту тему песенки соответствующего содержания. Впрочем, легкомысленный Париж, всегда снисходительный в вопросах нравственности, охотно прощал Тьеру его человеческие слабости, чего не скажешь о проводимой им политике, особенно в качестве министра внутренних дел и главы кабинета.

Если в либеральной верхушке общества Тьер пользовался уважением и поддержкой, то в лице простых французов и набравших силу республиканцев он нажил себе непримиримых врагов. С откровенной неприязнью к Тьеру относились и роялисты, сторонники свергнутых Бурбонов. Когда 14–15 февраля 1831 года в Париже возникли беспорядки, сопровождавшиеся разрушением церкви Сен-Жермен л'Осерруа и разгромом дома архиепископа Парижского, именно Тьера роялисты обвинили в сознательном подстрекательстве этих беспорядков. Когда в декабре 1831 года войска маршала Сульта жестоко подавили восстание лионских ткачей, Тьера сочли одним из инициаторов этой карательной экспедиции, хотя армию в Лион отправил не он, а Казимир-Перье, тогдашний глава правительства. То же самое произошло и с подавлением попытки народного восстания в Париже (5–6 июня 1832 года), когда республиканцы не вполне справедливо назвали Тьера одним из «палачей».

Впрочем, никто не мог оспорить у Тьера «заслуги» в кровавом подавлении двух вспыхнувших почти одновременно восстаний — сначала в Лионе (9–14 апреля 1834 года), а затем в Париже (13–14 апреля). Резня, устроенная правительственными войсками на парижской улице Транснонен, потрясла тогда всю Францию. Крайняя жестокость карателей отражена в широко известной литографии Оноре Домье «Улица Транснонен 15 апреля 1834 года». На министре внутренних дел Адольфе Тьере лежала прямая ответственность за обе карательные операции, и он никогда не отказывался от этой «честь». Еще в 1831 году, видимо, вспоминая беспомощность защитников Тюильри в июльские дни 1830 года, он откровенно заявлял: «Надо уметь подавлять восстания».

Придя во власть, Тьер перестал апеллировать к свободе, что он делал в бытность свою оппозиционным журналистом. Теперь он превозносил ценности порядка и решительно осуждал любые попытки покушения на этот самый порядок. Его все устраивало в системе Июльской монархии. В каком-то смысле он мог, наверное, считать эту систему и своим детищем. Единственное, о чем ему оставалось мечтать, помимо естественного желания всегда оставаться на вершине власти, так это о расширении полномочий парламента — за счет определенного ослабления прерогатив королевской власти, как в Великобритании. Луи-Филипп, по мнению Тьера, имел склонность к «личной» политике, не всегда согласной с линией правительства и парламентского большинства.

Между тем король не обнаруживал никакого желания сдавать позиции; он энергично — по большей части закулисно, а то и открыто — участвовал в политическом процессе. В этом короля всячески поддерживала часть либералов-орлеанистов во главе с Франсуа Гизо — одним из лидеров либеральной партии, главным соперником Тьера в ближайшем окружении Луи-Филиппа. Они соперничали и как крупные историки своего времени. Если Тьер внутри либеральной партии постепенно эволюционировал влево, позволяя себе время от времени критиковать с этих позиций отдельные решения короля и его кабинета, то Гизо олицетворял собой правое течение в этой партии, безоговорочно поддерживавшее Луи-Филиппа. Конечно же, не случайно «король-гражданин» отдавал предпочтение преданно-

му ему Гизо перед часто раздражавшим его Тьером, склонным к большей самостоятельности.

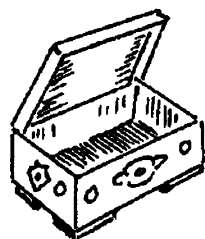
Со своей стороны, Тьер имел определенные основания не считать себя ответственным за падение Июльской монархии в феврале 1848 года. Главным виновником Февральской революции 1848 года был для него Гизо, фактически управлявший страной с октября 1840 года. Именно он, Гизо, совершал одну ошибку за другой и привел Францию к революции. В этом состояло глубокое убеждение Тьера.

Этих двух крупных политиков рассудила история. Революция 1848 года положила конец политической карьере Гизо, вынудив его отправиться в изгнание. Для Тьера же она означала лишь рубеж, преодолев который, он не только остался в политике, но и достиг новых высот.

При Второй республике Тьер не играл заметной роли, хотя и избирался в Учредительное собрание. На президентских выборах в декабре 1848 года он поддержал кандидатуру Луи-Наполеона Бонапарта против Ламартина и других республиканцев, претендовавших на пост главы государства, но уже через год разочаровался в Бонапарте и перешел в оппозицию к нему. По всей видимости, он понял, что не имеет шансов вернуться в большую политику из-за недоверия, которое питал к нему принц-президент. Когда 2 декабря 1851 года Луи-Наполеон совершил государственный переворот, он приказал арестовать Тьера, который несколько дней провел в заключении. Освободившись, Тьер уехал в Бельгию, а оттуда в Англию, где провел около полутора лет.

Оказавшись не у дел, последующие двенадцать лет Тьер посвятил написанию фундаментального 20-томного труда «История Консульства и Империи», работать над которым он начал еще в 1845 году. В этой работе Тьер-историк существенно скорректировал свой взгляд на революцию 1789 года. Если в предыдущем труде, посвященном революции, он делал акцент на идеях свободы, то теперь явное предпочтение отдавалось порядку и стабильности, восстановленным Наполеоном в 1799–1804 годах.

Как политик и историк, Тьер прежде никогда не был сторонником республики, хотя и воздавал должное Конвенту в спасении Франции от внутренней смуты и внешней угрозы. В новом историческом труде его антиреспубликанские убеждения были

выражены предельно откровенно. Тьер не скрывал восхищения Наполеоном, видя в нем не диктатора, а одного из самых великих людей Франции, чем заслужил презрительные отзывы со стороны республиканцев и социалистов. «Лживым историком» называл Тьера его современник Карл Маркс. «Этот карлик любил перед лицом Европы размахивать мечом Наполеона I, в своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона», — писал Маркс в работе «Гражданская война во Франции».

Зато самой высокой оценки «История Консульства и Империи» удостоилась со стороны Наполеона III. В 1857 году, еще до завершения выхода всех томов этого труда, император французов назвал ее автора «национальным историком Франции». Возможно, Наполеон имел в виду и то, что предпочел бы видеть Тьера именно историком, а не политиком.

Сам Тьер был о себе иного мнения, полагая, что далеко еще не исчерпал свой политический ресурс. Завершив «Историю Консульства и Империи», он вновь обратился к политике. На состоявшихся в мае 1863 года парламентских выборах Тьер был избран в Законодательный корпус, где с самого начала превратился в фактического лидера либеральной оппозиции.

11 января 1864 года он выступил в парламенте с развернутой речью, в которой обосновал необходимость отмены закона о «всеобщей безопасности» и восстановления во Франции попранных индивидуальных и коллективных свобод, включая свободу печати. Это выступление Тьера получило широкий резонанс и произвело впечатление даже на Наполеона III, уже размышлявшего о целесообразности либерализации политического режима Второй империи, чтобы придать ему большую устойчивость.

В своих последующих выступлениях с трибуны Законодательного корпуса, куда он был переизбран в 1869 году, Тьер предупреждал об опасности объединения Германии, но одновременно предостерегал от военного конфликта с Пруссией, к которому Франция, по его убеждению, не была готова.

15 июля 1870 года 73-летний Тьер тщетно взывал к здравомыслию своих коллег по Законодательному корпусу, подавлявшихся воинственным настроениям, охватившим Париж. Его голос не был услышан ни депутатами, ни императором.

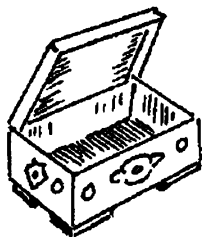
19 июля Наполеон III принял роковое решение: он объявил войну прусскому королю Вильгельму I. В этот же день дом Тьера был окружен агрессивно настроенной толпой. Под крики: «Долой пруссака! Долой предателя!» в окна полетели камни. Полиции с трудом удалось предотвратить захват дома и расправу с его обитателями.

Воинственный угар прошел довольно скоро. Капитуляция Наполеона III в Седане 2 сентября 1870 года стала сигналом для начала революции в Париже, свергнувшей Вторую империю и провозгласившей Республику.

Вчерашний «предатель» неожиданно превратился в прозорливого «оракула». В спешно сформированном правительстве «Национальной обороны» Тьеру предложили пост министра иностранных дел, но он отказался, уступив это место Жюлю Фавру. Тьер не разделял намерения пришедших к власти республиканцев продолжать войну, однако согласился на доверенную ему правительством деликатную миссию — попытаться убедить великие державы поддержать Францию в критический для нее момент. Он отправился сначала в Лондон, потом в Вену, а оттуда — в Петербург. Переговоры оказались безуспешными. Желających оказать Франции помощь не нашлось, тем более в условиях неопределенности ее внутреннего положения. Лицо и характер новой власти в Париже, как и степень ее устойчивости, не внушали доверия ни Лондону, ни Вене, ни Петербургу.

Пока Тьер был в отъезде, пруссаки вплотную подошли к Парижу, где вспыхнули вооруженные беспорядки. 27 октября 1870 года в Меце капитулировала 170-тысячная Рейнская армия во главе с маршалом Ф.А. Базеном. Положение становилось катастрофическим. Тьеру пришлось возвращаться не в осажденную столицу, а в Тур, куда перебралась часть правительства. Пройти через расположение прусской армии ему удалось с помощью охранного свидетельства, выданного в Петербурге министром иностранных дел князем Александром Михайловичем Горчаковым, всегда симпатизировавшим Тьеру.

Тьер с новой силой стал требовать мирных переговоров с Бисмарком, и в конечном счете правительство вынуждено было согласиться с его доводами. 30 октября с помощью все той же охранной грамоты, полученной от Горчакова, Тьер прибывает в осажденный Париж, а оттуда направляется в Версаль, где в это время находился Бисмарк. Успешно начатые переговоры

осложнились сообщением о восстании в Париже под лозунгами сопротивления прусской интервенции, и правительству пришлось убеждать парижан в безвыходности военного положения Франции.

Перемирие было подписано только 28 января 1871 года после фактической сдачи Парижа. Десятью днями ранее, 18 января, в Версале Вильгельм I был провозглашен императором, а Пруссия — Германской империей.

На состоявшихся в начале февраля 1871 года выборах в Национальное собрание успеха добились противники республики — орлеанисты и легитимисты. Адольф Тьер одержал победу в 26 департаментах и стал одним из самых влиятельных членов нового парламента, вынужденно заседавшего в Бордо. Ему удалось сформировать бюро Национального собрания из своих сторонников и провести на пост председателя нижней палаты Жюля Греви, правого («умеренного») республиканца, с которым в июле 1870 года в Законодательном корпусе они вместе пытались предостеречь депутатов от войны с Пруссией.

Со своей стороны, Греви 17 февраля добился в Национальном собрании назначения Тьера «главой исполнительной власти Французской республики» до принятия новой конституции. Таким образом, Адольф Тьер стал одновременно главой государства и правительства. На восьмом десятке лет старый либерал вступил в самый ответственный этап своей жизни.

Первостепенная задача, стоявшая перед главой исполнительной власти Франции, заключалась в заключении мирного договора с Германией. Тьер ведет в Версале изнурительные переговоры с канцлером Бисмарком, всеми силами стараясь минимизировать неизбежное унижение своей страны. Бисмарк, чувствуя себя хозяином положения, упорствовал и не желал идти на уступки. Единственно, чего удалось добиться Тьеру, так это сокращения суммы репараций с 6 до 5 миллиардов франков. Здесь ему помогло содействие Александра II и князя Горчакова, «по-рекомендовавших» кайзеру и его канцлеру не давить чрезмерно на поверженную Францию. В то же время Тьеру пришлось смириться с утратой Эльзаса и Восточной Лотарингии и даже согласиться на временную оккупацию германскими войсками некоторых районов Парижа.

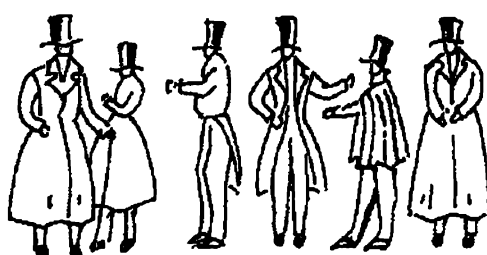
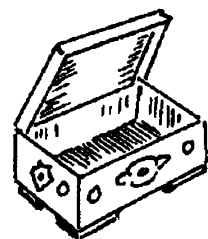
26 февраля 1871 года Тьер и Бисмарк подписали прелиминарный, то есть предварительный, мирный договор. Ответом на него стало патриотическое восстание в Париже. Непосредственным поводом к вооруженному выступлению парижан стала попытка правительства в ночь на 18 марта разоружить рабочие кварталы столицы. Восставшие горожане, руководимые социалистами, объявили соглашение с немцами предательством со стороны правительства Тьера.

28 марта на собрании в столичной Ратуше была провозглашена Коммуна, начавшая формирование народного ополчения для противостояния германским оккупантам и их «версальским пособникам». Одновременно Коммуна развернула активную законотворческую работу, создавая новые органы власти и приступив к социальным реформам.

«Я буду безжалостен! Искупление будет полным, а правосудие — непреклонным!» — заявил Тьер. Здесь он нашел полное понимание у канцлера Бисмарка и начальника германского генерального штаба Хельмута фон Мольтке, согласившихся освободить маршала Мак-Магона и других французских военнопленных, чтобы они могли принять участие в задуманной Тьером карательной операции. При содействии германского военного командования под руководством Мак-Магона была сформирована боле чем 100-тысячная «Версальская армия», которую Тьер бросил на усмирение Парижа. Ценой большого кровопролития, в результате двух штурмов, к 21 мая столица была отбита у коммунаров.

Социалисты отметили «заслуги» Тьера в подавлении восстания презрительными прозвищами — «палач Коммуны» и «карлик-чудовище». Впрочем, в глазах «благонамеренных граждан» Адольф Тьер выглядел «спасителем» и «человеком порядка».

В разгар уличных боев в Париже 10 мая 1871 года во Франкфурте-на-Майне был подписан окончательный мирный договор между Германией и Францией, который в основном повторил условия Версальского прелиминарного соглашения. Единственное, что удалось Тьеру выторговать у Бисмарка, так это сохранить за Францией небольшую территорию в районе Бельфора, в восточной части страны. В остальном навязанные Германией условия были тяжелыми и унижительными. Франция обязывалась выплатить 5-миллиардную контрибуцию (с дополнительными 5 процентами годовых) до марта 1874 года, а также

взять на себя все расходы по содержанию германских оккупационных войск, остававшихся на ее территории вплоть до полной выплаты контрибуции.

Барон Альфонс де Ротшильд, крупный парижский банкир, пытался утешить Тьера заверениями, что Франция сможет без особых усилий выплатить эту колоссальную сумму, если государство под свои гарантии начнет выпускать займы. Тьеру не оставалось ничего другого, как последовать совету Ротшильда. В июне 1871 года с согласия Национального собрания он санкционирует выпуск первого займа на 2 миллиарда франков, а год спустя — второго, на 3 миллиарда. Результаты превзошли все ожидания. Вдохновленная разгромом Парижской коммуны буржуазия была исполнена благодарности к «спасителю» и активно поддержала инициированную Тьером «патриотическую акцию». Займы были успешно размещены и позволили досрочно выплатить контрибуцию.

В соответствии с Франкфуртским мирным договором германские войска весной 1873 года начали покидать территорию Франции. Последние части эвакуировались в сентябре 1873 года, и Адольфа Тьера стали называть «освободителем территории» и даже «освободителем Франции».

Но все это будет чуть позже, а летом 1871 года, после подавления Коммуны, в Национальном собрании развернулась ожесточенная борьба по вопросу государственного устройства Франции. Монархическое большинство считало, что настал момент покончить с неустойчивой республикой. Правда, между двумя монархическими течениями не было согласия относительно кандидатуры будущего короля, и пока противники республики спорили между собой, Тьер представлялся им компромиссной фигурой. «Благонамеренные французы», включавшие умеренных республиканцев, легитимистов и орлеанистов, выдвинули кандидатуру Тьера на пост временного (до принятия конституции) президента Французской республики. 31 августа 1871 года Национальное собрание большинством голосов избрало его главой государства.

А что же сам Адольф Тьер? В душе он оставался все тем же умеренным либералом, считавшим конституционную монархию лучшим политическим режимом для Франции. Но трагические потрясения, связанные с Парижской коммуной, произвели необратимые изменения в его мировоззрении. В отличие от подавляющего большинства своих единомышленников-орлеа-

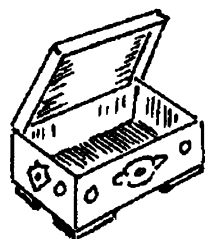
нистов, не говоря уже о легитимистах и бонапартистах, «палач Коммуны» сумел глубоко проанализировать недавние события и сделать для себя неутешительный, но безоговорочный вывод — немедленная реставрация монархии чревата новым революционным взрывом. Поэтому он полагал необходимым сохранить, по крайней мере на какой-то срок, Республику, — но республику консервативную, «республику без республиканцев».

Когда-то давно, выступая в феврале 1850 года в Законодательном собрании, Тьер, имея в виду реставраторские устремления Луи-Наполеона к возрождению бонапартистской империи, говорил: «Республика — это форма правления, которая сеет между нами наименьшую рознь». Вот и теперь, в 1871 году, он считал, что сохранение республиканского строя поможет успокоить страсти. Именно в умиротворении возбужденного и разобщенного французского общества он видел главную миссию президента Республики.

Став президентом, Тьер погрузился в текущие дела. Была введена всеобщая воинская повинность сроком в пять лет, обновлен высший командный состав армии. Были отменены прямые выборы мэров крупных городов — потенциальных очагов волнений; теперь мэры назначались правительством. В мятежной столице должность мэра и вовсе упразднили и ввели там особый порядок управления. Расширенные полномочия получили префекты департаментов, подотчетные только центральной исполнительной власти. Финансовая политика главы государства, озабоченного выплатой контрибуции, характеризовалась введением новых косвенных налогов.

Тьер-президент был вынужден постоянно лавировать в Национальном собрании между тремя фракциями — орлеанистами, легитимистами и республиканцами. Его излюбленным приемом стала угроза добровольной отставки, когда надо было склонить парламент к одобрению того или иного своего решения. Первое время это приносило ему успех, но отношения с законодательной властью становились все более конфликтными, и постепенно шантаж перестал воздействовать на депутатов.

Республиканцы всегда хотели ухода Тьера с поста президента. Но с недавнего времени он перестал устраивать и монархистов. Момент истины наступил 13 ноября 1872 года, когда в обращении к Национальному собранию президент высказался за сохранение республиканского строя. Эти слова нелегко дались

старому монархисту, окончательно осознавшему невозможность реставрации монархии и устойчивость республиканских настроений во Франции.

После этого отстранение Тьера от власти было предрешиено. Вчерашние единомышленники, составлявшие большинство в Национальном собрании, объявили войну своему недавнему лидеру. Все его предложения критиковались и часто блокировались легитимистами и орлеанистами, спешно искавшими нового вождя, способного воплотить их намерение о реставрации монархии.

И такой человек был найден — маршал Патрис де Мак-Магон, герцог де Мажента. Оставалось только избавиться от Тьера.

23 мая 1873 года Тьер выступал в парламенте с двухчасовой речью, в которой предельно откровенно заявил: «Я принял для себя окончательное решение, которое хочу довести до вашего сведения. Монархия невозможна. Нельзя сидеть на троне вдвоем». Тьер имел в виду трех соперничавших друг с другом претендентов на французский престол — кандидата легитимистов графа де Шамбора, вождя орлеанистов графа Парижского и сына Наполеона III.

Эта речь стала последней для него в качестве президента Франции. Утром 24 мая он направил в Национальное собрание заявление о своей отставке, которая незамедлительно была принята. Вечером того же дня депутаты избрали нового главу государства — маршала Мак-Магона.

А бывший президент, покинув Елисейский дворец, в скором времени обосновался неподалеку — во дворце Бурбонском, где занял место среди депутатов Национального собрания. «Необходимо ко всему относиться серьезно, но ничто не следует воспринимать трагически», — сказал он однажды и сам старался следовать этому правилу. «Но теперь и Тьер уже не сила, — констатировал в “Дневнике писателя” Федор Михайлович Достоевский, внимательно следивший за событиями во Франции. — Сам он, конечно, еще не замечает того; ведь так еще недавно он стоял во главе Франции! Но пока он ждал и собирался — минута ушла навеки. Без сомнения, ему будет величайшим сюрпризом вдруг теперь узнать, что он всего только великое историческое лицо, окончательно отошедшее в область истории, а затем уже и ничего больше».

Как бы то ни было, Тьер был полон творческих планов. Он намеревался написать книгу о своем недолгом президентстве, делал наброски к книге о Микеланджело...

3 сентября 1877 года Тьер, как обычно, проснулся около семи часов утра, хотел было прогуляться, но ненастная погода заставила его остаться дома. Тьер прошел в кабинет и работал там, пока его не позвали к обеду. За столом у него был хороший аппетит, но когда дело дошло до десерта, он почувствовал себя плохо и вышел на воздух. Однако боль в области сердца становилась все сильнее. Срочно вызванный доктор пустил своему ему кровь, но это не помогло.

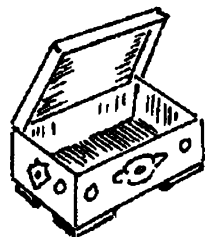
В 18 часов 30 минут Тьер скончался от острой сердечной недостаточности. Ему было восемьдесят лет и четыре месяца.

Проводить Тьера пришли сотни тысяч парижан. Но среди них не было действующего президента Мак-Магона и депутатов-легитимистов — на этом настояла вдова. Похоронили Тьера на кладбище Пер-Лашез — том самом, где в мае 1871 года по его приказу были расстреляны последние защитники Парижской коммуны...

Маршал Мак-Магон

Маршал Мак-Магон приобщился к политике, когда ему было далеко за шестьдесят. До того мало кто догадывался об истинных политических убеждениях «старого солдата» и «честного маршала», как его называли во французской печати. Мак-Магон преданно служил режиму Реставрации Бурбонов, был лоялен к Июльской монархии Луи-Филиппа и ко Второй республике, демонстрировал верность Наполеону III и Второй империи, при которой достиг вершины военной карьеры. Он помог Адольфу Тьеру утопить в крови Парижскую коммуну, а затем сменил его на посту президента Третьей республики, которую в душе ненавидел. На протяжении всей своей долгой жизни Мак-Магон оставался убежденным роялистом, но прочно усвоенные правила военной дисциплины не позволяли ему после 1830 года, когда пал режим Реставрации, проявлять и тем более демонстрировать свои подлинные убеждения.

Патрис де Мак-Магон родился 13 июля 1808 года в фамильном замке Сюлли в Бургундии. Он был шестнадцатым (!), предпоследним ребенком в семье Мориса-Франсуа, барона де Сюлли, графа де Мак-Магона (1754—1831), бывшего королевско-

го мушкетера, дослужившегося до звания полевого маршала и должности инспектора кавалерии. Мать Патриса — Пелажи де Рике де Караман — принадлежала к почтенному лангедокскому семейству, возведенному в дворянство при Людовике XIV в 1666 году. Один из ее предков, Пьер-Поль Рике, барон де Бонрепо, получил известность как строитель Южного канала, соединившего в 1681 году Гаронну со Средиземным морем.

Семья Мак-Магонов имела ирландские корни. Предки будущего маршала-президента, потомственные католики и убежденные «якобиты», вынуждены были покинуть Англию вместе с Яковом II Стюартом после «Славной революции» 1688 года. Они нашли убежище во Франции, обосновавшись в Бургундии. По семейным преданиям, Мак-Магоны вели свой род от древних королей Ирландии, чем очень гордились. Их дворянство во Франции было подтверждено патентом, подписанным Людовиком XV. Четырнадцать представителей рода Мак-Магонов посвятили себя военной службе в рядах французской армии. Такая же судьба была уготована и молодому графу Патрису де Мак-Магону.

В двенадцатилетнем возрасте он был определен в начальную школу в небольшом городке Отен, в восемнадцати километрах от фамильного замка Мак-Магонов. Вскоре из Отена подростка перевели в столичный иезуитский коллеж св. Людовика, а в октябре 1825 года семнадцатилетний Патрис стал кадетом Сен-Сирской военной школы, где готовился стать храбрым кавалеристом. Он усердно учился и при выпуске из Сен-Сира обнаружил прочные знания в военном деле.

Семейное воспитание, закрепленное годами учебы у иезуитов, сформировало в Мак-Магоне устойчивые роялистские убеждения.

1 октября 1827 года, успешно сдав выпускные экзамены, младший лейтенант Патрис де Мак-Магон начал военную службу в 4-м гусарском полку. Через два с половиной года, когда Карл X санкционировал военную операцию по захвату Алжира, Мак-Магона переводят в 20-й пехотный линейный полк, включенный в состав экспедиционного корпуса, отправленного к алжирским берегам. В ходе Алжирской кампании молодой офицер сумел проявить себя с самой лучшей стороны. Он отличился уже в первых сражениях по взятию города Алжир. 9 июля 1830 года

лейтенант Мак-Магон вместе со своим полком прошел победным маршем по улицам поверженного города.

Позже за проявленную храбрость и умелое руководство своим подразделением Мак-Магон был произведен в кавалеры Почетного легиона. Но радость, испытанная молодым офицером при получении первой боевой награды, была омрачена тем обстоятельством, что декрет о награждении был подписан не легитимным королем Карлом X, а «королем-гражданином» Луи-Филиппом Орлеанским, завладевшим престолом в результате Июльской революции 1830 года.

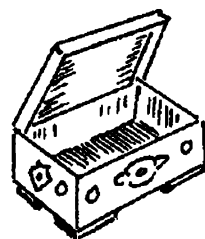
Граф де Мак-Магон был потрясен свержением Карла X и узурпацией герцогом Орлеанским наследственных прав малолетнего герцога Бордоского. Для него, воспитанного на идеалах легитимизма и верности династии Бурбонов, родившаяся на парижских баррикадах конституционная Июльская монархия была чужда. Мак-Магон принял решение выйти в отставку, но родные уговорили его не делать этого. Выполняя желание умиравшего отца*, Патрис отказался от своего намерения и продолжил службу, убедив себя в том, что служит Франции, а не политическим режимам. Этой линии он будет придерживаться и в последующем, в душе оставаясь все тем же легитимистом.

В 1831 году его отозвали во Францию и привлекли к участию в так называемой Десятидневной кампании (2—12 августа 1831 года). Французские войска дали тогда отпор армии короля Голландии Вильгельма I, попытавшегося ликвидировать независимость Бельгии, провозглашенную под влиянием Июльской революции 1830 года во Франции.

В ноябре — декабре 1832 года Мак-Магон отличился во время осады цитадели Антверпена, где укрепились голландцы. 23 декабря французские войска под командованием маршала Э.М. Жерара, поддержанные бельгийскими формированиями, вынудили гарнизон цитадели капитулировать. За участие в этом деле лейтенант Мак-Магон получил чин капитана.

В 1836 году он возвращается в Алжир, где участвует в дерзких кавалерийских рейдах против отрядов бедуинов. В октябре 1837 года капитан Мак-Магон получил первое боевое ранение, а в награду — крест офицера Почетного легиона.

* Морис-Франсуа де Мак-Магон скончался в Отене 23 марта 1831 года.

В последующие годы его карьера стремительно идет вверх. В 1840 году он — майор, командир эскадрона. В одной из операций Мак-Магон был ранен пулей, отскокшей от эфеса его шпаги. В 1842 году он уже подполковник 2-го полка Иностранного легиона*; в 1845-м — полковник, командир 41-го пехотного линейного полка; в 1848-м — бригадный генерал. За проявленную доблесть и умелое руководство войсками бригадный генерал Мак-Магон в 1849 году был произведен в командоры Почетного легиона. Тогда же его назначили исполнять обязанности военного губернатора провинции Оран вместо отозванного во Францию генерала Э. Пелиссье.

Падение Июльской монархии в результате Февральской революции 1848 года и учреждение Второй республики стали вторым серьезным испытанием для графа де Мак-Магона. Он опять задумался об уходе из армии, но верность воинскому долгу взяла верх. Важную роль в решении не губить успешно складывавшуюся карьеру сыграл его сослуживец генерал Эжен Кавеньяк, назначенный Временным республиканским правительством генерал-губернатором Алжира, а в мае 1848 года занявшим пост военного министра. Именно он убедил Мак-Магона остаться в строю. По всей видимости, генерал-диктатор обнадежил Мак-Магона какими-то захватывающими перспективами.

Очередное испытание ожидало Мак-Магона в декабре 1851 года, когда принц-президент Луи-Наполеон Бонапарт осуществил государственный переворот, ставший прелюдией к ликвидации Второй республики и возрождению бонапартистской империи. В этот раз генерал не испытывал особенных колебаний, когда встал на сторону главы государства, уже примерявшего на себя императорскую корону. В 1852 году он успешно справился с данным ему поручением — организовать на территории Алжира плебисцит в пользу введения во Франции всеобщего избирательного права, что должно было окончательно склонить французов на сторону бонапартистского режима.

* Воинское формирование, созданное в 1831 году для проведения специальных операций за пределами Франции, прежде всего во французских колониях. Контингент Иностранного легиона составляли как французы, так и иностранные наемники.

Луи-Наполеон оценил старания Мак-Магона, добившегося нужных принцу-президенту результатов голосования. В марте 1852 года Мак-Магон получил под командование войска, расположенные в районе города Константина, а в июле того же года был произведен в дивизионные генералы. Он спокойно отреагировал на учреждение Второй империи во главе с Наполеоном III, но в душе остался все тем же легитимистом. Политические предпочтения графа де Мак-Магона выразились даже в выборе супруги.

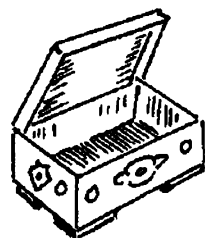
13 марта 1854 года 35-летний закоренелый холостяк, каким привыкли считать его друзья и сослуживцы, обвенчался с двадцатилетней Элизабет де Ла Круа де Кастри, внучкой герцога де Кастри, пэра Франции в период Реставрации. Несмотря на приличную разницу в возрасте супругов, их брак, продлившийся четверть века, оказался удачным и даже счастливым, увенчавшись рождением четверых детей — троих сыновей и дочери.

Красивая, элегантная и умная, обладавшая утонченным вкусом, законодательница парижской моды и радушная хозяйка великосветского салона, графиня Элизабет де Мак-Магон, впоследствии герцогиня де Мажента, стала надежной опорой и помощницей будущего маршала и президента Республики. Кстати, именно ее стараниями были обновлены интерьеры Елисейского дворца (президентской резиденции), во многом сохранившиеся до наших дней.

Новая страница в биографии Мак-Магона связана с его участием в Крымской (Восточной) войне 1853—1856 годов. Наполеон III доверил ему командование 1-й пехотной дивизией 2-го армейского корпуса, который в сентябре 1854 года высадился на крымский берег в районе Евпатории. Главной целью союзников был город-крепость Севастополь, база русского Черноморского флота. Севастополь упорно сопротивлялся, и осада затянулась почти на год.

8 сентября 1855 года, во время решающего штурма Малахова кургана, доминировавшего над осажденным городом, дивизия Мак-Магона была брошена в самое пекло. Ценой многотысячных потерь французам и их британским союзникам* удалось

* Невосполнимые потери французов при втором штурме Малахова кургана составили 7500 человек; аналогичные потери англичан — 2500 человек убитыми.

преодолеть ожесточенное сопротивление русских и овладеть курганом. «Я здесь, и здесь я останусь!» («J'y suis et j'y reste») — эти слова, якобы произнесенные Мак-Магоном*, поставили символическую точку не только в обороне Малахова кургана, но и всего Севастополя. 9 сентября русские войска оставили город.

Однако слава победителя досталась не Мак-Магону, а его бывшему сослуживцу и начальнику по Алжиру — Эмаблю Пелиссье, главнокомандующему французским экспедиционным корпусом в Крыму. Уже 12 сентября декретом Наполеона III он получил звание маршала Франции, а по возвращении в Париж — титул герцога де Малакофф (duc de Malakoff).

Правда, Мак-Магон тоже не был забыт. Он был удостоен Большого креста Почетного легиона, а после подписания 30 марта 1856 года Парижского мирного договора, положившего конец Крымской войне, стал сенатором и получил предложение занять высокий командный пост в метрополии. От поста, однако, генерал отказался и попросил вернуть его в Алжир.

В течение 1857 года Мак-Магон со своей дивизией сумел сломить упорное сопротивление берберских племен и установить контроль над Кабилией — исторической областью на севере Алжира, долгое время недостижимой для французов. В этой военной экспедиции он получил третье боевое ранение.

По возвращении в Париж в начале 1858 года сенатор Мак-Магон принимает участие в работе верхней палаты. Здесь он позволил себе смелый поступок, проголосовав в числе немногих против законопроекта об «общественной безопасности», внесенного в Сенат после очередного покушения на жизнь Наполеона III. В этом законопроекте убежденный легитимист, как ни странно, усмотрел попытку ущемления правительством личных свобод.

Впереди его ожидал апогей воинской славы. Назревала франко-итало-австрийская война. Император Наполеон решил воплотить свою давнюю мечту о вытеснении Австрии из Северной Италии и включении в состав французской территории Савойи

* Сам Мак-Магон никогда не подтверждал, что произносил эту «историческую фразу». Тем не менее она прочно вошла во французскую литературу, посвященную Крымской войне, а также во все биографии маршала.

и графства Ницца — того, что впоследствии назовут Лазурным Берегом и Приморскими Альпами.

Дивизионный генерал Патрис де Мак-Магон получил под свое командование корпус. В сражении при Мадженте (4 июня 1859 года) он разгромил противостоявший ему правый фланг австрийской армии и при этом спас от угрозы пленения самого императора, наблюдавшего за сражением. Здесь же, на еще не остывшем от битвы поле, Наполеон III произвел его в маршалы Франции и даровал ему титул герцога де Мажента (Маджентского).

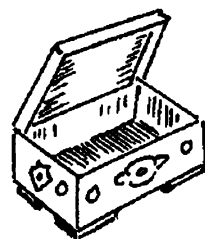
Мак-Магон отличился и в следующем сражении при Сольферино (24 июня), где он командовал центром французской армии. После второго поражения австрийский император Франц-Иосиф поспешил с заключением мира, отказавшись от притязаний на Северную Италию.

С окончанием Итальянской кампании маршал Мак-Магон возвратился к своей работе в Сенате. В 1861 году Наполеон III направил его в качестве своего личного представителя на коронацию Вильгельма I Прусского — того самого, с кем девять лет спустя они сойдутся в трагическом для Второй империи и Франции военном противостоянии.

Но Мак-Магона неодолимо тянет в Алжир, с которым связана почти вся его жизнь профессионального военного. В 1864 году император Наполеон наконец отправляет его туда в качестве генерал-губернатора. Но храбрый военачальник оказался плохим гражданским администратором. Его неумелое, по-военному прямолинейное руководство не только не погасило постоянно тлевшие в Алжире конфликты, но разожгло новые, вызвав всеобщее недовольство — как коренного населения, так и французских поселенцев.

В конечном итоге и сам Мак-Магон понял, что не справляется. Дважды он подавал императору прошения об отставке, но по каким-то причинам отставка не принималась. И лишь поток жалоб на генерал-губернатора побудил Наполеона III в середине 1870 года отозвать его из Алжира. Неуклюжее управление Мак-Магона в значительной степени подготовило так называемое восстание Мукрани*, которое в 1871—1872 годах охватило

* Си аль-Хадж Мухаммед Мукрани был правителем Мерджана — области на востоке Алжира.

около 250 алжирских племен и с трудом было подавлено французской армией.

19 июля 1870 года Наполеон III объявил войну королю Пруссии Вильгельму I и принял второе роковое решение — лично возглавить верховное военное командование. 28 июля в сопровождении четырнадцатилетнего наследника престола он отбыл в распоряжение армии в Мец. В Париже на правах регентши осталась императрица Евгения, совершенно не готовая, как вскоре обнаружится, к принятию ответственных политических решений.

Мак-Магону император поручил командование 1-м корпусом, сосредоточенным в приграничной зоне, неподалеку от Страсбурга. Поначалу французам сопутствовал успех: им удалось продвинуться вглубь Саара и даже взять город Саарбрюккен, но в начале августа пруссаки перехватили инициативу и нанесли французам два серьезных поражения. Одно из них — под Вертом (6 августа) — потерпел 1-й корпус Мак-Магона, потерявший до половины личного состава. Другое поражение — у Шпихерна — понес 2-й корпус генерала Ш.О. Фроссара. После этого перед прусской армией открылась дорога на Эльзас.

Военные неудачи ввергли императора Наполеона в депрессию, усугубленную обострением давних физических недугов. Он распорядился разделить войска на две армии. Первая, расположившаяся к востоку от города Шалон-сюр-Марн (отсюда ее название — Шалонская), была поставлена под командование маршала Мак-Магона. Сам Наполеон находился здесь же. Командование второй, Рейнской армией, рассредоточенной между Саарбрюккеном и Страсбургом, 12 августа было доверено маршалу Ф.А. Базену, ветерану Крымской и Итальянской кампаний.

В результате двух сражений (16 и 18 августа) Рейнская армия Базена вынуждена была отступить в Мец, где была блокирована 160-тысячной прусской группировкой. 120-тысячная Шалонская армия Мак-Магона по приказу императора также двинулась на Мец, но по какой-то причине Наполеон избрал не прямой, а окольный путь — через Седан, а у Мак-Магона не хватило решимости указать императору на ошибку. Пока Мак-Магон, теряя время, совершал обходной маневр, прусское командование двинуло войска наперерез французам и окружило их в районе Седана.

1 сентября пруссаки начали штурм Седанской крепости. 540 орудий вели непрерывный обстрел, нанося защитникам Седана тяжелые потери. В самом начале обстрела Мак-Магон получил тяжелое ранение и сначала передал командование дивизионному генералу Огюсту-Александрю Дюкро, а затем — дивизионному генералу Эмманюэлю Феликсу де Вимпфену.

Осознав бессмысленность дальнейшего сопротивления, Наполеон III распорядился на полуразрушенной крепостной стене вывесить белый флаг. Однако потребовалось еще несколько часов, прежде чем его приказ был исполнен, поскольку генералы и старшие офицеры отказывались смириться с очевидным поражением.

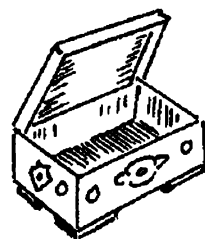
Сомнительная честь подписания 2 сентября соглашения о капитуляции выпала генералу де Вимпфену, за что впоследствии именно он будет обвинен в катастрофе под Седаном. Маршал Мак-Магон, как, впрочем, и сам Наполеон III, уклонились от участия в этом унижительном акте.

Император Наполеон, маршал Мак-Магон, другие генералы, как и более ста тысяч французских солдат и офицеров, оказались в плену*.

Известие о Седанской катастрофе, полученное в Париже вечером 3 сентября, стало сигналом к самой бескровной в истории Франции революции 4 сентября, в один день покончившей с бонапартистским режимом Второй империи. С трибуны Законодательного корпуса один из лидеров республиканцев Леон Гамбетта в тот день провозгласил: «Луи-Наполеон Бонапарт и его династия навсегда прекратили править во Франции». В Париже было сформировано Временное правительство («правительство Национальной обороны») во главе с переметнувшимся к республиканцам генералом Луи-Жюлем Трошю, военным губернатором Парижа, считавшимся до того бонапартистом. «Революция совершилась», — констатировал наблюдавший за событиями в столице Франции российский поверенный в делах Григорий Николаевич Окунев.

Что касается маршала Мак-Магона, то он почти полгода провёл в плену, откуда был освобожден в марте 1871 года по просьбе Адольфа Тьера, которому он понадобился для подавления

* За один день Седанского сражения в нем погибли 3220 французских солдат и офицеров; около 15 тысяч получили ранения, а 104 тысячи попали в плен.

народного восстания, охватившего Париж 18 марта 1871 года, сразу после того, как немцы оставили столицу Франции.

Тьер и стоявшие за ним консервативные круги искали решительного военного руководителя, способного восстановить порядок в столице, который мог бы очистить ее от «преступной» Коммуны, бросившей вызов правительству, укrywшемуся в Версале под защитой немецких штыков. Таким руководителем версальцам представлялся маршал Мак-Магон, которому уже простили поражение под Седаном.

Весна 1871 года стала последним этапом в военной биографии Мак-Магона. Впрочем, его миссия имела не столько военный, сколько карательный характер. Впервые старому вояке пришлось убивать соотечественников.

Полтора месяца ушло на формирование так называемой Версальской армии, половину которой составили вчерашние французские военнопленные (более 60 тысяч человек), предоставленные немцами в распоряжение правительства Тьера. Остальных набрали по всей территории Франции. К двадцатым числам мая 1871 года в Версальской армии под командованием Мак-Магона было уже 130 тысяч человек. Немцы, продолжавшие контролировать северные предместья французской столицы, согласились пропустить армию Мак-Магона к городским окраинам и позволили ей взять Париж в плотное кольцо окружения.

21 мая началась карательная операция по «зачистке», как бы сейчас сказали, столицы Франции. Кровопролитные, предельно ожесточенные уличные бои, с применением артиллерии продолжалась семь дней (21–28 мая 1871 года). В истории Франции эти семь дней получили название «Кровавая неделя» (*Semaine sanglante*). Последним оплотом коммунаров стало кладбище Пер-Лашез, у стены которого версальцами были проведены показательные расстрелы. Общее число казненных защитников Коммуны, по уточненным данным, составляло около 1500 человек*. Потери армии Мак-Магона составили до 1000 человек убитыми и 6500 ранеными.

* До недавнего времени в публицистической и отчасти в исторической литературе назывались явно преувеличенные цифры о расстрелянных коммунарах — от 20 до 30 тысяч. Источником этих данных, как правило, были свидетельства бывших коммунаров, которым удалось спастись.

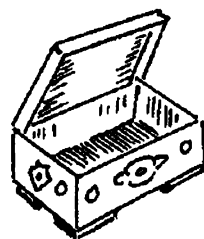
После подавления Коммуны Мак-Магон превратился во влиятельную политическую фигуру, став живым воплощением «партии порядка». С ним считались, перед ним заискивали, искали его расположения, хотя 63-летний маршал и не занял высокого поста в формировавшейся новой политической системе. Главную роль в ней играл старый либерал-орлеанист Адольф Тьер, занимавший ключевые министерские посты еще при Июльской монархии.

Но постепенно и у монархистов, и у республиканцев нарастало недовольство Тьером, который пытался лавировать между разными партиями и в конце концов потерял многих своих сторонников. Монархическое большинство Национального собрания стало добиваться смещения Тьера с поста главы государства, что ему и удалось осуществить 24 мая 1873 года.

Новым президентом республики был избран маршал Мак-Магон, который представлялся компромиссной фигурой для всех трех монархических течений, существовавших тогда во Франции. Республиканцы, обоснованно подозревавшие Мак-Магона в неприятии демократии, оказались тогда бессильны помешать его избранию.

Интересна характеристика Мак-Магона, данная ему Ф. М. Достоевским:

«Маршал Мак-Магон, “старый маршал”, “честный маршал”, “храбрый маршал”, “честный старый солдат” и т. д. и т. д., — писал Достоевский 17 сентября 1873 года, — до самого 24 мая сего года был, конечно, всем известным в Европе лицом, но только с одной, весьма ограниченной стороны. Он служил, он дрался, он отличился, и когда надо было, об нем всегда объявляли в газетах, но ровно столько же, сколько и о других отличившихся маршалах. Даже и менее, чем о других... И вот вдруг столь много и столь обыкновенно известный маршал Мак-Магон с 24 мая, то есть с выбором его в президенты Французской республики на место Тьера, становится *необыкновенно* (курсив Достоевского. — П. Ч.) известным, громадно, колоссально известным. Известность эта продолжается уже почти четыре месяца. И вот во все это время, с самого первого до самого последнего сегодняшнего дня, все газеты всего мира, а французские по преимуществу, взапуски принялись называть маршала всеми теми прозвищами, которые мы выписали несколько строк выше: “старый маршал”, “честный маршал”, “храбрый маршал”, “честный старый солдат”

и проч. Всего более упирали на два слова: “честный и храбрый”, и всего чаще повторяли их. Ничего бы, кажется, не могло быть лестнее для старого, храброго солдата; а между тем в том-то и дело, что наверно вышло наоборот. Тут всегда являлось как бы какое-то коварство, — самое, впрочем, невольное, почти нечаянное и неизбежное, — а между тем точно все сговорились. Именно: все эти прекрасные эпитеты — “честный, храбрый” и т. д. — появлялись как бы для того только, чтоб избежать слова “умный”... Ни разу не было сказано “наш умный маршал, наш дальновидный маршал”. И всегда это говорилось, как нарочно, с самую искреннюю, то есть с самую обидную, наивностью, а стало быть, и — ясностью. Именно, когда хвалили других за политический ум, за дальновидность или разбирали путаницу предстоящих труднейших событий, всегда тут-то как раз: “честный маршал”, “храбрый, честный солдат”, “на него будет можно понадеяться”. Работать-то, конечно, будет не он, а мы (да и не его ума это дело), но храбрый солдат нам не изменит, честный солдат нас сбережет, мы у него как у Христа за пазухой, ну а когда придет время, мы у него сбереженное-то и отберем, а ему откланяемся, и он будет этому очень рад, потому что это “храбрый маршал”, “честный маршал”, “честный, храбрый старый солдат”!

Одним словом, — резюмировал свою мысль Достоевский, — мы твердо уверены, что, как бы ни был маршал Мак-Магон храбр и честен, тем не менее ничего нет противнее для него в настоящее мгновение, как эти эпитеты “храбрый да честный”. Тут немного надо знания психологии и вообще человека и особенно храброго и честного солдата, чтоб согласиться с этим.

Мы опять и откровенно повторяем, что считаем этот проявившийся с 24 мая факт (избрание Мак-Магона. — П. Ч.) чрезмерно важным, но не замеченным доселе политическим обстоятельством и что, уже конечно, он повлияет даже на важнейшие дела Европы, может быть, в самом ближайшем будущем. Ибо что, например, было бы теперь всего приятнее честному и храброму маршалу? Уж без сомнения, всего приятнее было бы вдруг и неожиданно доказать всей Европе и особенно Франции, что он не только старый и честный, но вместе с тем и довольно-таки умный маршал».

Впоследствии сомнения Достоевского перерастут в осуждение Мак-Магона и проводимой им политики. Он поймет

ограниченность политического мировоззрения маршала-президента, его слабость как политического деятеля.

И в самом деле, на высшем государственном посту маршал-президент не обнаружит необходимых для этого качеств, хотя будет очень стараться быть объективным и даже справедливым. Иногда ему это будет удаваться, но чаще — нет. Старый вояка так и не сможет выйти за узкие рамки мышления профессионального военного. Мак-Магону не будет хватать ни политической, ни общей культуры, и это стало благодатной почвой для анекдотов о нем. Вот один из них:

«— Приходите ко мне вечером в Елисейский дворец на ужин, — любезно пригласил Мак-Магон встреченного им давнего знакомого.

— К сожалению, не могу, — ответил тот. — Этим вечером я должен видеть *Эрнани**.

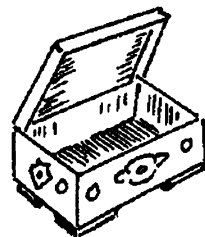
— Ничего страшного, приводите его с собой, у нас всегда найдется лишний столовый прибор, — добродушно повторил свое приглашение маршал-президент».

Парижские острословы сочинили немало подобного рода анекдотов о Мак-Магоне, культурный уровень которого оставлял желать лучшего, несмотря на все старания его более просвещенной и развитой супруги.

Так или иначе, но 24 мая 1873 года в жизни маршала Мак-Магона начинается самый важный период, продолжавшийся пять лет, восемь месяцев и шесть дней.

Поддержав избрание Мак-Магона на пост главы государства, депутаты-орлеанисты постарались уравновесить его влияние продвижением своего кандидата на пост председателя совета министров. Им стал приверженец Орлеанской династии герцог Альбер де Бройль, сформировавший правительство, составленное исключительно из правых политиков разного толка, объединившихся в намерении подготовить очередную реставрацию монархии во Франции. Его назовут правительством «морального порядка».

* В 1870 годы в «Комеди франсез» возобновились спектакли по пьесе Виктора Гюго «Эрнани», запрещенной в период Второй империи. Эрнани — имя главного героя этой пьесы Гюго.

Повод к такому названию дал маршал Мак-Магон, который в одном из своих первых публичных выступлений сказал: «С Божьей помощью, опираясь на армию, которая всегда будет гарантом законности, при поддержке всех благонамеренных французов, мы продолжим дело освобождения нашей национальной территории и восстановление *морального порядка* (курсив мой. — П. Ч.) в нашей стране. Мы сохраним внутренний мир и отстоим принципы, на которых основано наше общество».

«Моральный порядок» в понимании президента Мак-Магона и правительства герцога де Бройля подразумевал прежде всего уничтожение «революционной партии» и восстановление во французском обществе «традиционных ценностей», главная из которых — католическая церковь. Не случайным в этой связи стало принятие 23 июля 1873 года правительственного решения о возведении на вершине Монмартрского холма величественной базилики «Священное Сердце» (*Sacré-Cœur*), задуманной как символ торжества католицизма, «законности и порядка» над «бесчинствами» Коммуны 1871 года*.

Утверждение «морального порядка» наряду с усилением клерикальных тенденций, особенно в сфере народного образования, выразалось в жесткой борьбе с республиканским радикализмом, представляемым как главная угроза общественной безопасности. Правительство ужесточило контроль над республиканской прессой. Воздвигались надуманные административные препятствия для деятельности традиционно популярных во Франции политических клубов, для проведения собраний и митингов. Без всяких объяснений увольняли префектов и чиновников, придерживавшихся республиканских убеждений. Дело дошло до того, что повсеместно стали изыматься символические бюсты Республики из зданий мэрий и муниципалитетов. И все это происходило не где-нибудь в монархическом государстве, а в провозглашенной в 1870 году Французской республике.

По сути, с благословения маршала-президента шла подготовка к ликвидации республиканского строя и реставрации монархии. На протяжении двух месяцев (август — сентябрь 1873 года) в Фрохсдорфе (Австрия) группа депутатов-орлеанистов Национального собрания вела переговоры с вождем леги-

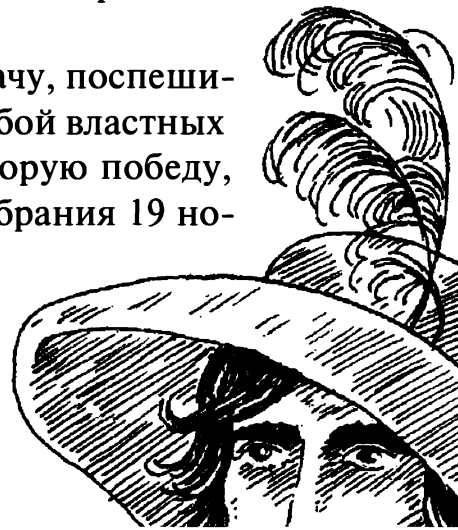
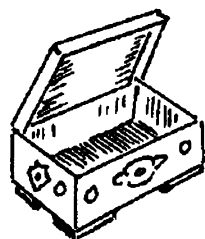
* Строительство базилики, начатое в 1875 году, растянулось на несколько десятилетий. Оно было завершено только в 1929 году.

тимистов, претендентом на французский престол 53-летним графом де Шамбором — внуком Карла X. В итоге орлеанисты и легитимисты достигли компромисса, и Национальное собрание пригласило графа Шамбора занять восстанавливаемый французский престол под именем Генриха V. После смерти бездетного короля трон должен был унаследовать вождь орлеанистов граф Парижский — Филипп VII. Со своей стороны, граф Шамбор согласился на принятие конституции (в духе Хартий 1814 и 1830 годов).

Оставался только один, представлявший второстепенным, вопрос — о государственном флаге Франции. Но именно он, к всеобщему удивлению, оказался неразрешимым. Граф Шамбор решительно отверг трехцветное знамя. Между тем на протяжении восьмидесяти лет оно было государственным символом всех политических режимов, за исключением режима Реставрации — Первой республики, Первой империи Наполеона I. Июльской монархии Луи-Филиппа, Второй республики и Второй империи Наполеона III. Шамбор категорически настаивал на возвращении к белому знамени Бурбонов, символу Старого порядка.

Непостижимое упрямство претендента завело переговоры во Фрохсдорфе в тупик. Мак-Магон, уже готовый уступить верховную власть Генриху V Бурбону, был озадачен. Будучи приверженцем династии Бурбонов, Мак-Магон в то же время давно смирился с триколором, под которым прошли сорок с лишним лет его военной службы, — под ним он многократно водил в атаку солдат, командовал полками, дивизиями, корпусами и армиями. Он видел в трехцветном флаге символ доблести и славы французского оружия, а не символ революции. В результате упрямство графа Шамбора натолкнулось на твердость маршала-президента, отказавшегося пожертвовать государственным флагом своей страны. А республиканцы, почти смирившиеся с поражением, получили неожиданный подарок, о котором не могли и мечтать. Вопрос о реставрации монархии во Франции был отложен, хотя и не снят с повестки дня.

Со своей стороны, монархисты, потерпев неудачу, поспешили реализовать запасной вариант удержания за собой властных позиций. Пока республиканцы предвкушали скорую победу, консервативное большинство Национального собрания 19 но-

ября 1873 года инициировало принятие закона о продлении полномочий главы государства на семь лет.

Одновременно были продлены полномочия Национального собрания, избранного еще в 1870 году. Дополнительный срок оно должно было употребить для подготовки и принятия новой конституции.

Тем временем незадачливый граф Шамбор, по-видимому, осознал, что совершил роковую ошибку, и попытался ее исправить. 19 ноября он тайно посетил Версаль, где встретился со своими сторонниками. Негласно санкционировавший этот приезд президент Мак-Магон тем не менее отказался с ним встречаться. «Будучи убежденным роялистом, — писала в своей книге Элизабет де Мирибель, правнучка Мак-Магона, — он все же не встретился с графом де Шамбором, считая, что не может приносить свой долг президента республики в жертву желаниям этого принца».

К началу 1875 года окончательно рассорившиеся парламентарии подготовили несколько конституционных законопроектов. Создать единый документ им так и не удалось. В конечном итоге Национальное собрание поочередно приняло три конституционных закона — «Организация Сената» (24 февраля); «Организация общественных властей» (25 февраля) и «Взаимоотношения общественных властей» (16 июля); они были дополнены законами о правилах избрания сенаторов и о Государственном совете. В совокупности эти законы составили так называемую Конституцию 1875 года, или Конституцию Третьей республики.

Законодательная власть отныне была распределена между двумя палатами — Сенатом и Палатой депутатов. Верхняя палата (Сенат) избиралась на девять лет и обновлялась на треть каждые три года. Нижняя — на четыре года. Всеобщее избирательное право не распространялось на женщин и военнослужащих. Исполнительная власть сосредотачивалась в руках президента, избиравшегося парламентариями сроком на семь лет. Глава государства наделялся правами законодательной инициативы, объявления войны, заключения мира и назначения на высшие должности в гражданской администрации и в армии. Другой орган исполнительной власти — правительство — формировалось по результатам выборов в Палату депутатов.

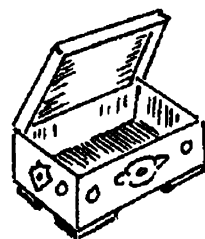
Состоявшиеся после принятия конституции выборы (1876) принесли победу республиканцам, получившим 360 мест (из 650) в нижней палате*. Президент Мак-Магон вынужден был в декабре 1876 года поручить формирование правительства Жюлю Симону, представлявшему правое крыло республиканской партии. Но уже в мае 1877 года, воспользовавшись решением Палаты депутатов осудить развернутую клерикалами и монархистами во Франции ожесточенную кампанию за восстановление светской власти Пия IX**, Мак-Магон вынудил правительство Ж. Симона уйти в отставку. Формирование нового кабинета президент поручил герцогу А. де Бройлю. Одновременно глава государства распустил нижнюю палату и объявил досрочные выборы, дав шанс правым взять реванш. Эти действия президента были оценены республиканцами как попытка государственного переворота.

«Маршал Мак-Магон, заручившись преданностью армии, — писал Ф. М. Достоевский в июне 1877 года в “Дневнике писателя”, — может разогнать новое грядущее собрание представителей Франции, *если оно пойдет против него* (здесь и далее курсив Достоевского. — П. Ч.), просто штыками, а затем прямо объявить всей стране, что *так захотела армия*. Как римский император упадка империи, он может затем объявить, что отныне “будет сообразовываться лишь с мнением легионов”. Тогда настанет всеобщее осадное положение и военный деспотизм, — и вот вы увидите, увидите, что это ужасно многим во Франции понравится!»

Вопреки расчетам Мак-Магона, на состоявшихся в октябре 1877 года парламентских выборах республиканцы вновь одержали победу, хотя и потеряли 40 депутатских мест (323 против 208 у правых). Мак-Магон попытался проигнорировать результаты выборов и навязать стране «беспартийное» правительство генерала Гаэтана де Рошбуэ. В ответ левое большинство Палаты депутатов отказалось обсуждать бюджет и вообще признавать

* Правые получили в Палате депутатов 200 мест, бонапартисты — 80.

** В результате захвата Папского государства войсками Итальянского королевства в сентябре 1870 года Рим стал столицей объединенной Италии, а Пий IX объявил себя «ватиканским узником» и отказывался выезжать за пределы своей резиденции.

правительство Рошбуэ, что вынудило главу государства признать свое поражение в противоборстве с парламентом.

В декабре 1877 года Мак-Магон поручил формирование министерства умеренному республиканцу Жюлю Дюфору, давнему соратнику умершего в сентябре того же года А. Тьера. С этого момента Третья республика фактически утратила прежний президентский характер и стала парламентской республикой, которая управлялась правительством, формируемым большинством Палаты депутатов.

После потери большинства в нижней палате у Мак-Магона оставалась последняя надежда на предстоявшее в январе 1879 года обновление на треть Сената. Президент рассчитывал на уверенную победу правых сил, традиционно преобладавших в верхней палате, и делал все от него зависящее для обеспечения этой победы. Мак-Магон совершал частые поездки по регионам и призывал «благонамеренных граждан» содействовать упрочению «порядка и законности» — по сути, недвусмысленно агитировал в пользу консерваторов.

С тех пор как в 1873 году он стал главой государства, Мак-Магон старался выглядеть президентом «всех французов», национальным лидером, стоящим над классами и партиями и радующим исключительно об интересах государства и общества. Но после поражения правых на выборах в Палату депутатов маршалу-президенту изменила выдержка. Повторное поражение на выборах в Сенат означало бы конец надеждам на реставрацию монархии во Франции — то есть на то, к чему стремились Мак-Магон и выдвинувшие его политические силы. Именно поэтому глава государства позволил себе открыто вмешаться в предвыборную борьбу.

Но его усилия оказались тщетными. Результаты выборов, состоявшихся 5 января 1879 года, опрокинули расчеты маршала-президента. Республиканцы одержали уверенную победу, обеспечив себе 66 дополнительных мест в Сенате. Отныне они располагали в Сенате большинством, и, таким образом, Сенат вслед за Палатой депутатов перешел под их контроль.

Правительство Ж. Дюфора, опираясь на большинство в обеих палатах, получило возможность приступить к задуманным реформам по демократизации политической системы Третьей республики. Начать было решено с чистки высшего эшелона

гражданской и военной администрации — префектов и супрефектов, прокуроров, генералов, послов.

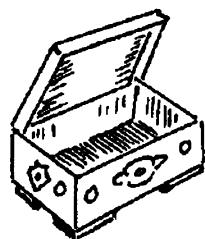
Мак-Магон категорически отказался утвердить представленный ему список увольнений и назначений. Особое негодование маршала-президента вызвало предложение правительства отправить в отставку командиров пяти армейских корпусов, его товарищей по оружию. Он заявил, что скорее уйдет со своего поста, нежели покроет себя таким позором.

«Момент истины» наступил на заседании правительства 30 января 1879 года. Когда министры собрались в зале заседаний, глава государства обратился к ним с вопросом, продолжает ли правительство настаивать на отставке пяти заслуженных генералов? И получил утвердительный ответ. Тогда Мак-Магон зачитал текст заранее подготовленного заявления, предназначенного для оглашения в парламенте. В нем говорилось, что в создавшихся условиях он не считает для себя возможным исполнять далее обязанности главы государства.

В тот же день Палата депутатов приняла отставку Мак-Магона и немедленно избрала нового президента республики. Им стал один из лидеров республиканской партии Жюль Гриви. Отныне и исполнительная, и законодательная ветви власти оказались в руках республиканцев. Третья республика укрепилась в своих основаниях.

Добровольно отказавшись от власти, последние четырнадцать лет жизни маршал Мак-Магон провел в своем замке Форе (департамент Луаре) в обществе жены, детей и внуков. Время от времени супруги наезжали в столицу, где у них в 7-м округе был свой дом на улице Бельшасс. Мак-Магон отказывался от всех предлагавшихся ему почетных должностей. Он согласился лишь возглавить Общество попечения об увечных воинах. Позже эта общественная организация превратилась во Французский Красный Крест.

Второй президент Французской республики умер 17 октября 1893 года в возрасте 85 лет. Правительство устроило ему национальные похороны. 22 октября останки маршала де Мак-Магона, герцога де Мажента были погребены в маршальской усыпальнице Дома Инвалидов.

Жюль Гриви

«Со вчерашнего дня мы, наконец, живем при Республике», — так прокомментировал Леон Гамбетта, лидер республиканского блока в Национальном собрании избрание Жюля Гриви 30 января 1879 года президентом Франции. Это заявление кому-то могло показаться странным, учитывая, что республиканский строй существовал во Франции с сентября 1870 года, когда пала Вторая империя. Однако французы хорошо поняли, что имел в виду Гамбетта — национальный герой, организатор сопротивления немецким интервентам, сформировавший после поражения Франции в 1870 году новую 500-тысячную армию.

На протяжении девяти лет со времени свержения Наполеона III судьба Франции постоянно колебалась на весах истории. Преемники Наполеона на посту главы французского государства — Адольф Тьер и особенно маршал Мак-Магон — обоснованно подозревались в намерениях восстановить монархию, и лишь с приходом в Елисейский дворец убежденного республиканца Жюля Гриви опасность монархической реставрации во Франции была устранена. Третья республика обрела при нем так не достававшую ей устойчивость.

Принято считать, что будущий президент Французской республики появился на свет 15 августа 1807 года в Мон-су-Водрей (департамент Юра, регион Бургонь-Франш-Конте) на западе Франции. Откуда взялась эта дата, неизвестно. Сам Гриви при поступлении на адвокатскую стажировку в Королевский суд Парижа указал, что родился 17 июня 1807 года. Правда, представить соответствующую выписку из регистрационной книги записей гражданского состояния начинающий адвокат тогда не смог, так как сама книга бесследно пропала еще в 1812 году.

Жюль Гриви родился в семье с прочными республиканскими традициями, где сторонились как католицизма, так и протестантизма. Семейство Гриви принадлежало к так называемым деистам, признававшим бессмертие души и существование Бога как создателя всего сущего, но отвергавшим Библию и другие священные тексты, составлявшие духовную основу всех направлений официального христианства. В этом отношении семейству республиканцев Гриви, по-видимому, ближе были

религиозные воззрения времен якобинского Конвента с культом Верховного Существа.

Жюль был старшим из трех сыновей, сделавших со временем успешную карьеру. Его брат Поль Гриви (родился в 1820 году) окончил Политехническую школу и стал профессиональным военным, достигнув звания дивизионного генерала. Выйдя в отставку, он занялся политической деятельностью и был избран в Сенат от родного департамента Юра. Младший из трех братьев — Альбер (родился в 1823 году) — выбрал адвокатское поприще и активно участвовал в политической жизни.

Поначалу родители определили Жюля в коллеж де л'Арк, располагавшийся в административном центре коммуны Монсу-Водрей. Основанный в 1582 году при Академии Безансона, коллеж имел репутацию учебного заведения высокого уровня с достаточно демократичными порядками. Все изменилось в 1823 году, когда коллеж был передан в управление иезуитам, превратившим его в подобие семинарии.

После этого родители Жюля, считавшегося одним из лучших учеников, перевели его в коллеж Полиньи, находившийся в соседней коммуне. Там он завершил свое среднее образование и отправился в Париж, чтобы учиться на юриста.

По окончании учебы в университете Жюль Гриви получил лицензию на адвокатскую практику, которую начал в столичном Королевском суде. Первое время ему приходилось заниматься преимущественно уголовными делами, но его неотвратимо тянуло к делам политического характера. К концу 1830-х годов заметно оживилась активность республиканцев — противников Июльской монархии. Все симпатии республиканца Гриви были на их стороне, хотя сам он и не был сторонником насильственных методов политической борьбы, практиковавшихся радикальным крылом республиканской оппозиции. Тем не менее Гриви считал своим долгом защищать республиканцев, подвергавшихся судебным и административным преследованиям.

Громкая известность пришла к нему в 1839 году, когда он выступил защитником на процессе сподвижников Огюста Бланки и Армана Барбеса, организовавших антиправительственное восстание в Париже. С тех пор Гриви, оставаясь практикующим адвокатом, превратился в заметную фигуру республиканской оппозиции.

Политическая карьера Жюль Гриви стартовала в ходе Февральской революции 1848 года, когда Временное правительство направило его в качестве комиссара Республики в родной департамент Юра. По его собственному признанию, им руководило стремление доказать землякам, что республика совместима с порядком и законностью, а не ведет к анархии и произволу, чем запугивали французов монархисты. Успешность его миссии была подтверждена убедительной победой Гриви на выборах в Учредительное собрание. Избиратели департамента Юра отдали ему предпочтение перед всеми другими кандидатами.

Когда в Собрании развернулась острая дискуссия по проекту республиканской конституции, Жюль Гриви энергично выступил против статьи, определявшей избрание главы государства (президента республики) всеобщим голосованием. Убежденный сторонник деперсонализации власти, он выступал за парламентскую республику, где основные рычаги власти должны быть сосредоточены в руках Национального собрания. По его мнению, избирать главу государства должны были именно депутаты парламента, а не масса разобщенных и неискушенных в политике избирателей, которых легко дезориентировать и обмануть. В избрании президента всеобщим голосованием Гриви видел потенциальную угрозу цезаризма, установления режима личной власти главы государства. Однако его поправка к соответствующей статье будущей конституции не набрала требуемого большинства.

К тому времени, когда 41-летний Жюль Гриви приобщился к большой политике, он все еще не был женат. По тогдашним представлениям, это плохо влияло на его репутацию. Гриви решил исправить положение. 29 августа 1848 года он вступил в брак со своей давней возлюбленной, 37-летней Корали Фресс, дочерью торговца кожами из Нарбонны в Аквитании. Через год у немолодых супругов родилась дочь Алис, которой будет суждена долгая жизнь — 89 лет.

В 1849 году Гриви вновь был избран в Законодательное собрание от департамента Юра. Депутаты, в свою очередь, доверили Гриви пост вице-председателя Собрания. Пользуясь своими полномочиями, он, как мог, противодействовал попыткам принца-президента Луи-Наполеона Бонапарта нарушить конституцию.

В ходе бонапартистского переворота 2 декабря 1851 года Гриви был арестован и помещен под арест. Когда внутренняя обстановка во Франции стабилизировалась, Луи-Наполеон распорядился его освободить. Перед Гриви встал выбор: поступиться принципами и попытаться найти свое место в государственной системе Второй империи или уйти из политики, где не оставалось возможностей для легальной оппозиционной деятельности.

Гриви выбрал второе и возвратился в адвокатуру. Политическая и профессиональная известность способствовала его избранию в состав столичной коллегии адвокатов, а затем и старшиной этой коллегии. Адвокатской деятельностью Гриви занимался более пятнадцати лет — до той самой поры, когда Наполеон III неожиданно для многих взял курс на либерализацию Второй империи.

Гриви усмотрел в этом шанс вернуться к активной политической деятельности. За прошедшие шестнадцать лет он несколько не изменил своим убеждениям и остался твердым сторонником республиканского строя. В 1869 году он в третий раз заручился поддержкой земляков — избирателей департамента Юра и вернулся в парламент, где возглавил группу непримиримых демократов-республиканцев («gauche fermée»), отвергавших саму возможность сотрудничества с бонапартистским режимом.

Наиболее острой критике Гриви с трибуны Законодательного корпуса подвергал авантюристичную внешнюю политику Наполеона III, неумолимо толкавшую Францию к войне с Пруссией. В обстановке милитаристского угара, охватившего летом 1870 года французское общество и подавляющее большинство депутатов, Гриви вместе с Адольфом Тьером призывал одуматься и воздержаться от объявления войны, к которой Франция не была готова. Но их предостережения не были услышаны. Начавшаяся 19 июля 1870 года война уже через полтора месяца привела Францию к национальной катастрофе.

После падения Второй империи в сентябре 1870 года Гриви на какое-то время вновь отошел от активной политической деятельности. Он держался в стороне от правительства Национальной обороны, настаивавшего на продолжении уже проигранной войны, с чем Гриви, как и Тьер, был категорически не согласен.

Его возвращение в политику началось с объявления выборов в новый законодательный орган, намеченных на начало февра-

ля 1871 года. Гриви, помимо Юра, выдвинул свою кандидатуру еще в двух департаментах. Свою предвыборную программу он резюмировал в двух тезисах: «Республика — прежде всего; мир с надеждой на реванш всеми доступными средствами». Программа Гриви показалась избирателям самой понятной, убедительной и привлекательной. Он был избран в парламент сразу в трех департаментах, что сделало его, в сочетании с безупречным прошлым, одним из наиболее авторитетных депутатов нового Национального собрания. 16 февраля 1871 года абсолютным большинством голосов (519 из 538) он был избран председателем законодательного органа, которому предстояло заложить основы Третьей республики.

На посту председателя Национального собрания Гриви проявил себя мастером компромисса между враждовавшими монархическими и республиканскими фракциями. Более двух лет ему удавалось поддерживать необходимое равновесие. Однако постоянно нараставшее давление преобладавших в парламенте монархистов (орлеанистов и легитимистов), готовивших свержение республиканского строя, неизбежно привело к открытому конфликту с Гриви. 2 апреля 1873 года монархисты вынудили его сложить с себя полномочия председателя Палаты. Полтора месяца спустя, 23 мая 1873 года, правое большинство Национального собрания вынудило уйти в отставку и президента Французской республики Адольфа Тьера.

Гриви откликнулся на уход Тьера и активизацию сторонников монархической реставрации брошюрой «Необходимое правительство» («Le Gouvernement necessaire»), в которой обосновал важность республиканского устройства Франции. После отставки Тьера он выставил свою кандидатуру для избрания на вакантный пост главы государства. Но правые забаллотировали его кандидатуру и провели в президенты маршала Патриса де Мак-Магона.

Состоявшиеся в марте 1876 года парламентские выборы завершились уверенной победой республиканцев. Жюль Гриви был переизбран в новую Палату депутатов и 13 марта вновь занял в ней председательское кресло. Кандидатуру Гриви поддержали 462 депутата из 468. «Этого человека, характер, безупречное прошлое и незапятнанная совесть которого вызывают заслуженное уважение, мы можем представить всем как пример

умеренности и мудрости, верности и чести», — сказал о Жюле Гриви Леон Гамбетта.

Гриви сыграл важную роль в событиях 1877 года, когда президент Мак-Магон в нарушение конституции 1875 года попытался управлять без учета мнения парламентского большинства. Это встретило жесткий отпор со стороны председателя Палаты депутатов. Провалом завершилась и попытка Мак-Магона «переформатировать» нижнюю палату путем ее роспуска и проведения в октябре 1877 года внеочередных выборов. В конечном счете Мак-Магон вынужден был отступить и вернуться в «конституционное поле», поручив формирование правительства Жюлю Дюфору, представителю победивших на выборах республиканцев.

В результате политического кризиса 1877 года заметно пошатнулось положение самого президента Мак-Магона. В глазах значительной части общества он был дискредитирован своими антиконституционными действиями. Все более очевидно вырисовывалась перспектива его досрочной отставки, что и случилось 30 января 1879 года.

Для подавляющего большинства нижней палаты не было вопроса, кто может занять освободившееся место главы государства. 563 голосами (из 713) новым президентом республики был избран Жюль Гриви. Его преемником на посту председателя Палаты депутатов стал Леон Гамбетта.

6 февраля 1879 года, выступая на совместном заседании Палаты депутатов и Сената, Жюль Гриви предельно четко сформулировал свое видение роли президентской власти в Третьей республике. «Совершенно искренне подчиняясь великому закону парламентской системы, — заявил Гриви, — я никогда не позволю себе вступить в борьбу с национальной волей, выражаемой ее институциональными органами». Ни Адольф Тьер, ни Патрис де Мак-Магон не выражали столь ясно свое безусловное подчинение принципам парламентской республики. Ни Тьер, ни Мак-Магон не помышляли отказываться от конституционного права роспуска неугодного (или неудобного) им парламента. Гриви же недвусмысленно дал понять, что он никогда не воспользуется этим правом, ибо уважает выбор избирателей.

Он стал первым президентом Французской республики, безоговорочно признавшим приоритет Палаты депутатов как в фор-

мировании правительства, так и в определении внутренней и внешней политики Франции. Свою миссию главы государства он видел в том, чтобы быть гарантом конституции 1875 года и представлять Французскую республику в международном сообществе, а в случае возникновения внутренних политических кризисов — способствовать их преодолению.

Это не означало, что президент Гриви отстранился от участия в текущей политической жизни. Разумеется, у него не было подобных мыслей. Но, памятуя о печальном опыте своего предшественника Мак-Магона, позволявшего себе грубо вмешиваться в политический процесс, Гриви действовал осторожно, можно сказать, деликатно, но вместе с тем и целенаправленно. Свою миссию он видел и в том, чтобы содействовать утверждению в государстве и обществе пока еще недостаточно прочных республиканских принципов и традиций.

Гриви инициировал более четкое перераспределение властных полномочий в пользу парламента и правительства. В рамках частичного пересмотра конституции в июне 1879 года по его инициативе были учреждены новые республиканские символы. День взятия Бастилии 14 июля был объявлен во Франции национальным праздником, а знаменитая «Марсельеза» — государственным гимном. 14 июля 1880 года Гриви возглавил праздничную церемонию на ипподроме Лоншан, где под звуки «Марсельезы» передал новые, республиканские знамена частям столичного гарнизона. Тогда же во всех государственных органах власти появились мраморные бюсты Марианны — еще одного символа Французской республики.

Принятые конституционные поправки санкционировали возвращение Национального собрания и Сената из Версаля, куда они вынуждены были перебраться еще в период франко-прусской войны, в Париж.

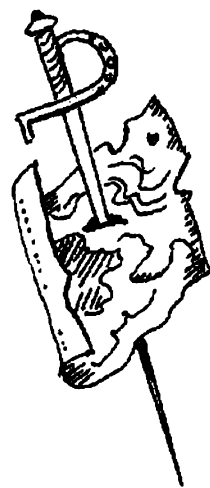
Тогда же Елисейский дворец стал постоянной официальной, а не временной, как при Тьере и Мак-Магоне, резиденцией главы государства. При активном содействии мадам Гриви была осуществлена частичная перестройка Елисейского дворца. На его фасаде появились часы, сохранившиеся до наших дней. Стараниями супруги президента во дворце был устроен Зимний сад. Для удобства работы главы государства к его резиденции была проведена телефонная линия — одна из первых в Париже.

Здесь же, в Елисейском дворце, в 1881 году состоялась свадьба Алис, единственной дочери супругов Гриви, и Даниэля Вильсона, члена Палаты депутатов, которому будет суждено погубить карьеру третьего президента Французской республики. Но все это случится только шесть лет спустя...

Важным направлением усилий главы государства стала антиклерикальная политика в сфере образования; цель была в том, чтобы максимально ослабить влияние церкви на формирование мировоззрения молодого поколения. Здесь Гриви действовал в тесном взаимодействии с правительством. В 1879—1880 годах были приняты важные решения по утверждению светского характера народного образования, созданы коллежи и лицеи для девочек. Закон от 29 марта 1880 года предписал всем монашеским конгрегациям пройти официальную регистрацию в органах власти и запретил им заниматься преподавательской деятельностью в университетах и школах. После принятия этого закона иезуиты, не согласившиеся с новыми правилами, вынуждены были второй раз в своей истории покинуть территорию Франции*.

Декретом от 11 июля 1880 года президент Гриви амнистировал оставшихся в заключении или в изгнании участников Парижской коммуны. Годом ранее из тюрьмы был освобожден радикальный социалист Огюст Бланки, позже избранный в Палату депутатов. Неутомимый бунтарь немедленно занялся созданием новой антиправительственной организации — «Центрального революционного комитета». 29 июля 1881 года Гриви утвердил закон о свободе печати. Тогда же были разрешены публичные собрания и митинги без получения предварительного разрешения властей. Одновременно вышел запрет использовать стены домов для расклеивания афиш и листовок. Об этом запрете до сих пор напоминают таблички на многих зданиях в центре французской столицы.

В марте 1884 года во Франции были легализованы профсоюзы. Тогда же лицам, принадлежавшим к ранее правившим во Франции династиям (Бурбоны, Орлеаны и Бонапарты) было запрещено участвовать в выборах и избираться в депутаты всех уровней. Три года спустя, в июне 1886 года, президент Гриви

* Впервые иезуиты были изгнаны из Франции еще в 1764 году, в царствование Людовика XV.

утвердил принятый Палатой депутатов закон об изгнании всех представителей династических семейств за пределы Франции.

14 августа 1884 года своим декретом Гриви провозгласил незыблемость республиканского режима во Франции. Этот постулат сохраняет свою силу до сего дня, как и другой декрет Гриви — о регулярной ротации прежде несменяемых сенаторов.

Однажды Гриви как бы в шутку признался: «Я не позволю никому контролировать лишь две области — военную и внешнюю политику. Во всем остальном я очень покладист». В этой шутке была, как иногда говорят, лишь доля шутки. В Третьей республике, как всем было известно, внешняя и военная политика определялась парламентским большинством и формируемым им правительством. Но одновременно конституция 1875 года оставляла за президентом высшую ответственность — гаранта государственного суверенитета и национальной безопасности. Президентский мандат позволял Гриви серьезно влиять на принимаемые правительством решения в области внешней политики и обороны.

В отличие от многих своих коллег-республиканцев, не говоря уже о монархистах и военной верхушке, буквально бредивших возвращением Эльзаса и Лотарингии и мечтавших о реванше над Германией, Жюль Гриви можно считать пацифистом, причем его пацифизм имел вполне рациональную основу. В реалиях 1880-х годов он решительно не верил в возможность успешного реванша, так как обескровленная тяжелой контрибуцией Франция, по его убеждению, не располагала для этого достаточными ресурсами. К тому же, полагал он, коль скоро перспектива новой франко-германской войны не устраивает ведущие европейские державы, слабая Франция рискует остаться один на один с набравшей силу Германской империей. Поэтому Гриви делал все от него зависящее, чтобы Франция проводила предельно осторожную внешнюю политику. Любой ценой он стремился не допустить нового, чреватого еще более серьезными последствиями, чем это было в 1870–1871 годах, столкновения с Германией.

Подобная «капитулянтская», по мнению патриотов-реваншистов, позиция главы государства неизбежно навлекла на него обвинения в «предательстве» национальных интересов Франции. Нападки на Гриви предпринимались как справа, так и слева. С правого фланга его атаковали националисты из «Лиги

патриотов» Поля Деруледа, а с левого — часть своих же «умеренных республиканцев», среди которых набирал влияние генерал Жорж Буланже. Среди критиков чрезмерно осторожного президента оказался и Леон Гамбетта, его давний сподвижник.

Гриви всегда опасался харизматиков, склонных, как он считал, к авантюрным предприятиям. К таковым Гриви относил и Гамбетта. Отдавая должное его личной храбрости, ораторскому таланту и выдающимся организаторским способностям, Гриви вместе с тем считал Гамбетта недопустимо легкомысленным и чрезмерно амбициозным. Опасения главы государства не были лишены оснований. Когда в ноябре 1881 года Гамбетта получил давно желанный пост председателя Совета министров, он продержался на нем всего 73 дня. Дав волю своим амбициям, он попытается произвольно расширить полномочия главы правительства, но встретил решительный отпор со стороны Палаты депутатов. 26 января 1882 года он и его кабинет были отправлены в отставку. Менее чем через год, 31 декабря 1882 года, Гамбетта умер от рака.

Так или иначе, Гриви на протяжении без малого девяти лет пребывания у власти удавалось удерживать Палату депутатов и сменявшие друг друга правительства* от неосторожных внешнеполитических шагов, что обеспечило Франции самый продолжительный после 1871 года период мирного развития, сопровождавшийся значительным экономическим, научно-техническим и культурным подъемом.

Вынужденная пассивность Франции на европейском направлении компенсировалась резкой активизацией колониальной политики. Сам Гриви не был столь горячим сторонником колониальной экспансии, как один из его ближайших сподвижников Жюль Ферри, которого позднейшие историки назовут «отцом французского империализма», но и не препятствовал ей.

Колониальная экспансия Франции развивалась по двум главным направлениям — на Дальнем Востоке и в Африке. На первом направлении Франция пыталась создать барьер между британской Индией и Китаем, что предполагало подчинение

* Всего за время нахождения Ж. Гриви на посту президента Французской республики (8 лет и 10 месяцев) во Франции сменились четырнадцать правительств.

Индокитая. Еще при Наполеоне III, в 1863 году, французы установили контроль над Южным Вьетнамом (Кохинхиной), а в 1867 году — протекторат над Камбоджей. Третья республика продолжила эту политику. В 1883 году на протекторат Франции под угрозой французского вторжения вынужден был согласиться император Аннама (Центральный Вьетнам). Оставались Северный Вьетнам (Тонкин) и Лаос. В первом случае французам пришлось натолкнуться на упорное сопротивление Китая, который поспешил ввести свои войска на территорию Тонкина, что стало причиной франко-китайской войны.

Поначалу китайские войска сумели нанести французам ряд серьезных поражений, а одно из них (при Лангшоне 27–28 марта 1885 года) даже решило участь кабинета Ж. Ферри, прозванного за это поражение «тонкинцем». Но плохо вооруженная китайская армия не могла долго противостоять хорошо оснащенному французскому экспедиционному корпусу, получавшему подкрепления из метрополии. 9 июня 1885 года в Тяньцзине был заключен мирный договор, определивший четкую границу Тонкина с Китаем, и Тонкин окончательно перешел под французский протекторат. Спустя два года Аннам, Тонкин, Кохинхина и Камбоджа были объединены в Индокитайский союз, и там была учреждена французская колониальная администрация. В 1893 году в состав Французского Индокитая по франко-сиамскому соглашению вошел Лаос.

Вторым направлением французской колониальной экспансии стала Северная и Тропическая Африка. Потерпев неудачу в противоборстве с Англией за обладание Египтом, Франция нашла компенсацию в Тунисе. Воспользовавшись как поводом набегом одного из тунисских племен на приграничный район французского Алжира, французы осуществили военную операцию против Туниса, заставив бея Мухаммеда ас-Садока подписать 12 мая 1881 года договор, предусматривавший под предлогом обеспечения «порядка и безопасности» оккупацию территории Туниса французскими войсками. Кроме того, по условиям этого соглашения, бей отказывался от суверенного права на самостоятельную внешнюю политику. Спустя два года, 8 июня 1883 года, по новой франко-тунисской конвенции Тунис признал над собой протекторат Франции.

После подчинения Туниса Третья республика приступила к реализации грандиозного плана объединения в единый массив

французских владений в Северной, Западной и Экваториальной Африке и их расширения до восточного побережья Африканского континента. Но столкновение интересов с Англией не позволило Франции в полной мере осуществить этот план. Тем не менее французская колониальная империя в 1880-е годы расширилась за счет включения в нее целого ряда новых африканских территорий — Габона, Среднего Конго, Берега Сомали (Джибути) и Берега Слоновой Кости. Заданная в те годы инерция получила развитие в последующем десятилетии, позволив к началу XX века объединить восемь владений в Западной Африке в одну колонию — Французскую Западную Африку. Слившись с двумя французскими владениями в Магрибе (Алжир и Тунис) западноафриканские колонии образовали сплошную территорию от Средиземного моря до Гвинейского залива.

В 1885 году истекал семилетний президентский мандат Жюль Гриви. К тому времени ему исполнилось 78 лет. Несмотря на столь солидный возраст Гриви после некоторых связанных с этим колебаний решил выдвигаться на второй срок, полагая, что успешно справляется со своими обязанностями.

На пост президента претендовали еще два крупных политических деятеля. Одним из них был 50-летний Анри Бриссон, тогдашний председатель Совета министров. Он представлял левоцентристский Республиканский союз (*Union républicaine*). Другим — 57-летний Шарль де Фрейсине, бывший глава правительства, принадлежавший, как и Гриви, к правоцентристской партии умеренных республиканцев.

Итоги выборов подтвердили высокую репутацию действующего главы государства: Гриви заручился поддержкой подавляющего большинства Палаты депутатов — 79,34 процента от числа принявших участие в голосовании (457 голосов). Оба его конкурента безнадежно отстали: А. Бриссон получил 68 голосов (11,81 процента), Ш. де Фрейсине — 14 (2,43 процента).

Гриви оставалось только надеяться, что на предстоявшие семь лет ему хватит сил и здоровья. Его личная жизнь шла размеренно, по заведенному раз и навсегда порядку, который старательно поддерживала мадам Гриви. Супруга президента, отличавшаяся строгим нравом и бережливостью, унаследованными от родителей — буржуа среднего достатка, не любила официальных и тем более пышных приемов. Она не только не допускала пре-

вышения сумм, выделяемых государством на представительские расходы и поездки главы государства по стране (в общей сложности около 900 тысяч франков в год), но и сэкономила эти деньги для бюджета.

Свою резиденцию супруги Греви покидали лишь в случае крайней необходимости. Столь же редко они принимали здесь гостей, — как правило, иностранных, посещавших Францию с официальными визитами. Помимо президентской четы, в Елисейском дворце жили дочь главы государства Алис, ее муж Даниэль Вильсон и три их дочери. Вообще в годы президентства Греви Елисейский дворец заметно поскучнел, утратив былую репутацию центра оживленно-праздничной великосветской жизни.

Никто, и прежде всего сам Греви, не предполагал, что его второй президентский срок внезапно оборвется уже через два года из-за громкого политического скандала. Неприятности пришли оттуда, откуда их менее всего ожидали.

В конце сентября 1887 года в печати появились разоблачительные материалы о махинациях с орденами Почетного легиона — высшей государственной награды Франции, которой удостоивались военнослужащие, проявившие доблесть на поле сражения, и лица, отличившиеся на поприще государственной службы, в науке и литературе. Получить алую ленточку кавалера или розетку офицера Почетного легиона было заветной мечтой многих французов — кадровых военных и гражданских служащих. А тут выяснилось, что осуществить эту мечту можно помимо заслуг и в обход принятой процедуры. Достаточно заплатить в зависимости от степени ордена от 25 до 100 тысяч франков неким влиятельным лицам, близким к главе государства, и соответствующий патент будет подписан.

Префектура парижской полиции занялась расследованием, которое в результате привело в... Елисейский дворец, к зятю президента республики Даниэлю Вильсону, члену Палаты депутатов и личному советнику главы государства.

47-летний Вильсон был сыном британского инженера, осевшего во Франции и разбогатевшего на подрядах по созданию в Париже системы вечернего газового освещения. После ранней смерти родителей юному Даниэлю досталось трехмиллионное наследство, которое он приумножил и успешно использовал для построения своей политической карьеры. В 1869 году Вильсон

был избран в Законодательный корпус, где примкнул к республиканской оппозиции режиму Второй империи. Сумев расположить к себе вождя республиканцев Леона Гамбетта, Вильсон при его поддержке в 1871 году переизбрался в Национальное собрание от департамента Эндр-э-Луар и впоследствии неоднократно подтверждал свой депутатский мандат. В декабре 1879 года при содействии влиятельных покровителей Вильсон получил пост заместителя государственного секретаря по финансам в правительстве Шарля де Фрейсине.

Зная, что у президента Гриви есть незамужняя дочь, Вильсон сделал все, чтобы познакомиться с ней. Статный, высокого роста, представительный шатен произвел впечатление на 28-летнюю, склонную к меланхолии Алис Гриви. Получив согласие родителей, она приняла предложение руки и сердца, не ведая, что за эффектной внешностью ее избранника скрывается законченный циник, жуир, азартный картежник и аферист. Свидетелями на процедуре бракосочетания молодоженов 22 октября 1881 года в Елисейском дворце были председатель Совета министров Жюль Ферри и министр финансов Пьер Маньен.

Обосновавшись в резиденции главы государства, Даниэль Вильсон устроил там собственный офис и начал свои темные дела. Он и два генерала — Луи Шарль Каффарель, заместитель начальника штаба армии, и граф Гастон д'Андло, сенатор от департамента Уаза, — предлагали состоятельным гражданам, мечтавшим об ордене Почетного легиона, заплатить необходимую сумму или вложиться в бизнес одного «очень влиятельного лица». Многие соглашались на сомнительную сделку, и никто, надо сказать, не был обманут в своих ожиданиях.

По статуту ордена Почетного легиона, учрежденного еще в 1802 году Наполеоном Бонапартом, его Великим магистром считался глава государства (сначала император, потом король, наконец президент Республики), который утверждал списки кандидатов и скреплял своей подписью каждый выдаваемый патент. Вильсону при содействии Каффареля и д'Андло на протяжении нескольких лет удавалось включать в наградные списки своих клиентов. Не догадываясь ни о чем, Гриви подписывал документы, которые клал ему на стол зять.

Когда афера вскрылась, для 80-летнего Жюля Гриви это стало тяжелейшим ударом. Оппозиция в Палате депутатов негодовала, требуя лишить зятя президента парламентской неприкосновен-

ности, что и было сделано, и Вильсон попал под суд. Генерал Каффарель был изгнан из армии с лишением звания и наград. Кроме того, его обязали выплатить штраф в 3 тысячи франков. Генерала д'Андло спас от правосудия статус сенатора, но его репутация была безнадежно погублена.

Пресса требовала от главы государства объяснений и публичного осуждения Вильсона. Повсюду распространялись многочисленные карикатуры, изображающие президента Гриви и его зятя. По Парижу распевали куплеты, где рефреном звучали слова: «Ах, какое несчастье иметь зятя!», «Ах, какое счастье иметь такого тестя!», «Обнимемся, зятек!» и т. д.

Правительство, которое в это время возглавлял Морис Рувье, пыталось защитить президента от нападков, но тут же само стало объектом жесткой критики и вынуждено было уйти в отставку.

А затем и Гриви принял решение покинуть пост главы государства. 2 декабря 1887 года он уведомил Палату депутатов об этом, и депутаты незамедлительно приняли его отставку.

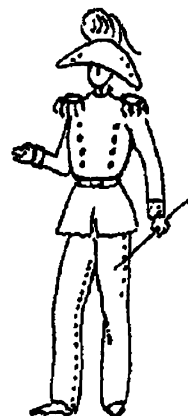
Покинув Елисейский дворец, Гриви отправился к себе на родину, в Мон-су-Водрей. Спустя четыре года, 9 сентября 1891 года, он умер от воспаления легких.

Несмотря на скандальные обстоятельства его ухода с поста главы государства, в политической истории Франции нового времени Жюль Гриви остался как один из «отцов-основателей» Третьей республики, защитивший ее от посягательств монархистов.

Сади Карно

Отставка Жюля Гриви с поста президента республики вызвала осмнение в рядах умеренных республиканцев, контролировавших Национальное собрание. Необходимо было любой ценой избежать «вакансии власти» и в течение суток избрать нового главу государств, тем более что в Париже было неспокойно; ходили упорные слухи, что Огюст Бланки и его сторонники-социалисты готовят восстание и намерены учредить новую Коммуну. Однако в правящем парламентском большинстве не было единства по вопросу о приемлемой кандидатуре. Одни депутаты предлагали Жюля Ферри, другие — Шарля де Фрейсине,

третьи — Шарля Флоке, четвертые — Анри Бриссона. Все эти кандидаты, принадлежавшие к верхушке умеренных республиканцев, в президентство Гриви в разные годы возглавляли Совет министров и считались близкими к главе государства. Нужен был свежий, но известный в обществе человек — с безупречной репутацией, достаточно авторитетный для того, чтобы занять пост главы государства, достаточно самостоятельный, а кроме того одновременно способный объединить разные группировки в правящей партии. И такой человек был найден. Им стал Сади Карно. 3 декабря 1887 года путем рейтингового голосования Палата депутатов избрала его новым президентом Французской республики.

Мари Франсуа Сади Карно — таково было полное имя избранного президента Франции — родился в Лиможе (историческая провинция Лимузен) 11 августа 1837 года. Он принадлежал к известной всей Франции семье с давними и прочными республиканскими традициями. Его дед Лазар Карно (1753—1823) — «великий Карно», как его называли, — был крупным ученым, математиком и механиком, генералом и политическим деятелем эпохи Французской революции, его заслуженно величали «организатором победы» республиканской Франции над иностранными интервентами. При Реставрации он был вынужден эмигрировать и окончил свои дни в изгнании (1823).

Старший брат Лазара Карно — Жозеф (1852—1835) был известным юристом, членом Кассационного суда. В 1832 году он стал членом Академии моральных и политических наук.

Сын «великого Карно» (отец будущего президента Франции) — Ипполит Карно (1801—1888) был участником Июльской (1830) и Февральской (1848) революций, членом Временного правительства Второй республики, министром народного просвещения. Им был подготовлен проект введения обязательного бесплатного начального образования и учреждения среднего женского образования. В 1848 году Ипполит Карно стал основателем Школы администрации, предшественницы ныне существующей *École nationale d'Administration* (Национальной школы администрации) — элитарной кузницы руководящих кадров Пятой республики. После бонапартистского переворота 1851 года он перешел в жесткую оппозицию режиму Второй империи, после падения которой в 1870 году стал одним из самых

уважаемых депутатов Национального собрания, а с 1875 года — несменяемым сенатором.

Славу семейства Карно упрочил другой сын Лазара Карно — Николя Леонар Сади (1796—1832), физик и инженер, один из создателей современной термодинамики. Будучи страстным поклонником творчества средневекового персидского поэта Саади из Шираза, Николя Леонар добавил его имя к своему, слегка изменив его написание.

Ипполит Карно очень любил рано умершего брата и в память о нем назвал его редким именем своего старшего сына, будущего президента Французской республики. Кстати, младший сын Ипполита Карно — Адольф (1839—1920) тоже не посрамил фамилии. Он стал известным ученым в области химии и геологии, членом Академии наук, а также успешным предпринимателем и политиком. В 1901 году Адольф Карно создал и возглавил левоцентристскую партию «Республиканский и демократический альянс».

Мать Сади Карно — Жанна-Мария, урожденная Дюпон-Савинья (1816—1897), доводилась племянницей дивизионному генералу Пьеру-Антуану Дюпон де л'Этану, ветерану революционных и наполеоновских войн.

Примером своей жизни Сади Карно опроверг бытующее представление о том, что природа обычно «отдыхает» на детях известных родителей. С ранних лет он обнаружил не только незаурядные способности, но и примерное трудолюбие.

Среднее образование Сади получил в престижном парижском лицее Кондорсе. Этот лицей, основанный в 1803 году, был известен не только высоким уровнем преподавания, но и демократичностью порядков, и поэтому прогрессивно настроенные буржуа охотно отдавали туда своих сыновей.

Лицеист Карно рано обнаружил повышенный интерес к точным и естественным наукам, хотя хорошо успевал и по гуманитарным предметам. По завершении учебы в лицее он выбрал профессию военного инженера и поступил в столичную Политехническую школу. Хотя Школа с 1804 года находилась в подчинении Военного министерства, со времен Июльской революции она считалась одним из рассадников республиканских настроений, а студенты-«политехники» — «неблагонадежным элементом». Но, судя по всему, в студенческие годы инженерное дело интересовало Сади Карно больше, чем политика. Как

и в лицее, он был одним из лучших на своем курсе. Что касается его политических убеждений, то они изначально были республиканскими, хотя Карно их особо не афишировал.

В 1857 году двадцатилетний выпускник Политехнической школы Сади Карно решает углубить свои инженерные познания и определяется в Школу мостов и шоссейных дорог (École des ponts et chaussées), основанную в 1747 году, еще при Людовике XV.

В начале 1860-х годов Сади Карно начал самостоятельную жизнь. Он получил назначение на пост главного инженера путей сообщения в департаменте Верхняя Савойя, незадолго до того включенного в состав Франции*. В двадцать пять лет это был стройный, элегантный, всегда модно одетый молодой человек с правильными чертами лица — высокий лоб, достаточно крупный нос, густые брови и выразительные глаза. Позднее к этому добавятся аккуратно расчесанные усы и короткая бородка. Этот располагающий к себе окружающий облик Карно сохранит на протяжении всей своей жизни. Он и на шестом десятке будет выглядеть молодым энергичным мужчиной.

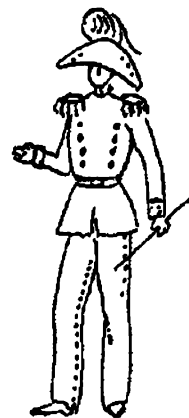
Начало его взрослой жизни ознаменовалось в июне 1863 года женитьбой на 22-летней мадемуазель Сесиль Дюпон-Вит, дочери парижского адвоката и экономиста, друга знаменитого Джона Стюарта Милля**. Впоследствии тесть познакомит своего зятя с Миллем. Сам же Шарль Брук Дюпон-Вит был известен умеренно социалистическими взглядами.

В браке у супругов Карно родятся четверо детей, сначала дочь, Клер, а затем три сына — Сади, Эрнест и Франсуа. Дочь последнего Анна (внучка Сади Карно) в 1925 году выйдет замуж за Рене Жискара д'Эстена, дядю будущего президента Франции Валери Жискара д'Эстена.

Вплоть до 1870 года Карно целиком был поглощен профессиональной деятельностью. Он разработал проект, позволив-

* Это произошло в результате франко-итало-австрийской войны 1859 года, когда Франция расширила свою территорию за счет Савойи, графства Ницца и Лазурного Берега.

** Джон Стюарт Милль (1806—1873) — британский философ, социолог, экономист и политический деятель. Внес основополагающий вклад в философию либерализма.

ший поднять уровень воды в озере Аннеси* на 20 сантиметров. Этот проект, реализованный к 1874 году, обеспечил водой все промышленные предприятия региона. Талантливый инженер также оставил о себе память 40-метровым арочным мостом через реку Рона в районе Коллонж (департамент Эн) и Шеврие (департамент Верхняя Савойя). Строительство моста началось в 1865 году под руководством самого Карно, но начавшаяся франко-прусская война остановила работы. Когда в 1874 году строительство было завершено, мост назвали по месту его географического расположения — Коллонж. После трагической гибели Сади Карно (1894 год) мост получил имя своего проектировщика и первостроителя.

Падение Второй империи и установление во Франции республиканского режима пробудило у Сади Карно интерес к политике. Его отец, пользовавшийся авторитетом среди республиканцев, ввел старшего сына в круг своих друзей-единомышленников. Признанным лидером республиканской партии в то время был Леон Гамбетта, который сразу же обратил внимание на Сади Карно и рекомендовал его военному делегату в правительстве Национальной обороны Шарлю де Фрейсине в качестве помощника. Фрейсине, как и Сади Карно, был инженером, выпускником Политехнической школы, и они легко нашли общий язык.

13 января 1871 года Карно был назначен префектом департамента Нижняя Сена и одновременно Чрезвычайным комиссаром Республики в двух других департаментах — Эр и Кальвадос. Когда А. Тьеру и Ж. Гриви удалось склонить республиканское правительство к заключению мира с Германией, Карно в знак протеста подал в отставку с занимаемых постов. Он, как и Гамбетта, был убежден в необходимости продолжать войну до последней возможности.

На состоявшихся в феврале 1871 года выборах в Национальное собрание Карно стал депутатом от департамента Кот-д'Ор (регион Бургонь-Франш-Конте). При ратификации Франкфуртского мирного договора с Германией в мае 1871 года он был в числе 107 депутатов, отказавшихся признать как уступку

* Озеро Аннеси, образованное стоками альпийских рек и ручьев, расположено на территории Верхней Савойи и региона Овернь-Рона-Альпы.

Эльзаса и Лотарингии, так и выплату победителю 5-миллиардной контрибуции.

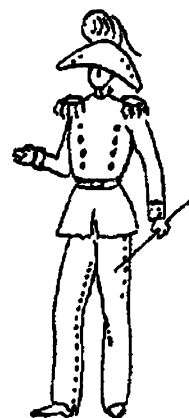
На новых выборах, состоявшихся в 1876 году, он был переизбран в Палату депутатов. Когда президент Патрис де Мак-Магон в мае 1877 года попытался управлять страной в обход республиканского парламентского большинства, Сади Карно вместе с другими депутатами-республиканцами проголосовал против навязываемого главой государства кабинета А. де Бройля.

На внеочередных парламентских выборах в октябре 1877 года Карно подтвердил свой депутатский мандат. К тому времени он уже приобрел широкую известность как последовательный защитник республиканских ценностей.

В 1878 году начинается его министерская карьера — сначала в качестве заместителя государственного секретаря, а год спустя — министра общественных работ в правительстве Жюлья Ферри. Первый министерский опыт был недолгим — чуть более года. Вернувшись в парламент, Карно в 1883 году был избран председателем бюджетной комиссии Палаты депутатов, а в 1883 — 1885 годах был вице-председателем Палаты.

В 1885 году его вновь пригласили в правительство Ш. де Фрейссине, его давнего покровителя, министром общественных работ, но вскоре предложили более престижный портфель министра финансов. На этом посту Карно проявил себя с самой лучшей стороны. Безукоризненно честный, он отказывался следовать примеру многих своих предшественников, приукрашивавших реальное состояние государственных финансов. Прямо и откровенно Карно говорил об остром бюджетном дефиците и предлагал непопулярные меры по его покрытию — режим строгой экономии и займы. Когда в 1887 году Палата депутатов отказалась принять составленный Карно годовой бюджет, он без малейших колебаний вышел в отставку, посчитав для себя невозможным идти на компромисс ради продолжения министерской карьеры.

Перед этим он отказался завизировать документ о крупной выплате близкому другу президента Гриви. Зато это сделал преемник Карно в Министерстве финансов, что вызвало взрыв возмущения в Палате, и без того настроенной против Гриви после аферы с орденами Почетного легиона.

Позже незапятнанная репутация Карно сыграла свою роль, когда дошло дело до избрания главы государства после добровольной отставки Гриви. Депутаты никак не могли договориться о приемлемой кандидатуре нового президента. В результате ожесточенных дебатов еще до голосования отпали несколько кандидатур. В это время вспомнили о Карно, который поначалу не предполагал участвовать в выборах. В конечном итоге в список для голосования внесли двух кандидатов — Сади Карно и Жюля Ферри. Победа любого из них сохраняла высший государственный пост за умеренными республиканцами.

При первом голосовании в Палате из 849 голосов за Карно было подано 303, а за Ферри — 212. Часть депутатов (монархисты, националисты и левые республиканцы) проигнорировала голосование, так как их не устраивали оба кандидата. В качестве альтернативы Карно ими была выдвинута кандидатура генерала Гюстава Соссье, военного губернатора Парижа, возглавлявшего комиссию по расследованию аферы с орденами Почетного легиона. Но против него выступили непримиримо настроенные к монархистам и одновременно оппозиционные к умеренным республиканцам радикал-социалисты, которые в конце концов тоже решили поддержать Карно. При повторном голосовании он получил абсолютное большинство — 616 голосов.

С появлением в Елисейском дворце супругов Карно жизнь президентской резиденции заметно оживилась — во многом благодаря супруге главы государства. Элегантная Сесиль Карно отличалась интеллектом и высокими душевными качествами, завоевавшими ей искреннее уважение в обществе. Она служила надежной опорой мужу. Мадам Карно положила начало доброй традиции устраивать в Елисейском дворце на Рождество праздник для сирот и детей из бедных семей.

Начало президентства Карно пришлось на подъем националистического движения во Франции, объединившего верхушку армии, бонапартистов, орлеанистов, легитимистов и даже левых республиканцев-социалистов. Лидером этого движения стал дивизионный генерал Жорж Буланже, ветеран Итальянской и Индокитайской кампаний, участник франко-прусской войны. Командуя полком, он участвовал в подавлении Парижской коммуны и лично руководил массовыми расстрелами коммунаров. В 1886 году Буланже был назначен военным министром и уме-

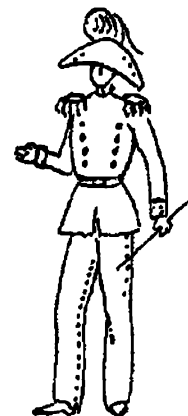
ло использовал этот пост для укрепления своего положения. Он принял ряд мер по перевооружению армии современным стрелковым оружием и улучшению материального положения военнослужащих, что принесло ему популярность в армейских кругах.

Очень скоро Буланже стал высказываться по вопросам внешней политики, что выходило за пределы его министерской компетенции. Особое беспокойство в правительственных кругах вызывали откровенно реваншистские заявления военного министра, рисковавшие обострить и без того напряженные отношения Франции с Германией. Его стали называть «генерал Реванш».

Постепенно разрыв Буланже с умеренными республиканцами стал неизбежным. В мае 1887 года, по требованию президента Гриви, его вывели из правительства и отправили командовать 13-м армейским корпусом в Клермон-Ферран. Вернувшись в армию, Буланже не только не успокоился, но резко активизировал нападки на правительство, о чем регулярно сообщали в Париж осведомители тайной полиции. Они же сообщали о контактах генерала с проживавшим в изгнании принцем Жеромом Наполеоном, вождем бонапартистов, а также с орлеанистами и даже с легитимистами, которые снабжали его деньгами в надежде на антиправительственный заговор.

Одновременно харизматичный генерал-популист формировал радикальное политическое движение, названное по его имени буланжизмом. Позднейшие историки усмотрят в буланжизме определенные черты французской разновидности национал-социализма. Буланжисты бросили открытый вызов Третьей республике и ее «капитулянтской» внешней политике.

Движение нарастало, становясь реальной угрозой для существующего политического режима. Когда в январе 1889 года генерал Буланже с триумфом был избран в Палату депутатов от столичного департамента Сена, поползли слухи о намерении буланжистов захватить Елисейский дворец и сместить Сади Карно с поста президента Республики. «Патриоты» ждали только приказа своего лидера, но тот, по непонятным причинам, колебался. Здесь, видимо, сказались тридцать лет военной службы, прошедшей в безусловном подчинении вышестоящему командованию...

Пока Буланже пребывал в нерешительности, президент Карно действовал на опережение. Во время очередного правительственного кризиса он поручил формирование нового кабинета министров Пьеру Тирару и убедил его доверить пост министра внутренних дел некоему Эрнесту Констану — человеку с неоднозначной репутацией, разбогатевшему на вывозе нечистот из французской столицы. Теперь перед «ассенизатором», отличавшимся невероятной энергией и изворотливым умом, поставили задачу очистить Париж от генерала Буланже. Трудно сказать, в какой степени Констан был посвящен в замыслы главы государства и председателя Совета министров, но он с готовностью принялся за дело.

В конце марта 1889 года он встретился с Буланже, уже вернувшимся из Клермон-Феррана в Париж, где он занял депутатское место в нижней палате. Констан сообщил генералу, что президент и глава правительства поручили ему выступить 1 апреля в Палате депутатов с запросом о лишении Буланже парламентской неприкосновенности за подготовку антиреспубликанского заговора и что ордер о его аресте якобы уже подписан. Замысел состоял в том, чтобы спровоцировать Буланже на необдуманные действия, которые и стали бы основанием для его судебного преследования.

Расчет в полной мере оправдался. Перспектива ареста и тюремного срока всерьез встревожила Буланже. У него в это время в разгаре был бурный роман с виконтессой Маргаритой де Бонмен, с которой годом ранее они познакомились в одном из парижских салонов. Генерал задумал даже развестись с законной супругой и навсегда соединить свою жизнь с Маргаритой. Ради нее он готов был пожертвовать всем — только бы не разлучаться. Любовники решили, что они должны бежать — сначала он, а затем она.

30 марта 1889 года при содействии «сочувствовавшего» ему главы МВД Буланже скрылся из Парижа и через несколько дней объявился в Брюсселе, куда в скором времени к нему приехала Маргарита.

Неожиданное и необъяснимое бегство Буланже стало сокрушительным ударом для его многочисленных сторонников, которые были полностью деморализованы предательством вождя, поставившего любовь выше их общего дела. В рядах буланжистов не нашлось никого, кто смог бы заменить не-

вероятно популярного генерала. С этого момента движение стало постепенно ослабевать и распадаться. На парламентских выборах в сентябре 1889 года, где буланжисты рассчитывали стать победителями, они получили лишь 72 депутатских места (против 366 у республиканцев).

Побег опаснейшего для Третьей республики противника стал формальным основанием для его судебного преследования.

4 апреля 1889 года Палата депутатов 330 голосами против 190 удовлетворила запрос правительства о лишении Жоржа Буланже парламентской неприкосновенности, после чего начались следственные действия против него и руководителей буланжистов — Анри Рошфора, графа де Диллона и др. 14 августа 1889 года Верховный трибунал заочно приговорил их к каторжным работам за организацию «заговора против внутренней безопасности», а также за злоупотребление служебным положением и растрату общественных фондов.

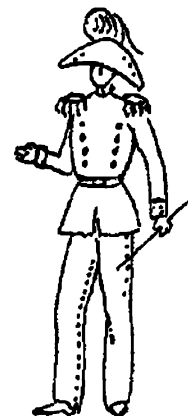
А что же Жорж Буланже?..

Ему недолго довелось наслаждаться обретенным счастьем. 15 июля 1891 года Маргарита де Бонмен умерла в Брюсселе от скоротечной чахотки. Безутешный Буланже не нашел в себе сил жить без своей возлюбленной. 30 сентября 1891 года он покончил с собой выстрелом в голову на ее могиле. Ему было всего 54 года — ровно столько же, сколько и его главному политическому противнику президенту Сади Карно.

Благополучное устранение буланжистской угрозы совпало со столетним юбилеем созыва Генеральных штатов в 1789 году, ставших прелюдией к Французской революции. Президент Карно считал необходимым придать этому юбилею национальный масштаб. 5 мая 1889 года он возглавил организованные по этому случаю торжества в Версале, где сто лет назад в этот день открылись Генеральные штаты. В своем выступлении Карно подчеркнул историческое значение Генеральных штатов на пути Франции от монархии к республике.

А десять дней спустя, 15 мая, он торжественно открыл Всемирную выставку в Париже, главным экспонатом которой стала построенная к этому событию Эйфелева башня. Вызвавшая поначалу множество критических оценок, со временем она превратилась в главный символ французской столицы.

Глава государства трезво оценил последствия «дела Буланже». Он осознал общественный запрос на более энергичную

внешнюю политику Франции перед лицом Германской империи, постоянно наращивавшей свою военную мощь. Был взят курс на поиски союзников для Франции. Сближение с Англией выглядело проблематичным из-за острого соперничества двух колониальных держав в Африке и на Дальнем Востоке. Австро-Венгрия была слаба, она зависела от Германии и казалась все менее самостоятельной. Не приходилось рассчитывать и на Италию, союз с которой не мог стать достаточным противовесом Германской империи.

Все более определенно внимание Карно сосредоточивалось на России, несмотря на очевидную идеологическую несовместимость двух режимов — республиканской Франции и самодержавной Российской империи. Но у Франции не оставалось другого выбора, и идеология была принесена в жертву интересам национальной безопасности.

Александр III был свободен от германофильства своего покойного отца. Его всерьез беспокоило нарастание влияния Германии, угрожавшее нарушить сложившееся в Европе равновесие. К тому же царя сильно раздражали антироссийские интриги Берлина и союзного с ним венского двора в Болгарии, освободившейся от турецкого господства с помощью России. Да и супруга Александра, императрица Мария Федоровна (урожденная датская принцесса Дагмар), никогда не скрывала неприязни к Германии, постоянно угрожавшей ее маленькой исторической родине.

В конце 1880-х годов обострились русско-германские экономические противоречия из-за введения Германией высоких пошлин на зерно из России, что привело к таможенной войне между двумя странами. С другой стороны, промышленные круги в России, искавшие дополнительные ресурсы для развития производства, видели во Франции перспективного инвестора и кредитора.

Все это с успехом было использовано французской дипломатией, постаравшейся показать Петербургу все преимущества двустороннего сближения. В 1888 году Россия разместила во Франции заказ на изготовление 500 тысяч современных ружей для русской армии. Тогда же, в 1888 году, русское правительство получило во Франции первый заем, за которым в 1889, 1890 и 1891 годах последовали новые крупные займы.

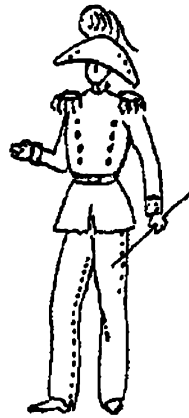
Экономическое взаимодействие Франции и России сопровождалось военно-политическим сближением. Летом 1891 года французская военная эскадра во главе с контр-адмиралом Альфредом Жерве нанесла дружественный визит в Кронштадт. Тогда же, в форме обмена письмами между главами МИД Франции и России, было оформлено двустороннее политическое соглашение, дополненное в 1892 году военной конвенцией, содержащей конкретные взаимные обязательства сторон в случае агрессии против одной из них.

В октябре 1893 года состоялся ответный визит русской военной эскадры в Тулон. Командовавший ею контр-адмирал Федор Карлович Авелан получил приглашение в Париж, где был торжественно принят президентом Карно и министром военно-морского флота адмиралом Анри Риёнье. Президентским декретом русский адмирал был удостоен Большого креста ордена Почетного легиона. Александр III не остался в долгу: Сади Карно был отмечен высшей наградой Российской империи — орденом Св. Андрея Первозванного.

В январе 1894 года Париж и Петербург обменялись ратификационными грамотами, придавшими силу военной конвенции 1892 года, что юридически оформило франко-русский союз, который просуществовал до октября 1917 года.

Президент Франции испытывал чувство законного удовлетворения. Союзом с Россией ему удалось надежно укрепить безопасность своей страны, избежав военного конфликта с Германией. При этом он сумел переиграть националистов-реваншистов, обличавших правительство в капитулянтстве и забвении национальных интересов Франции.

Возможно, именно поэтому на его репутации не сказался случившийся в это время громкий политический скандал, потрясший Третью республику — так называемая Панама. В 1892 году вскрылась причастность целого ряда известных французских политиков, включая министров, к финансовым махинациям при строительстве Панамского канала, в котором Франция участвовала по соглашению с Колумбией, контролировавшей Панамский перешеек. Карно оказался вне подозрений, но вовлеченные в аферу министры и депутаты были серьезно скомпрометированы, как и парламентская система Франции. С тех пор понятие «Панама» стало во всем мире нарицательным, когда речь заходит о крупных финансовых аферах.

Наряду с националистами и буланжистами, серьезную угрозу для Третьей республики с конца 1880-х представляло получившее широкий размах движение анархистов, которые, как и русские народovolьцы, были склонны к террору в отношении представителей власти. Отвергая «буржуазное общество», которое они желали разрушить, анархисты вели «пропаганду действием», подкладывая бомбы в рестораны и кафе, где собирались представители политической элиты. В декабре 1893 года анархист Огюст Вейян пронес бомбу в зал заседаний Палаты депутатов и взорвал ее в амфитеатре. Лишь по счастливой случайности никто тогда не погиб.

Правосудие жестко реагировало на подобные акции и карало смертной казнью их исполнителей. Президент Карно принципиально отказывался распространять предоставленное ему конституцией право помилования на террористов. Так, он отказался помиловать Вейяна, а затем и Эмиля Анри (единомышленники называли его «Сен-Жюстом анархии»), устроившего серию взрывов в Париже с многочисленными жертвами. 21 мая 1894 года по приговору суда Эмиль Анри был гильотинирован.

Тем временем смертельная опасность нависла над самим Карно. Убийство главы государства задумал двадцатилетний итальянский эмигрант, убежденный анархист Санто Джеронимо Казерио, работавший в булочной в южном приморском городке Сет (Аквитания). Купив за пять франков длинный кинжал толедской работы, Казерио отправился в Лион, где, как он знал, президент Карно должен был присутствовать на церемонии открытия Всемирной колониальной выставки.

24 июня 1894 года глава государства неспешно следовал по улицам Лиона в открытом экипаже. Внезапно к коляске подбежал молодой человек и с криком «Да здравствует анархия!» вонзил кинжал в правый бок Карно. Нападавшего схватили на месте; толпа едва его не растерзала.

Кинжал задел печень и повредил жизненно важные сосуды. Несмотря на все усилия пытавшегося его спасти доктора Понсе, в 23 часа 45 минут того же дня Сади Карно скончался от внутреннего кровотечения.

Тело главы государства было доставлено в Париж, где были организованы национальные похороны. Сади Карно удостоился редкой для государственного деятеля чести — быть похоронен-

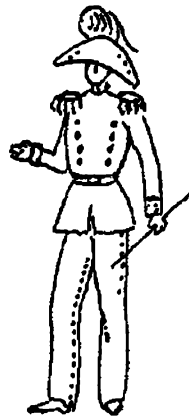
ным в Пантеоне, рядом со своим знаменитым дедом Лазаром Карно.

Его убийца по приговору суда 16 августа 1894 года был гильотинирован. Отказавшись принять явившегося к нему священника для последней исповеди, Казерио поднялся на эшафот со словами: «Мужайтесь, друзья! Да здравствует анархия!»

Убийство Карно стало последним заметным террористическим актом французских анархистов, активность которых резко пошла на спад, чему способствовала и серия принятых тогда же Палатой депутатов репрессивных законов, действовавших вплоть до 1992 года.

Сади Карно при жизни пользовался глубоким уважением в обществе, а трагические обстоятельства его гибели способствовали возникновению вокруг имени убитого президента редкого для представителей французского правящего класса ореола благородного республиканца, никогда и ничем себя не скомпрометировавшего. Заняв пост главы государства, он в высшей степени добросовестно и ответственно выполнял возложенные на него конституцией 1875 года обязанности, никогда не выходил за рамки своих полномочий, держался в стороне от ожесточенной борьбы партий и политических течений, пытаясь лишь смягчать ее остроту и непримиримость.

Карно сыграл важную роль в упрочении республиканского строя во Франции, устоявшей от искушения буланжизмом. За шесть с половиной лет его президентства Франция сумела выйти из международной изоляции и укрепить свою национальную безопасность путем сближения с Россией.

Жан Казимир-Перье

После убийства президента Сади Карно взбудораженное французское общество требовало пресечения террористической деятельности анархистов и укрепления республиканского правопорядка. Возник запрос на решительного политика во главе государства. Многим французам таким человеком представлялся тогдашний председатель Палаты депутатов Жан Казимир-Перье, инициировавший в декабре 1893 года принятие серии законов против анархистов. 27 июня 1894 года, на третий

день после смерти Карно, он был избран новым президентом Французской республики. В скором времени в обществе осознают поспешность этого выбора, и глава государства уже через полгода после избрания оставит свой пост.

Жан Казимир-Перье родился 8 ноября 1847 года в Париже. Он принадлежал к известному во Франции семейству. Его прадед крупный промышленник и банкир Клод Перье в 1800 году стал одним из основателей Французского банка, а дед Казимир Перье в 1831–1832 годах возглавлял правительство Июльской монархии. Казимир Перье умер в возрасте пятидесяти четырех лет во время поразившей Париж эпидемии холеры. Его сын Огюст в память об отце добавил его имя к своей фамилии.

Огюст Казимир-Перье (1811— 1876) начинал карьеру на дипломатической службе в посольствах Франции в Лондоне, Неаполе, Санкт-Петербурге и Ганновере. В 1846 году он оставил дипломатию и был избран в парламент, а затем, в 1849 году, переизбран. В период Второй империи Казимир-Перье отошел от участия в активной политической жизни, в которую вернулся уже после падения бонапартистского режима. В феврале 1871 года он стал депутатом Национального собрания, а в октябре 1871 года, по предложению президента Республики А. Тьера, занял пост министра внутренних дел. Политическую карьеру Огюст Казимир-Перье завершил в кресле сенатора, успев приобщить к политике своего единственного сына. Он умер в июле 1876 года в возрасте 64 лет.

Мать будущего президента Французской республики Камилла была дочерью крупного финансиста Филиппа Фонтенильи. В качестве приданого своему мужу она принесла замок XVIII века на юго-западе Франции и особняк на Елисейских Полях, где родился их сын.

Жан Казимир-Перье получил образование в лицее Кондорсе, а затем на факультете права Сорбонны. С началом франко-прусской войны 23-летний Казимир-Перье вступил в армию в чине капитана и на собственные средства оснастил роту, с которой принял участие в боевых действиях. В одном из сражений, 13 октября 1870 года, он вынес на себе с поля боя раненого батальонного командира, за что был награжден орденом Почетного легиона.

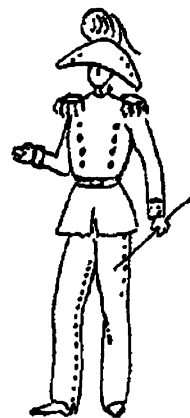
В 1873 году Жан Казимир-Перье женился на своей восемнадцатилетней кузине Элен Перье-Вите, дочери умершего еще в 1865 году Эдуарда Перье, члена Государственного совета при Второй империи. В этом браке родятся двое детей — мальчик и девочка.

Тогда же Казимир-Перье впервые приобщился к «политической кухне». Отец-министр взял его к себе в качестве секретаря, а незадолго до смерти, в 1876 году, успел посодействовать сыну в избрании в Палату депутатов от департамента Об (восток Франции). Однако сын не внял настоятельному совету отца, правого республиканца, и примкнул в парламенте к левой фракции. Впоследствии, правда, он заметно поправеет.

Во время конституционного кризиса в мае 1877 года, когда президент П. Мак-Магон попытался управлять страной вопреки воле левого большинства Палаты, Казимир-Перье выступил против главы государства. Вскоре он получил первый пост в правительстве — заместителя государственного секретаря по вопросам народного просвещения, культов и изящных искусств. На этом посту он проработал два года, а затем вернулся к своим депутатским обязанностям.

В 1883 году Казимир-Перье выступил против законопроекта об изгнании членов бывших правящих династий из Франции, а когда соответствующий закон все же был принят, в знак протеста сдал депутатский мандат. Его поведение было мотивировано давними связями семейства Казимир-Перье с Орлеанским домом. Впрочем, на ближайших выборах он вновь был избран в Палату.

В октябре 1883 года, ему предложили пост заместителя государственного секретаря Военного министерства в кабинете Жюля Ферри. В этом качестве Казимир-Перье проработал до марта 1885 года, после чего вернулся в парламент, где занял пост вице-председателя Палаты депутатов и главы ее комиссии по вопросам финансов. В январе 1893 года он стал председателем Палаты, а в начале декабря ему предложили возглавить Совет министров. Встав во главе правительства Казимир-Перье взял себе одновременно и портфель министра иностранных дел. Важнейшим достижением его правительства во внешней политике стало окончательное оформление в январе 1894 года секретного франко-русского союза, направленного против Германии.

Что касается внутренней политики, то Казимир-Перье провел через Палату депутатов серию законов против анархистов. Одновременно он упорно сопротивлялся законодательному отделению церкви от государства, что предполагало внесение соответствующих изменений в конституцию 1875 года. С той поры карикатуристы стали изображать Казимира-Перье — «человека порядка» — в образе стоящего на страже бульдога.

Судьбу правительства Казимира-Перье определил его острый конфликт с профсоюзами. Когда 23 мая 1894 года парламент отказался законодательно одобрить решение министра общественных работ Шарля Жонара о запрете профсоюза работников железных дорог, Казимир-Перье в знак солидарности со своим министром подал в отставку и уже 2 июня вернулся в кресло председателя Палаты депутатов.

В политических кругах французской столицы поговаривали о неформальных, даже дружественных отношениях главы нижней палаты с президентом Республики, который якобы желал видеть Казимира-Перье своим преемником в Елисейском дворце. Эти разговоры подогревались приближавшимся сроком окончания президентского мандата Сади Карно в январе 1895 года. Убийство Карно 24 июня 1894 года сделало Казимира-Перье фаворитом на досрочных выборах нового главы государства, назначенных на 27 июня.

Сам он никогда не обнаруживал желания стать хозяином Елисейского дворца, справедливо полагая, что конституционные ограничения президентской власти в Третьей республике обрекают главу государства на безучастное созерцание политического процесса, а он привык быть в центре политической борьбы. Выставить свою кандидатуру на объявленных выборах Казимира-Перье вынудили семья и ближайшие друзья, которых он обреченно предупреждал: «Я не подхожу для этой магистратуры, я человек действия, боец, и должен оставаться на боевых позициях. В Елисейском дворце моя сила иссякнет». Когда же в пользу выдвижения его кандидатуры высказались три фракции в Сенате — Левый центр, Республиканский союз и Республиканская левая, он вынужден был уступить давлению.

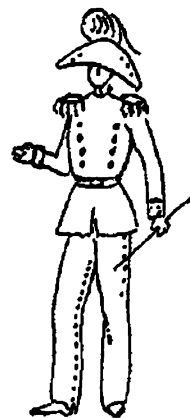
По конституции 1875 года, президент избирался обеими палатами Национального собрания. При голосовании в Сенате Казимир-Перье получил 180 голосов из 200.

Радикалы, его политические противники, попытались не допустить избрания Казимира-Перье в нижней палате. Они выдвинули кандидатуру Анри Бриссона, бывшего главы правительства. Третьим претендентом на пост президента стал действующий председатель Совета министров Шарль Дюпюи, представитель умеренных республиканцев. На выборах оба соперника Казимира-Перье потерпели сокрушительное поражение. Бриссон получил всего 195 депутатских голосов, а Дюпюи — 97. 451 депутат (из 853 проголосовавших) отдал предпочтение Казимиру-Перье, который в свои сорок шесть лет стал самым молодым после Луи-Наполеона Бонапарта президентом Французской республики.

Когда Казимиру-Перье сообщили результаты голосования, он, по свидетельству литератора Юбера Авара, отреагировал на это более чем странно. На его лице отразились лишь досада и раздражение, а через мгновение он буквально рухнул в кресло и неожиданно разрыдался. Когда на следующий день представители столичной прессы пришли с поздравлениями к новому главе государства, он с грустной обреченностью ответил им: «Теперь я в полной вашей власти; обсуждайте все, что я скажу, и все, что сделаю».

Недаром, видимо, Казимир-Перье не испытывал особого желания занять высший государственный пост. Предчувствия подсказывали ему, что впереди тяжелые испытания. В министерской чехарде, свойственной парламентской системе Третьей республики, глава государства оставался единственной, пусть во многом и символической, фигурой на политическом небосводе Франции, привлекавшей к себе всеобщее внимание. Этим и воспользовались его политические противники.

С первых же дней после вступления в должность молодой президент сделался излюбленной мишенью для радикалов и социалистов, обличавших его как «реакционера, спекулянта и эксплуататора народа». И в самом деле, главный акционер металлургических предприятий и угольных шахт на севере Франции Жан Казимир-Перье был живым воплощением жестокого французского капитализма конца XIX века. В романе «Жерминаль» Эмиль Золя с безжалостным натурализмом показал невыносимо тяжелые условия труда на шахтах, принадлежавших семейству Казимир-Перье. А. Мильеран, один из вождей

французских социалистов, публично называл главу государства «надменным отпрыском захвативших власть разбойников с большой дороги, уничтожавших наших предков с помощью законов, написанных ими для самих себя».

Травля в печати сопровождалась угрозами физической расправы над президентом и членами его семьи. После недавнего убийства Сади Карно эти угрозы вовсе не выглядели пустыми запугиваниями. Они подрывали душевное равновесие главы государства; он не чувствовал себя в безопасности даже в Елисейском дворце, не говоря уже о выездах за его пределы и поездках по Франции. Чтобы иметь возможность покинуть Елисейский дворец неопознанным, он приказал снять со своего экипажа отличительные знаки президента.

Ожесточенная кампания, развернутая против него, быстро превратила Казимира-Перье в самого непопулярного политика в глазах французов. Министры во главе с Шарлем Дюпюи, недавним претендентом на президентский пост, с трудом скрывали пренебрежительное отношение к главе государства. Они не подпускали его даже к иностранным делам, хотя вопросы внешней политики, как и обороны, всегда входили в сферу полномочий президента Французской республики.

«Кроме заявления о своей отставке, все, что подписывает президент, — это не более чем коллекция автографов», — заметил как-то Казимир-Перье. Принимая в Елисейском дворце одного из гостей, он сказал, что чувствует себя здесь «узником».

Во внутриполитических делах Казимир-Перье за рекордно короткий срок своего президентского мандата успел «отметиться» лишь в сфабрикованном монархистами-антисемитами «деле Дрейфуса», выступив на стороне несправедливо обвиненного в шпионаже в пользу Германии и осужденного на пожизненную каторгу капитана Генерального штаба Альфреда Дрейфуса. Только преждевременная отставка помешала ему помиловать Дрейфуса, но и без того он приобрел опасных врагов в лице крайне правых, обвинивших его в сочувствии «германскому шпиону».

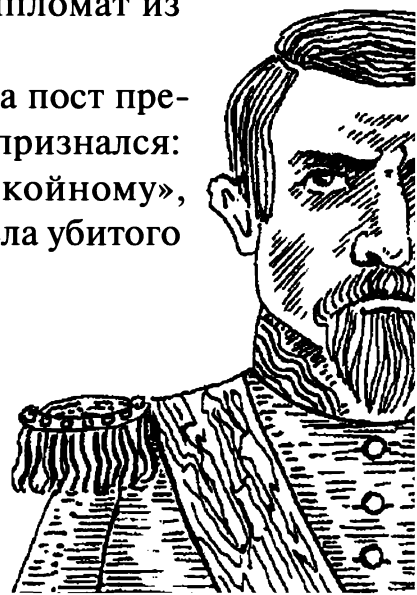
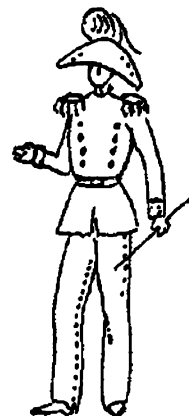
В обстановке непреходящей враждебности Казимир-Перье все чаще стал задумываться об уходе с поста, который, как он считал, был ему навязан. Последней каплей, переполнившей его терпение, стали судебные процессы против двух журналистов, публично оскорблявших его в своих статьях. Один из них,

Альбер Гуйе, хроникер крайне левой газеты «Petite République», был приговорен к двум годам тюремного заключения. Другому — Альфреду Леону Жеро-Ришару из малотиражной социалистической газеты «Chambard» — повезло больше. Его защитником на судебном процессе выступил сам Жан Жорес, народный трибун и блестящий адвокат, настроенный к президенту Казимиру-Перье не менее непримиримо, чем его подзащитный. Мало кому известный прежде журналист, благодаря устроенному против него процессу и участию в нем Жореса, приобрел общенациональную известность. Получив по суду год тюрьмы, Жеро-Ришар, находясь в заключении, был избран в Палату депутатов от 13-го округа Парижа.

Остро ощущавший свое политическое одиночество, затравленный прессой Казимир-Перье воспринял избрание Жеро-Ришара депутатом как личное оскорбление. 16 января 1895 года он объявил в Палате депутатов о своей добровольной отставке. «В течение нескольких месяцев продолжалась кампания клеветы и оскорблений в отношении армии, судебной системы и бесправного главы государства, — заявил Казимир-Перье. — Этот разгул социальной ненависти — результат свободы мысли и слова... Я не могу смириться с тем, что тяжести лежащих на мне моральных обязанностей сопутствует бессилие, на которое я обречен».

В обществе его добровольный уход приняли равнодушно. Разве что публицисты-социалисты сожалели, что лишились привычной мишени. В Палате депутатов отставку приняли, но одновременно и осудили его поступок, справедливо посчитав, что Казимир-Перье оказался не на высоте своей миссии. Эту же мысль сформулировал в частном письме тогдашний посол Франции в Турции Поль Камбон. «В принципе он (Казимир-Перье. — П. Ч.) ушел в отставку только потому, что обязанности главы государства угнетали его, и он так и не понял, в чем же смысл его деятельности», — писал французский дипломат из Константинополя своей матери в Париж.

Феликсу Фору, избранному 17 января 1895 года на пост президента Французской республики Казимир-Перье признался: «Насколько легче наследовать живому, нежели покойному», имея в виду, что самому ему пришлось принимать дела убитого Сади Карно.

После 16 января 1895 года Казимир-Перье окончательно ушел из политической жизни, сосредоточившись на управлении своим состоянием, оценивавшимся в 40 миллионов тогдашних франков. В 1899 году он отказался от предложения Эмиля Лубэ возглавить Совет министров. Тогда же Казимир-Перье единственный раз после отставки нарушил молчание, выступив на втором процессе капитана Дрейфуса (август 1899 года) в его защиту. Свидетельство Казимира-Перье способствовало последующей реабилитации несчастного Дрейфуса.

11 марта 1907 года 59-летний Жан Казимир-Перье умер в Париже от приступа острой стенокардии. Он завещал похоронить себя не в столице, а в Пон-сюр-Сен (департамент Об). Он попросил также, чтобы за его гробом несли крест кавалера Почетного легиона, полученный им на поле боя в 1870 году. Прощание с бывшим президентом Республики прошло в узком семейном кругу в присутствии немногих друзей.

Феликс Фор

«Президент не является заложником какой-либо партии. Он — узник Конституции», — заявил Феликс Фор, приступив к исполнению обязанностей главы государства после добровольной отставки Жана Казимира-Перье. В отличие от незадачливого предшественника Фор изначально принял правила игры и сознательно согласился на ту, преимущественно представительскую роль, которая отводилась ему конституцией Третьей республики. Он никогда не тяготился своими обязанностями, как Казимир-Перье. Более того, Фор стремился получать максимум положенных ему по занимаемому посту почестей, благ и даже удовольствий. За любовь к блеску и роскоши французская пресса, проводя ироничную аналогию с Людовиком XIV, назовет его «президент-солнце». Впрочем, это двусмысленное, применительно к главе республиканского режима, прозвище не пережило Феликса Фора, от которого не осталось заметного следа в новой истории Франции.

Феликс Фор происходил из мелкобуржуазной семьи. Его предки занимались кожевенным производством и торговлей в депар-

таменте Рона, а отец Жан-Мари Фор, перебравшись в Париж, наладил там изготовление стульев, кресел и другой дешевой мебели, пользовавшейся определенным спросом среди обитателей рабочего предместья Сен-Дени.

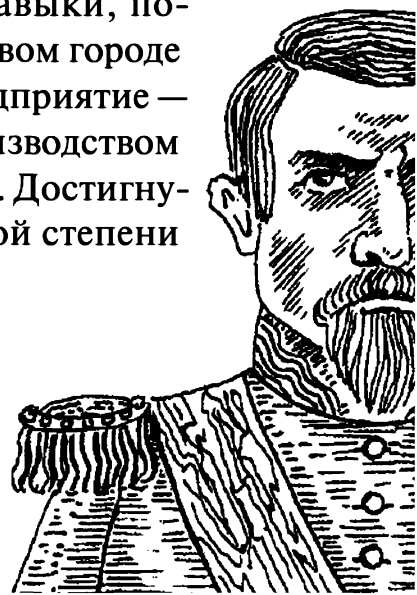
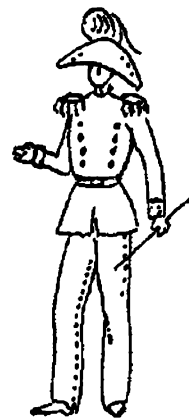
Феликс Фор родился в Париже 30 января 1841 года. В возрасте одиннадцати лет он потерял мать, умершую от туберкулеза. Отец женился вторично. От этого брака родился сводный брат Феликса. Впоследствии он станет морским офицером и погибнет в море в возрасте двадцати четырех лет.

Отец пытался приобщить старшего сына к своему ремеслу. Уже став видной политической фигурой, Феликс Фор любил показывать гостям свою подростковую фотографию в рабочем одеянии с кожаным фартуком.

После смерти жены, Жан-Мари Фор определил 11-летнего сына на учебу в муниципальный коллеж города Бове (департамент Уаза, на севере Франции), а через два года перевел его поближе к столице — в городок Иври-сюр-Сен (Иль-де Франс), где Феликс учился в частной школе-интернате.

Отец, дела которого шли в гору, в 1857 году отправил его для изучения английского языка и торгового дела в Англию, где Феликс провел два года. Английским языком, как и премудростями торговли, он овладел, но интереса к коммерции так и не приобрел. В то время он мечтал о военной карьере, рассчитывая вступить в ряды «африканских охотников» — так называли во Франции кавалерийские подразделения Африканской армии, дислоцированной в Алжире. Однако отец решительно воспротивился этому намерению, все еще рассчитывая сделать старшего сына продолжателем семейного бизнеса.

В 1861 году Фор-отец отправляет двадцатилетнего Феликса в Амбуаз, старинный городок в долине Луары, для стажировки на принадлежащем ему небольшом кожевенном предприятии. Стажировка продолжалась полтора года. За это время Фор-младший приобрел необходимые практические навыки, позволившие ему через несколько лет основать в портовом городе Гавр, куда он перебрался, собственное доходное предприятие — «Феликс Фор и К°». Параллельно с кожевенным производством Фор успешно занимался фрахтовкой торговых судов. Достигнутым материальным благополучием он в значительной степени был обязан своим стараниям.

В июле 1865 года он вступил в брак с 23-летней Бертой Беллюо, которая на всю жизнь сохранит восхищение своим супругам, упорно не замечая его измен. Даже самые близкие люди поражались ее редкой наивности. В этом браке родились две дочери — Люси и Антуанетта. В юности обе они дружили с Марселем Прустом. Одно время поговаривали даже о женитьбе Пруста на Антуанетте Фор.

Тогда же, в 1865 году, Феликс Фор вступил в Гавре в масонскую ложу и за четыре года достиг в ней высоких степеней. Принадлежность к масонам с давних пор считалась во Франции одним из залогов успешной карьеры, особенно с установлением республиканского строя. Масонами были практически все президенты и министры Третьей республики, как и депутаты парламента. В 1870 году Фор стал председателем Торговой палаты Гавра. Масонство, неразрывно связанное с атеизмом, не мешало Фору с уважением относиться к религиозным убеждениям своей супруги, примерной католички.

Когда в сентябре 1870 года рухнула Вторая империя, Феликсу Фору исполнилось двадцать девять лет. К тому времени он, уже убежденный противник бонапартистского режима, примкнул к умеренным республиканцам. Его первый политический опыт был связан с работой в составе муниципального совета Гавра, куда его избрали в августе 1870 года, в самом начале франко-прусской войны. Со сменой политического режима в Париже он, как республиканец, выдвинулся в руководство муниципалитета, где занимался вопросами обороны города на случай приближения пруссаков. Фор осуществлял закупки оружия и другого военного снаряжения, мобилизовал горожан на строительство оборонительных сооружений.

Выход Фора на орбиту национальной политики состоялся в 1881 году, когда он был избран в Палату депутатов от департамента Нижняя Сена (Нормандия). Затем он четыре раза переизбирался в нижнюю палату, где поначалу присоединился к неформальной левоцентристской парламентской группе Республиканский союз. После раскола этой группы в середине 1880-х годов Фор в числе других депутатов, выбравших правоцентристскую ориентацию, принял участие в создании Прогрессивного союза (Union progressiste).

Покровительствовавший Фору Леон Гамбетта в ноябре 1881 года предложил своему протеже пост заместителя госу-

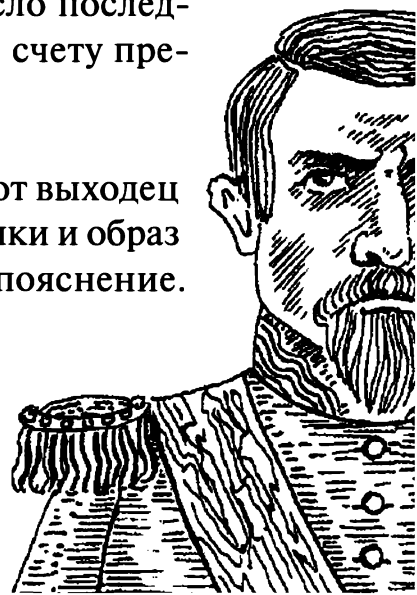
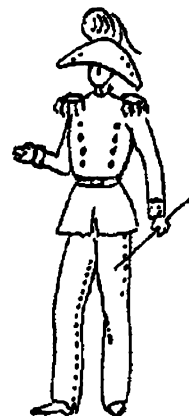
дарственного секретаря по делам флота и колоний и тем самым дал толчок его министерской карьере. Занимая второстепенные правительственные должности, Фор входил в состав всех последующих правительств, пока, наконец, не достиг высшего уровня. 30 мая 1894 года ему доверили портфель морского министра в правительстве Шарля Дюпюи. Он обладал редким умением ладить со всеми — с верхушкой умеренных республиканцев, с монархистами и даже с левым центром. Лишь социалисты и радикалы не жаловали преуспевавшего карьериста.

Когда Казимир-Перье оставил свой пост, умеренные республиканцы, как и монархисты, не сразу сошлись на кандидатуре Феликса Фора. Поначалу они сделали ставку на Пьера-Мари Вальдек-Руссо, адвоката из Нанта, бывшего депутата и министра внутренних дел. По их мнению, он был способен успешно противостоять левому кандидату Анри Бриссону, поддерживаемому социалистами. Бриссон был чемпионом по участию в президентских выборах. Трижды до этого — в 1885, 1887 и 1894 годах — он выдвигал свою кандидатуру, но всякий раз терпел неудачу. Тем не менее он решил еще раз испытать судьбу.

Однако против Вальдека-Руссо выступили правоклерикальные круги, не желавшие видеть протестанта во главе государства. Именно благодаря им на авансцену вышел третий кандидат — морской министр Феликс Фор, в последний момент решивший подключиться к борьбе за президентское кресло. Правые не забыли, как в 1888 году Фор выступал против принятия закона о высылке из Франции представителей бывших правящих династий — Бурбонов, Бонапартов и Орлеанов.

Позиция правых во многом определила результаты первого голосования в Национальном собрании, когда Анри Бриссон получил 338 голосов, Феликс Фор — 244 и Вальдек-Руссо — 184. Перед вторым голосованием умеренные и правые заключили союз, дабы не допустить избрания Бриссона. Вальдек-Руссо снял свою кандидатуру в пользу Фора, что и принесло последнему 430 голосов. Так Феликс Фор стал шестым по счету президентом Третьей республики.

Поднимаясь по ступеням политической карьеры, этот выходец из мелкобуржуазной среды успешно усваивал привычки и образ жизни аристократа. Здесь необходимо сделать одно пояснение.

Французская революция, отобрав бразды правления у аристократии, никогда не ставила своей целью уничтожение второго сословия «как класса». Она ограничилась лишь ликвидацией дворянских привилегий, перераспределив их в свою пользу. Более того, дорвавшийся до власти мольеровский мещанин месье Журден старательно подражал мольеровскому же графу Доранту — он заимствовал у него манеры и вкусы, желая выглядеть светским человеком и быть частью *haute société* (высшего общества).

Феликс Фор, потомок мастеров-кожевников, достигший поста президента Французской республики, не составлял здесь исключения. При этом он успешно и даже талантливо играл роль двуликого Януса. Регулярно бывая, как депутат, в Гавре и в других районах департамента Нижняя Сена, он старался выглядеть «человеком из народа», хорошо знающим интересы и чаяния простого люда — ремесленников, рабочих, мелких буржуа, горожан и крестьян. В своих выступлениях перед избирателями Фор любил напомнить, что он «сын рабочего и сам был рабочим».

Совсем иначе он вел себя в столице, особенно после избрания главой государства. В его манерах появились величаявая сдержанность, холодная отчужденность и подчеркнутая вежливость аристократа. Один его внушительный вид и выражение лица свидетельствовали о глубоком внутреннем самоуважении, за которым скрывалось не столько тщеславие, сколько почтение к занимаемому им посту. Даже от своих старых друзей Фор потребовал впредь ему не тыкать, а обращаться исключительно на «вы».

Над созданием нового имиджа президента заботливо трудилась и его супруга мадам Берта Фор. На шестом десятке лет в ней мало что осталось от некогда красивой и элегантной модницы. Преждевременно располнев, она давно уже проигрывала на фоне своего всегда подтянутого, моложавого, хотя и седовласого мужа, сохранявшего привлекательность в глазах прекрасного пола, которому он всегда отвечал взаимностью.

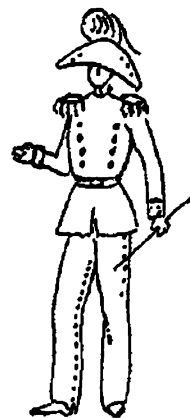
Два ежегодных бала, семь гала-обедов на сто десять кувертов каждый, около восьми тысяч гостей. Все это находилось в ведении мадам Фор и ее старшей дочери Люси. Елисейский дворец давно не видел столь оживленной великосветской жизни. Сам Фор своей городской резиденции предпочитал загород-

ную — старинный замок Рамбуйе, где в избранном обществе часто устраивал охоту в духе времен Старого порядка. «Французский двор все еще существует», — заявлял президент Республики с замашками монарха. Впрочем, он никогда не выходил за рамки Конституции. «У меня не больше прав, чем у королевы Англии», — заметил однажды президент Фор в разговоре с министром народного просвещения Раймоном Пуанкаре.

Тем не менее Фор с удовольствием играл роль «республиканского монарха». Он был верен этому увлечению даже в мелочах. Великая княгиня Мария Павловна, супруга Владимира Александровича, младшего брата императора Александра III, была шокирована, когда на обеде в Елисейском дворце раздачу блюд начали с хозяина, президента Фора, а не с нее и других дам, как было принято. Позднее русской гостье деликатно объяснили, что дело не в бестактности главы государства. Оказалось, что именно таков был давно забытый порядок обедов и ужинов при французском дворе времен династии Валуа. Президент Фор, к удивлению непосвященных, возродил эту древнюю традицию. От Старого порядка он заимствовал и другую традицию, согласно которой детям короля предписывалось исполнение при дворе определенных функций. Так, на свою дочь Люси Феликс Фор возложил обязанность отвечать на письма и обращения, поступающие в Елисейский дворец. Фору, очевидно, нравилось прозвище «президент-солнце», и он старался закрепить эту свою репутацию, искренне полагая, что тем самым содействует возвышению Франции в глазах Европы.

«Президент-солнце» весьма заботился о своем имидже. Однажды Фор поинтересовался у офицера охраны: «Скажите, я популярен в обществе?» И услышал в ответ: «Понимаете, господин президент, отец говорил мне, что осознал популярность господина Тьера, когда увидел литографии с его портретом на коробочках с пряниками, продаваемых на ярмарке. Я пока еще не видел такого вашего портрета, господин президент». Позже, объясняя депутату Эрнесту Рейно значение популярности государственного деятеля, Фор говорил: «Когда я пришел к власти, никто меня не знал. Нужно было очень постараться, чтобы приобрести популярность. Народ любит только тех, кого хорошо знает».

Из всех президентских функций Феликс Фор более всего ценил почетную обязанность быть лицом Франции в большой

европейской политике. «Я выполняю свою работу, которая состоит в том, чтобы, насколько мне это удастся, представлять республиканскую Францию как достойную и дружелюбную державу, каковой она была при прежних режимах», — говорил Фор. Он любил принимать глав иностранных государств и стал первым президентом Французской республики, который совершал официальные зарубежные визиты.

Самыми важными событиями его президентства, получившими международный резонанс, стал пышный прием во Франции российского императора Николая II (сентябрь — октябрь 1896 года) и ответный визит Феликса Фора в Россию в августе — сентябре 1897 года. Дружественной атмосфере, в которой прошли оба эти визита, не помешала идеологическая несовместимость двух режимов — республиканского и самодержавного. Императору приходилось неоднократно отдавать честь при исполнении запрещенной в России революционной «Марсельезы», а президенту Французской республики — почтительно выслушивать гимн «Боже, царя храни».

Франко-русский военно-политический союз, тайно оформившийся в начале 1890-х годов, после этих двух визитов перестал быть секретом для Европы. Желая отметить важную роль президента Фора в укреплении франко-русского союза, Николай II пожаловал ему орден Св. Андрея Первозванного — высшую награду Российской империи.

На фоне активно развивавшегося сближения Франции с Россией резко обострились франко-английские отношения, едва не вылившиеся в войну между Парижем и Лондоном. Когда французы, после утверждения в северо-восточной части Африки, попытались в 1898 году проникнуть в верховья Нила, они натолкнулись на решительное противодействие англичан, считавших этот район сферой своих исключительных интересов.

В сентябре 1898 года английский отряд численностью до 2 тысяч человек под командованием генерала Г. Китченера подошел к населенному пункту Фашода, где неожиданно обнаружился небольшой (150 сенегальских стрелков) французский отряд во главе с капитаном Ж.-Б. Маршаном, обосновавшийся в Фашоде еще в июле месяце. Китченер потребовал от Маршана немедленно покинуть Фашоду, но получил решительный отказ.

Проинформированный об инциденте в Фашоде британский кабинет пригрозил применением всех наличных сил для защиты

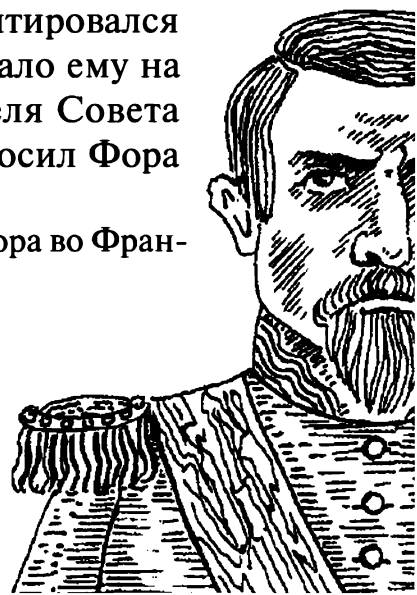
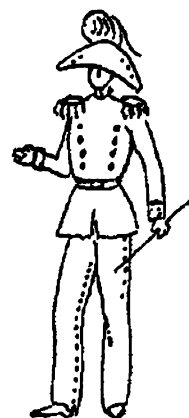
своих интересов в районе Верхнего Нила и начал демонстративные приготовления к военным действиям. Правительство Франции попыталось заручиться поддержкой России. Когда в октябре 1898 года в Париже находились с визитом сразу три русских министра — иностранных дел (М.Н. Муравьев), финансов (С.Ю. Витте) и военный министр (генерал А.Н. Куропаткин), президент Фор и министр иностранных дел Теофиль Делькассе попытались поднять этот вопрос. Однако им вежливо напомнили, что франко-русский союз имеет не антианглийскую, а антигерманскую направленность.

Соотношение сил было явно не в пользу Франции. По этой причине французское правительство отдало капитану Маршану приказ оставить Фашоду. В марте 1899 года после двухмесячных переговоров было заключено соглашение о разграничении английских и французских владений в Восточном Судане. Линия разграничения прошла в основном по водоразделу рек Конго и Нила. Отказавшись от притязаний на район Верхнего Нила, Франция приобрела часть Северного Судана и Сахары к востоку от озера Чад. Договоренность между Парижем и Лондоном стала первым шагом на пути к более широкому англо-французскому соглашению, которое было заключено в 1904 году.

В ходе «Фашодского конфликта» президент Фор решил на несвойственную ему в принципе самостоятельность. Он добился от правительства увеличения военных расходов на 50 миллионов франков, причем без предварительного согласия Палаты депутатов. Это был, пожалуй, единственный случай подобного рода, к тому же оправданный перспективой войны с Англией.

Внутренние дела предоставляли президенту Форю еще меньше возможностей для самостоятельных действий. Он имел на них весьма скромное влияние даже в тех вопросах, которые формально входили в сферу его компетенции. В условиях правительственной нестабильности*, при частых министерских кризисах, свойственных Третьей республике, Феликс Фор никогда не проявлял самостоятельности и всегда ориентировался на парламентское большинство, которое и предлагало ему на утверждение ту или иную кандидатуру председателя Совета министров. Когда однажды Раймон Пуанкаре попросил Фора

* За четыре с небольшим года президентства Феликса Фора во Франции сменилось пять правительств.

призвать к порядку левого республиканца Жюля Мелина, тогдашнего главу правительства, президент заметил ему с укоризной: «Вы что, хотите впутать меня в ваши партийные дрызги?»

Социалист Александр Мильеран как-то сказал о Форе: «Этот зависимый персонаж не наделен ни характером, ни значением; этот президент — некое подобие монарха; в действительности же он не более чем статист». Министры считали излишним посвящать президента в дела управления, хотя он и собирал их регулярно в Елисейском дворце на заседания под своим председательством.

В «деле Дрейфуса», самом глубоком политическом кризисе в период его президентства, Феликс Фор предпочел занять уклончивую позицию. Когда этот скандал только начинался, Фор еще не был главой государства и как депутат поддерживал «дрейфусаров» — защитников оклеветанного капитана Дрейфуса, но, перебравшись в Елисейский дворец, изменил свою позицию.

Свой знаменитый памфлет «Я обвиняю», где он обличал националистов, антисемитски настроенную военщину и клерикалов, Эмиль Золя адресовал именно президенту, как защитнику демократических свобод. Однако обращение знаменитого писателя, опубликованное 12 января 1898 года в газете «Орор» («L'Аurore»), не нашло понимания у Фора. «Президент-солнце» отказался поддержать пересмотр приговора, вынесенного несчастному Дрейфусу, и его полное оправдание произошло уже при следующем президенте Франции.

Всем своим цветущим видом величественный и благообразный Феликс Фор являл собой пример отменного физического здоровья. Тем более неожиданным для общества стало сообщение о том, что 16 февраля 1899 года президент Республики скоропостижно скончался в Елисейском дворце от «внезапной остановки сердца». Фору было пятьдесят восемь лет. Позднее появилась другая версия причины смерти — кровоизлияние в мозг.

Дотошные парижские журналисты не могли, разумеется, удовлетвориться скухими строками официального коммюнике. Очень скоро им удалось выяснить истинные, скандальные обстоятельства кончины главы государства.

С незапамятных времен стареющие ловеласы всеми способами пытались продлить свое мужское долголетие, прибегая

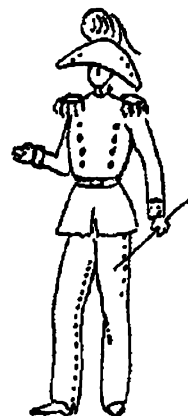
к стимуляторам растительного или животного происхождения. Феликс Фор имел репутацию опытного обольстителя. Его похождения составляли секрет разве что только для безгранично преданной ему супруги. Берта Фор упорно не желала знать (а может, и действительно не знала) об изменах мужа, который встречался с любовницами в загородных отелях, на съемных квартирах, а в отдельных случаях даже в Елисейском дворце. Старея, он стал все чаще прибегать к распространенному в то время стимулятору половой активности на основе хинина.

Последним, роковым для Фора, увлечением стала 30-летняя Маргарита Стенель, жена заурядного парижского художника, время от времени охотно позировавшая и другим мастерам кисти. Президент случайно встретил Маргариту в 1897 году на курорте в Шамони и сразу же страстно в нее влюбился. Фор сделал даже несколько заказов ее мужу Адольфу Стенелю, чтобы иметь формальный повод встречаться с супругами. Одновременно президент тайно принимал Маргариту в своей официальной резиденции. Бурный роман настолько захватил Фора, что он буквально потерял голову, обещая развестись с законной супругой и жениться на Маргарите.

Утром 16 февраля 1899 года Фор проснулся раньше обычного. Позавтракав без аппетита, он сообщил начальнику своей канцелярии Ле Галлю, что чувствует себя неважно. Ему предстояло председательство на заседании Совета министров, а также ряд встреч, среди которых была встреча с архиепископом Парижским, кардиналом Ришаром. Заседание Совета министров, к неудовольствию Фора, затянулось дольше обычного, а кардинал Ришар долго, со всеми подробностями, рассказывал президенту о встрече с вернувшимся из Берлина принцем Монако Альбертом, который передал ему заверения Вильгельма II о непричастности Германии к «делу Дрейфуса».

Проводив архиепископа, Фор, наконец, почувствовал себя свободным. Он позвонил любовнице и пригласил ее приехать к нему как можно скорее. Маргарита не заставила себя ждать. Фор встретил ее в «Голубом салоне» Елисейского дворца, месте их обычных тайных свиданий.

...В 18 часов из салона послышался истошный женский крик. Начальник канцелярии главы государства и офицеры охраны вбежали в комнату. Их взорам открылась неприглядная картина: разбросанная на полу одежда, обнаженный президент Фор,

вцепившийся в волосы своей кричащей от ужаса любовницы... Преодолевая смущение, служащие осторожно приблизились и увидели, что он в бессознательном состоянии и только издает хрип.

На шум явилась мадам Фор. Мобилизовав все свое самообладание, она помогла Маргарите собрать вещи и распорядилась вывести ее из дворца через потайной выход. В спешке любовница президента оставила в «Голубом салоне» корсет, который месть Ле Галль под шумок прибрал себе как сувенир.

Послали за докторами и священником, которые единодушно констатировали, что впавший в кому президент безнадежен. Аббат Рено поспешил отпустить ему грехи, но без причастия, требующего осознанного покаяния. После трехчасовой агонии Феликс Фор скончался. Медики позднее придут к выводу, что перед своим последним свиданием президент переборщил со стимулирующим средством, и сердце не выдержало нагрузки. Разумеется, все эти подробности всплыли позднее. Официальная же версия смерти главы государства осталась неизменной — сердечный приступ.

Феликсу Фору были устроены национальные похороны, погребли его на кладбище Пер-Лашез. На установленном позднее бронзовом надгробии работы скульптора Рене де Сен-Марсо он изображен покоящимся в полный рост на государственных флагах Франции и России, что символизировало главное достижение его президентства — франко-русский союз. Мадам Берта Фор пережила неверного супруга на двадцать один год и была похоронена рядом с ним.

Как бы то ни было, в судьбе Феликса Фора его современник Эрнест Лависс, автор школьного учебника по истории, усмотрел пример подражания для подрастающего поколения. «Трудом и бережливостью они сами или их дети могут подняться над своим нынешним положением и достичь лучшей жизни. Пример тому дает жизнь Феликса Фора, — писал Лависс. — Точно так же, как солдаты Империи носили в своих ранцах маршальский жезл, нынешние маленькие французы могли бы поискать на дне своих школьных ранцев Большую ленту (Почетного легиона. — *П. Ч.*), которая украшает грудь президента Республики».

Похороны Фора 23 февраля 1899 года сопровождались попыткой захвата Елисейского дворца, предпринятой «Лигой патриотов», возглавляемой продолжателем дела генерала Буланже депутатом Полем Деруледом, идейным вождем националистов-реваншистов. Переворот, затеянный дилетантами, потерпел неудачу, а его организатор был арестован, осужден и выслан за пределы Франции.

Это была последняя в XIX веке попытка вооруженного захвата власти во Франции, переживавшей самый, пожалуй, счастливый за истекавшее столетие период своей истории, которому французы после окончания Первой мировой войны дадут ностальгическое определение — «Прекрасная эпоха» (*la Belle Époque*). И действительно, страна вот уже почти тридцать лет как не воевала. Преодолев изоляцию, Франция сумела укрепить свою безопасность военным союзом с Россией. Годы мирного развития, когда французы получили возможность наслаждаться наконец-то обретенным покоем, способствовали невиданному прежде экономическому и культурному подъему, превратившему Францию в одну из ведущих промышленно развитых держав. Ее достижения убедительно были продемонстрированы в 1900 году на Всемирной выставке в Париже. Как и в век Просвещения, Франция вновь доминировала в области культуры, вернув себе репутацию законодательницы литературной и художественной моды.

Республиканский строй во Франции смог устоять в ожесточенной и затяжной борьбе с реставраторскими искушениями. Третья республика уверенно вступала в XX век, доказав свою устойчивость и жизнеспособность.

Литература

Наполеон I

Избранные произведения. М., 1956.

Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. СПб., 1844.

Correspondance de Napoléon Ier, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1852–1870. Vol. 1–32.

Mémorial de Sainte-Hélène, par Las Cases. Paris, 1968.

Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Пер. с фр. СПб., 1905.

Вандаль А. Наполеон и Александр I. СПб., 1911–1913. Т. 1–3.

Вильпен Д. де. Сто дней, или Дух самопожертвования. Пер. с фр. М., 2003.

Левицкий Н.А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.

Тарле Е.В. Наполеон. М., 1957.

Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». Пер. с фр. М., 1996.

Anceau É. Napoléon. Paris, 2004.

Boudon J.-O. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 2000.

Castelot A. Napoléon. Paris, 1983.

Guillemin H. Napoléon, légende et vérité. Paris, 1986.

Lentz Th. Napoléon. Paris, 2003.

Norma P. Napoléon. Paris, 2002.

Людовик XVIII

Бовыкин Д.Ю. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М., 2016.

- Bordonove G.* Louis XVIII. Paris, 1989.
Castrie R. Duc de La Croix de. Louis XVIII. Paris, 1969.
Lever E. Louis XVIII. Paris, 1988.
Mansel Ph. Louis XVIII. London, 2005.
Walter G. Le Comte de Provence, frère du roi, “régent” de France, roi des émigrés. Paris, 1950.

Карл X

- Cabanis J.* Charles X: roi ultra. Paris, 1972/
Castelot A. Charles X: la fin d’un monde. Paris, 1988/
Griffon Y. Charles X, roi méconnu. Paris, 1999/
Le Nabour É. Le dernier roi. Paris, 1980/
Raillat L. Charles X. Le sacre de la dernière chance. Paris, 1991.

Луи-Филипп

- Таньшина Н.П.* Король французов Луи-Филипп Орлеанский: штрихи к портрету // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Всеобщая история. 2012, № 9 (89).
Таньшина Н.П. Император Николай I и король Луи-Филипп. Двойной портрет // Россия и Франция XVIII — XX века. Вып. 12. М., 2017.
Antonetti G. Louis-Philippe. Paris, 2002.
Bordonove G. Louis-Philippe, Roi des Français. Paris, 1990.
Castrie, duc de. Louis-Philippe. Paris, 1972.

Генерал Кавеньяк

- Застенкер Н.* Революция 1848 года во Франции. М., 1848.
Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 7.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8.
Революция 1848 года во Франции (февраль — июнь) в воспоминаниях участников и современников. М. — Л., 1934.
Революция 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого.) Л., 1926.
Чернышевский Н.Г. Кавеньяк. — Полн. соб. соч. в 15 т. М., 1950. Т. 5. [*Cavaignac Julie*] Les Mémoires d’une Inconnue. Publiés sur le manuscrit original 1780–1816. Paris, 1894.
Deschamps A. Eugène Cavaignac. Paris, 1870.

Général Pierre Ibos. Général Cavaignac: Un dictateur républicain. Paris, 1931.

Givaudon P. Chronique des Cavaignac. Paris, 2010.

Наполеон III

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 8. М., 1957.

Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. М., 2003.

Oeuvres de Napoléon III. T. 1. Paris, 1869.

Anceau E. Napoléon III. Un Saint-Simon à cheval. Paris, 2008.

Bordenove G. Napoléon III. Paris, 1998.

Bruyère-Ostells W. Napoléon III et le Second Empire. Paris, 2004.

Castelot A. Napoléon III. L'aube des Temps modernes. Paris, 1999.

Dargent R. Napoléon III, l'Empereur du Peuple. Paris, 2009.

Girard L. Napoléon III. Paris, 2002.

Lahlou R. Napoléon III ou l'obstination couronnée. 3-me éd. Paris, 2007.

Leduc É. Louis-Napoléon Bonaparte, le dernier Empereur. Paris, 2010.

Milza P. Napoléon III. Paris, 2004.

Nofri G. Napoléon III, visionnaire de l'Europe des Nations. Paris, 2010.

Sagnes J. Napoléon III. Le parcours d'un Saint-Simonié. Paris, 2008.

Séguin P. Louis Napoléon le Grand. Paris, 1990.

Smith W. Napoléon III. Paris, 2007.

Адольф Тьер

История Французской революции (1788—1799). СПб. — М., 1873—1877. Т. 1—5.

История Консульства и Империи во Франции, в 4 т. Репр. изд. 1846—1849. СПб., 2012.

Игнатченко И. В. Адольф Тьер: судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2017.

Christophe R. Le Siècle de Monsieur Thiers. Paris, 1966.

Descaves P. Monsieur Thiers. Paris, 1960.

Dreyfus R. Monsieur Thiers contre l'Empire, la guerre, la Commune 1869—1871. Paris, 1928.

Guillemin H. L'avènement de Monsieur Thiers, suivi de Réflexions sur la Commune. Paris, 1971.

Guiral P. Adolphe Thiers ou De la nécessité en politique. Paris, 1986.

G. Le Gouvernement de M. Thiers. 1870—1873. T. I — II. Paris, 1925.

Ollivier J.-P. Président de la République. Les vingt-deux chefs d'État français 1848–2002. Paris, 2002.

Маршал Мак-Магон

Достоевский Ф. М. Иностранные события. — Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 180–248.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. Т. 22. Л., 1981. С. 83–91.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год, сентябрь — декабрь. Т. 26. Л., 1984. С. 5–24.

Bourgerie R. Magenta et Solferino (1859). Napoléon III et le rêve italien. Paris, 1993.

Brogie G. de. Mac Mahon. Paris, 2000.

Gouttman A. La guerre de Crimée 1853–1856. Paris, 1995.

Halévy D. La Fin des notables. Vol. 1–2. Paris, 1972.

Laforge de Vitanval L.-L. Histoire complète de Mac-Mahon, maréchal de France, duc de Magenta, d'après des documents originaux et des pièces officielles. Vol. 1–3. Paris, 1898.

Ollivier J.-P. Président de la République. Les vingt-deux chefs d'État français 1848–2002. Paris, 2002.

Pisani-Ferry F. le Coup d'État manqué du 16 mai 1877. Paris, 1965.

Sementérie M. Les Présidents de la République française et leur famille. Paris, 1982.

Silvestre de Sacy J. Le Maréchal de Mac Mahon, duc de Magenta, 1808–1893. Paris, 1960.

Valynceele J. Les Maréchaux de Napoléon III, leur famille et leur descendance. Paris, 1980.

Жюль Греви

Amson D. Gambetta ou le rêve brisé. Paris, 1994.

Azéma J.-P., Winock. M. La IIIe République. Paris, 1976.

Gaudemet Y.-H. Les Juristes et la vie de la Troisième République. Paris, 1970.

Grévy J. La République des opportunistes. 1870–1885. Paris, 1998.

Jeambrun P. Jules Grévy ou la République debout. Paris, 1991.

Mayeur J.M. Les Débuts de la Troisième République (1871–1898). Paris, 1978.

Ollivier J.P. Président de la République. Les vingt-deux chefs d'État français 1848–2002. Paris, 2002.

Piastra R. Les présidents de 1870 à nos jours. Paris, 2012.

Сади Карно

- Azéma J.-P., Winock M.* La Troisième République. Paris, 1976.
Bouey V. Les Anarchistes contre la République (1880—1914). Paris, 2008.
Harismendy P. Sadi Carnot: l'ingénieur de la République. Paris, 1995.
Ollivier J.-P. Président de la République: les vingt-deux chefs d'État français 1848—2002. Paris — Bruxelles — Montréal — Zurich, 2002.
Piastra R. Les présidents de 1870 à nos jours. Paris, 2012.
Truche P. L'Anarchiste et son juge. À propos de l'assassinat de Sadi Carnot. Paris, 1994.

Жан Казимир-Перье

- Azéma J.-P., Winock M.* La Troisième République. Paris, 1976.
Démier F. La France du XIXe siècle 1814—1914. Paris, 2000.
Joly B. Histoire politique de l'affaire Dreyfus. Paris, 2014.
Ollivier J.-P. Président de la République: les vingt-deux chefs d'État français 1848—2002. Paris — Bruxelles — Montréal — Zurich, 2002.
Piastra R. Les présidents de 1870 à nos jours. Paris, 2012.

Феликс Фор

- Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993.
Рыбаченок И.С. Визиты Николая II и Феликса Фора (1896—1897 гг.) на страницах газеты «Новое время». — Россия и Франция XVIII — XX века. Вып. 12. М., 2017. С. 81—112.
Billard T. Félix Faure. Paris, 1995.
Faure F. Journal à l'Élysée (1895—1899). Paris, 2009.
Joly B. Histoire politique de l'affaire Dreyfus. Paris, 2014.
Legoy J. Le peuple du Havre et son histoire. Paris, 1984.
Azéma J.-P., Winock M. La Troisième République. Paris, 1976.
Ollivier J.-P. Président de la République: les vingt-deux chefs d'État français 1848—2002. Paris — Bruxelles — Montréal — Zurich, 2002.
Piastra R. Les présidents de 1870 à nos jours. Paris, 2012.

Содержание

От автора	5
Наполеон I	8
Людовик XVIII	48
Карл X	65
Луи-Филипп	83
Генерал Кавеньяк	101
Наполеон III	121
Адольф Тьер	150
Маршал Мак-Магон	167
Жюль Гриви	186
Сади Карно	200
Жан Казимир-Перье	213
Феликс Фор	220
Литература	232

Черкасов П.

Ч-48 Правители Франции. XIX век / Петр Черкасов. — М. : Ломоносовъ. — 2019. — 248 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-504-3

В новой книге Петра Черкасова история Франции XIX столетия представлена через биографии тех, кто управлял страной в это время. Среди ее героев два императора — Наполеон I и Наполеон III, два последних Бурбона — Людовик XVIII и Карл X, «король-гражданин» Луи-Филипп Орлеанский, генерал-диктатор Луи Эжен Кавеньяк, президенты Третьей республики — Адольф Тьер, маршал Патрис де Мак-Магон, Жюль Гриви, Сади Карно, Жан Казимир-Перье и Феликс Фор. С их именами связаны пережитые французами разорительные войны, две иностранные интервенции, три революции и несколько государственных переворотов, в результате которых в стране шесть раз менялся политический строй.

Петр Черкасов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кавалер ордена Почетного легиона. В издательстве «Ломоносовъ» вышли его книги «Кардинал Ришелье» (2015), «Шпионские и иные истории из архивов России и Франции» (2015), «Правители Франции. XVII — XVIII века» (2018).

УДК 94(44)04-08

ББК 63(0)52-53

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Петр Черкасов

Правители Франции

XIX век

Редактор Я. Левин
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 03.12.2018.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87